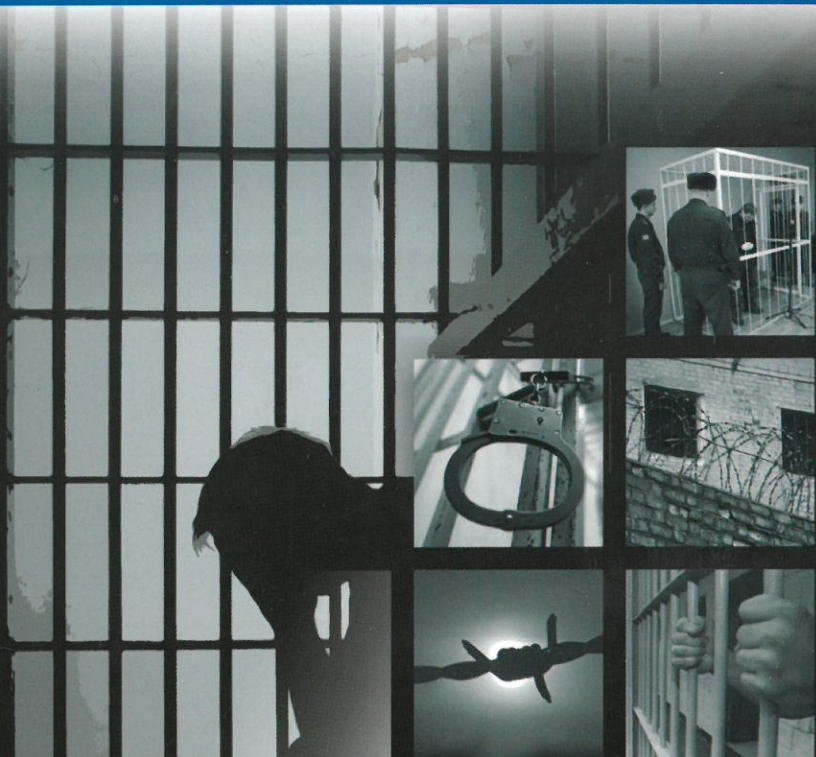

ВАЛЕРИЙ СОРОКО

И ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

Исповеди бывших сотрудников

Валерий Сороко

**И ОТ ТЮРЬМЫ
НЕ ЗАРЕКАЙСЯ**

Исповеди бывших сотрудников

Минск
«Медисонт»
2016

УДК 821.161.1(476)-32
ББК 84(4Бен=Рус)-44
С65

Сороко, В. И.

С65 И от тюрьмы не зарекайся : исповеди бывших сотрудников / Валерий Сороко. — Минск : Медисонт, 2016. — 264 с.

ISBN 978-985-7136-03-2.

Очередная книга Валерия Сороко, бывшего работника Белорусской транспортной прокуратуры, члена республиканских союзов журналистов и писателей, бизнесмена повествует о судьбах заключённых. Многие из осуждённых писали многочисленные жалобы, не соглашаясь с вынесенными им приговорами.

Несомненно, эта книга будет интересна всем.

УДК 821.161.1(476)-32
ББК 84(4Бен=Рус)-44

ISBN 978-985-7136-03-2

© Сороко В. И., 2016
© Оформление. ООО «Медисонт», 2016

ОТ АВТОРА

Преступность — явление вечное. Со времён Каина и Авеля насилие было и будет. В самой биологии живых существ заложено насилие и другие отрицательные моменты, без которых жизнь невозможна. Преступность расцветает, когда снижается планка нравственности и повышается ощущение безнаказанности. Человеческим поведением иногда управляют бессознательные процессы. Совершая насилие, преступник надеется утвердить себя в качестве биологического существа. Всё, что унижало, оскорбляло, все неприятные ощущения и воспоминания, а также желание самоутвердиться, толкает на криминальные поступки.

Согласно действующему законодательству уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления умышленно или по неосторожности. Уголовное наказание применяется только по приговору суда. Преступление и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим в момент совершения преступления. Закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу. Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет. Наказание может быть назначено судом в строгом соответствии с законом в рамках санкции уголовного закона.

Все правоохранительные органы задействованы в профилактике и борьбе с преступностью. Ключевыми, на мой взгляд, в раскрываемости престу-

плений являются службы уголовного розыска, их агентура, участковые инспекторы и следователи. Население оказывает большую помощь в борьбе с негативными явлениями такого рода. Точку в неотвратимости наказания ставит суд.

Я как бывший работник прокуратуры, как лицо, прошедшее жернова правосудия и мест лишения свободы, имею право утверждать, что системы дознания, следствия и заточения несовершеннолетние и делают очень много ошибок. Корни таких ошибок имеют как субъективные, так и объективные факторы. Тищеславие, желание выслужиться, получить очередное звание, премию, лестную оценку от начальства толкают работника на непродуманные, невзвешенные поступки.

К сожалению, общий уровень профессиональной подготовки отдельных работников правоохранительных органов невысок. Большинство молодых специалистов проявляют тенденциозность и обвинительный уклон, а отсюда и ошибки. В психологии таких работников отсутствуют сомнения, преобладают амбиции. Забывается основной принцип презумпции невиновности. К тому же существует необходимость улучшать статистику раскрываемости. Чего греха таить, материальная заинтересованность, телефонное право, местные «князьки», иные власть предержащие влияют на процесс следствия и суда. И многое другое отрицательно влияет на объективное отношение к гражданину, попавшему под «молот» правоохранительных органов. Несмотря на то, что якобы открыты шлюзы гласности, на головы граждан обрушивается

поток различной (в том числе и недостоверной, ограниченной) информации. Закрытая ранее от посторонних глаз система дознания, следствия и суда все более приоткрывается из газет, журналов, телеэкранов и Интернета. Незаконное привлечение к уголовной ответственности и осуждение по-прежнему имеют место.

Очень важный фактор в судьбе человека, влияющий на его здоровье, психику в процессе и после осуждения, — это система наказания. Ничего другого взамен колоний и тюрем пока что не придумано. Многие представляют колонию как «университет жизни», но фактически отбывшие наказание выходят на свободу с большим преступным багажом. Хотя, согласно официальной государственной политике, колония должна исправлять и воспитывать оступившихся граждан по принципу: «На свободу — с чистой совестью».

Что же на самом деле представляет собой колония? Прежде всего это высокий забор с колючей проволокой, прожекторами, сигнализацией, вышками по углам и бесконечный лай овчарок. Суровые охранники, обращающиеся к заключённым грубо и немногословно, если не более... Одиночные затхлые, тусклые, с цементным полом камеры штрафных изоляторов (ШИЗО) для нарушителей исправительно-трудового распорядка. А ещё тяжёлый труд за мизерную зарплату, негласный устав лагерной жизни, существующий на протяжении десятков лет. Здесь каждый осуждённый имеет свой статус. Наверху иерархической лестницы восседают авторитеты — воры в законе. К ним

обращаются с просьбой «разрулить» конфликт, спорную ситуацию. Фраера знают, что вор всегда рассудит по справедливости. Администрация колонии сотрудничает с такими лидерами, так как понимает, каким авторитетом они пользуются. С их помощью можно поддерживать относительный порядок среди заключённых. Воры назначают «выдвиженцев», которые за них делают всю работу, обеспечивая их благоденствие. «Выдвиженцы» сами не способны стать лидерами и бояться скатиться с завоёванного места. Они слушаются авторитета и всё делают в его пользу: обирают слабых, заставляют работать на вора, перераспределяют в пользу авторитета результаты производственной деятельности и т. д.

Такие люди, будучи независимой кастой воровского промысла, сами добровольно ограничили свою жизнь и профессиональную деятельность рамками определённых условностей, которые приняли форму закона. Всё, что выходило за рамки принятых на себя ограничений, считалось беспределом и попадало под воровской суд.

Вся эта структура колонии работает с молчаливого согласия серой, разобщённой массы. Большинство осуждённых — «мужики», которыми и правит авторитет. Они делают вид, что их такая система устраивает, проявляют безразличие и нейтралитет. Не вмешиваются в разборки из-за страха за свою жизнь, за свой лагерный паёк и за своё рабочее место.

В промзоне избираются «бригадиры». Как правило, уважаемые и полезные люди из осуждённых.

«Бригадир» — это мужская должность — пахан работяг. В колониях существуют отряды. В каждом отряде администрация назначает «завхоза», осуждённые называют его «пахан шнырей». Есть ещё комендант с нарядчиком, по воровской терминологии — «козья элита». Помельче — это разного рода активисты, общественники, члены секций, добровольных дружин...

Невыносимо больно смотреть на осуждённых-«обиженных». На ежедневных поверках они стоят позади строя в грязной, потрёпанной обуви и ветхой одежде, они неделями не моют руки и лица. В число «обиженных» входят несколько категорий: петухи, вафлеры и чушки. На свободе их называют «голубыми». Только их делят как женщин: «Это мой педик, а не твой». А «опускают» их по разным причинам: проиграл в карты, не угодил начальству, по беспределу и т. д. Спит этот отшельно, в самом тёмном непроветриваемом месте, ест отдельно, общается с другими в редких случаях. Эта категория жестоко избиваемая и эксплуатируемая. Любой осуждённый может, за спиной администрации, ударить обиженного, отнять у него продукты, личные вещи, заставить выполнить за себя грязную работу. Их насилуют поодиночке или группой, нередко с извращениями. Заставляют совершать задуманные другими преступления. Опущенный не считается за человека.

Внешний порядок администрация полностью контролирует. Всё расписано поминутно: подъём, построение, зарядка, завтрак, работа на производстве, личное время и прочее по распорядку дня.

Однако внутренняя пружина лагерной жизни законспирирована. И не только с помощью резиновых дубинок, но и за счёт усилий «авторитетов». Только путём нарушения законности поддерживается порядок в исправительно-трудовых учреждениях. Администрация бессильна проявить волю, чтобы жизнь колонии была как часть механизма — без сбоев, без существующих воровских традиций.

После освобождения большинство граждан чувствует на себе факт пожизненного преследования. Трудно трудоустроиться, а тем более по специальности, занимать ответственные должности. Вопрос о судимости стоит во всех заполняемых анкетах. Возникают вопросы с пропиской, жильём.

Долгое время осуждённый подавался средствами массовой информации как рвач, агрессивный и жестокий. Но многие попадают «под раздачу» случайно, иные — просто стрелочники, а некоторые и незаконно привлекаются к уголовной ответственности.

Презумпция невиновности должна быть краеугольным камнем в работе правоохранительных органов.

Состояние преступности и социально-экономическая ситуация в обществе неразрывно связаны. Когда расцветает коррупция и протекционизм, когда мораль и право находятся во власти американской зелёной бумажки, а товарно-денежные отношения становятся главной идеологической формой бытия, преступность только возрастает.

Жестокость и обман разлагают общество, ведут к упадку морали и потере нравственных ори-

ентиров. Поэтому жизненно необходимо, чтобы законы действовали для всех, независимо от статуса, должности, материального положения. Необходимо, чтобы средства массовой информации были действительно независимы, а конституционные нормы, права и свободы граждан неукоснительно исполнялись.

Нравственность, справедливость, доброта должны с детства внедряться в сознание человека. Семья, школа, средства информации и другие источники воздействия обязаны постоянно формировать в обществе нормы духовности и нравственного благоденствия.

Религия оказывает своё воздействие на сознание преступника, хотя стопроцентной гарантии не даёт, обольщаться и делать ставки только на неё, по-моему, не стоит. В дореволюционной России вера в Бога владела умами почти всего населения, тем не менее преступления в ней совершались.

Подробнее обо всём этом — различных нюансах жизни за колючкой — и пойдёт речь в этой книге.

* * *

Многие, кто так или иначе узнал о моём решении раскопать «Витебское дело», выразительно вращали указательным пальцем у виска: «У Сороко “поехала крыша”. С кем борешься, Валера?!». Доказывали, что этого монстра нельзя не только свалить, его даже сдвинуть с места невозможно, и я зря бьюсь лбом в глухую стену. Поверьте, я не настолько наивен, чтобы не по-

нимать: только моих усилий для решения этой сверхзадачи ничтожно мало. Но недаром говорят: «Капля камень точит»...

Предвижу и даже вижу оппонентов иного толка. Это сытый обыватель, успевший исподтишка наворовать у государства (у нас с вами), но не попавшийся, а также обозлённый неудачник, не сумевший определиться в жизни, и, конечно, закоренелый преступник, коих, к сожалению, ещё немало. В общем, многие и многие мои читатели со злорадством скажут: «Так тебе и надо, сволочь! Поиздевался над простым народом, попил невинной кровушки — теперь отвечай! Все вы там — в милиции, в прокуратуре, суде — одна мафия, вам на простого человека наплевать. Закон в ваших руках — дышло. И если эта жердина зацепила твою голову, то так тебе и надо. За что боролся, на то и напоролся!..»

Признаю. Возражать расхожему мнению крайне трудно. Действительно, я старался верой и правдой служить Закону. Как это было до трагического поворота в моей судьбе? Самому судить сложно, но я твёрдо знаю: за время работы в прокуратуре нажил себе и врагов, и друзей. Враги — это воры, лихоимцы, зарвавшиеся чинуши, взяточники, хамы, а друзья — те, кому в силу своих, прямо скажу, небольших возможностей помог почувствовать себя человеком. И сегодня, после всех моих мытарств, после моего принудительного падения, враги так и остались врагами, а те, честь и достоинство кого я смог отстоять, протягивают мне руку.

Оправдываться в том, чего не совершал — дело бесполезное. И не такую я цель ставил, стараясь воссоздать истинную подоплёку «Витебского дела». Я пробую показать изнутри порочный механизм так называемого правосудия, где действует веками устоявшийся принцип: «У сильного всегда бессильный виноват».

Перипетии своего недолгого взлёта и стремительного, в одночасье, падения на самое дно — в СИЗО, на пересылку, в лагерь — я подробно изложил в предыдущих записках. Этот путь по лабиринту изоляторов и лагерей пришлось проделать, естественно, не мне одному. Для многих граждан правосудие выбрало дубину поувесистее.

С некоторыми из них, получивших чувствительные удары правосудия, встретился я на зоне в Нижнем Тагиле, в лагере для бывших работников правоохранительных и госорганов.

Не мы были там первыми, не мы оказались и последними. Зона живёт, уродует людей. Закрывать её не собираются. Меняются, конечно, лица эков, фамилии... Неизменными остаются боль, обида на несправедливость. И поэтому есть смысл вспоминать как о своём собственном опыте, так и о сложных судьбах других людей, товарищей по несчастью. Сразу подчеркну: использую здесь их подлинные рассказы.

* * *

Я знал, зачем собираю у себя рассказы-исповеди моих сотоварищей. Уже был научен горьким опытом, как много яда может впрыснуть в чью-нибудь жизнь необъективное обличительное журналистское перо. Прежде чем прозвучал судебный приговор в отношении меня, был вынесен журналистский вердикт, так сказать, сложилось мнение.

Вот и после освобождения... Начали выходить мои книги о том, каково человеку в бетонных узилищах, в лагерной гари и пыли, как воспринимается осуждёнными наказание, что подталкивает встать на путь исправления. Книги были замечены, но не только искренними читателями, которые пытались понять автора, но и теми, кто ещё до судебного приговора впрыскивал яд, складывал то самое «мнение».

Вспомните, как «валили» Чурбанова, вымещая всё своё раздражение против обречённой системы. Потому и усердствовали, что почувствовали её обречённость. Быстрее-быстрее перестроиться, оказаться полезными новым хозяевам жизни...

Вера в печатное слово, а также, несомненно, уважительное отношение к журналистской профессии в Советском Союзе существовали издавна. Фактически ещё со времён русской классической литературы, со времён правдоискателей революционной волны, подвигов фронтовых корреспондентов военных лет. Да, это жило в народе. Но чем жило к концу двадцатого века само

журналистское сообщество? По-моему, журналистика была многоликой, хотя корпорация порой безосновательно присваивала себе заслуги предшественников. Вспоминаю о формировании «мнения», когда ещё нет судебного приговора, о стремлении ради сенсации разоблачить человека, которому и скрывать-то нечего, о яростном желании вытолкнуть его на самый край бездны.

Это мой собственный опыт. Да и только ли мой... Где оказались разоблачители-правдолюбцы с их острыми перьями, когда начался разгул бандитского капитализма? Разве пошли эти правдолюбцы вместе с тогдашним правителем ложиться на рельсы, когда людям выживать стало совсем невозможно? Нет, они предпочитали, в лучшем случае, раскручивать аферы МММ и других финансовых пирамид, без стеснения лезли под юбки «звезд» шоу-бизнеса.

А сегодня что происходит? Представители так называемой четвёртой власти млеют от счастья, если их пускают на порог какого-нибудь рублёвского особняка, замусоривают с помощью «ящика» целые страны вонючей рекламой, лишь бы только положить в свой портмоне лишней «зелени». Давно уже наплевать на победителей социалистического соревнования, куда важнее дорожащая яхта олигарха и очередное замужество Примадонны.

Оно и прежде так было, только скрывалось...

Собираясь издать свои книги о гримасах правосудия и о жизни осуждённых, я отлично понимал, откуда получу новую порцию яда. Корпора-

тивный журналистский интерес сомнительного качества состоит в том, чтобы удерживать за собой право выставлять оценки всем и всему, как захочется и как выгодно.

И острое перо из «Литературки» не стало медлить: Сороко хочет оправдаться. Трепещу, уличённый в новом страшном преступлении! Ещё бы... Делать хоть что-нибудь против тех, кто гонит волну разоблачительства, втаскивает на пьедестал распутных певичек, делать хоть что-нибудь против законодателей моды на очередное «общественное мнение» — всё это похоже на тяжелейшее преступление и тянет, разумеется, на новый срок. Неслучайно в переписке Сергея Довлатова есть такие поразительно правдивые строки: «Я тысячу раз говорил, что у любого официального писателя (левого, смелого, честного и талантливомго) могу обнаружить состав преступления, то, что открыло ему дорогу в печать».

У человека, побывавшего за колючкой, положение сложное. Оправдаться хотя бы перед читателем — это как получится, как читатель решит, ознакомившись со свидетельствами моими и моих товарищей. Я не одинок, многие признавали и признают, в каких жерновах системы пришлось побывать, как трудно было сохранить там живую душу. Но мы, в отличие от тех же журналистов, разобщены. Поэтому для меня так важно собрать вместе хотя бы некоторые рассказы-исповеди. Нет злого умысла в том, что слово осуждения выступает против слова оправдания.

I

**СОВРЕМЕННЫЕ
ОТЕЛЛО И АЛЕКО**

Герои классических произведений порой живут среди нас. Мы даже используем их имена и фамилии в повседневном обиходе. «Он ревнивый, как Отелло» — характеризуем, например, мужа или знакомого.

Сравнения с Алеко используем реже. Но это не значит, что черты и качества этого пушкинского героя не проявляются у наших современников.

Тем, кто не читал поэму Александра Пушкина «Цыганы» или не смотрел оперу «Алеко» Сергея Рахманинова, напомню сюжет.

На берегу реки раскинул свои шатры табор цыган. Тихо напевая, они спокойно и мирно готовятся к ночлегу. Старый цыган, отец красавицы Земфиры, вспоминает молодость и свою любовь, причинившую ему немало страданий. Совсем недолго его любила Мариула, через год ушла она с другим табором, бросив мужа и маленькую дочь.

Рассказ старика вызывает бурный отклик у Алеко. Он не простил бы измены и поэтому не может понять, почему старик не стал мстить неверной жене и её возлюбленному. Если он найдёт врага даже спящим над бездной моря, он столкнёт его в бездну!

Речи Алеко глубоко чужды и неприятны Земфире, ещё недавно любившей его. Теперь этот человек, пришедший к ним в табор из другого мира, враждебен ей, его жестокость непонятна, любовь — постыла. Земфира не скрывает вспыхнувшей в ней страсти к молодому цыгану. Качая люльку, она напевает песню о старом, ревнивом,

нелюбимом муже. «Я песню про тебя пою», — говорит она Алеко. Наступает ночь, и Земфира уходит на свидание.

Оставшись один, Алеко погружается в горькое, мучительное раздумье. С болью вспоминает он об ушедшем счастье. Мысль об измене Земфиры приводит его в отчаяние.

Только под утро возвращаются Земфира и молодой цыган. Навстречу влюблённым выходит Алеко. В последний раз молит он Земфиру о любви. Пытаясь смягчить её сердце, он напоминает, что ради любви Земфиры обрёл себя на добровольное изгнание из общества, в котором родился и вырос. Но Земфира непреклонна. Мольбы Алеко сменяются угрозами. Охваченный гневом, он закалывает молодого цыгана. Оплакивая смерть возлюбленного, Земфира проклинает злодейство Алеко. Алеко убивает и Земфиру. На шум сходятся цыгане. Им, ненавидящим казни и убийства, непонятен жестокий поступок Алеко.

Отец Земфиры говорит:

«Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим».

Цыгане после этого уходят, оставляя Алеко, одинокого, охваченного безысходной тоской...

Как это всё созвучно тому, что я когда-то услышал в тюремных застенках! Многие из собеседников, которые открывали мне душу в местах лишения свободы, были так же одиноки, охвачены безысходной тоской. Слушал исповеди своих

собратьев по неволе, в которых порой от любви до ненависти и смерти оказывался один шаг, и не раз ловил себя на мысли, что рассказчики напоминают мне современных Отелло и Алеко.

ВМЕСТО КОМАНДИРОВКИ УЕХАЛ СРОК ОТБЫВАТЬ

*Исповедь бывшего
военнослужащего Александра
Александровича Захарова (г. Минск)*

«Сказать, что я любил свою жену, — это значит ничего не сказать. Впрочем, почему это я в прошедшем времени? Я люблю её и сейчас, пусть простит меня моя нынешняя жена. Я не стыдился своего чувства, говорил о нём не таясь и сослуживцам (мои друзья-офицеры в ответ пожимали плечами), и знакомым, и соседям. Каждый день, когда были вместе, повторял это своей Лене — самому близкому мне человеку. В честь её назвал и доченьку — лишь бы чаще произносить это имя. На все дружеские подколки, а то и предостережения отвечал не задумываясь: “Вы просто дураки, неудачники. Вы никогда и никого не любили, Бог вас обошёл этим счастьем. И вся ваша болтовня — от зависти”.

Офицерская доля не из самых лёгких. Нерегламентированный рабочий день, внезапные командировки, плановые и внеплановые уче-

ния, непредвиденные ЧП, недокомплект, “высочайшие” проверки и смотры, показательные учения, а чаще всего — серая, будничная армейская жизнь. Чтобы выдержать эту нелёгкую ношу, нужно родиться офицером, почувствовать призвание к этому внешне престижному труду. Мне казалось, что я ношу погонны не зря, что я не случайный человек в армии. К 27 годам стал начальником химической службы полка МВД в Минске, в звании капитана занимал майорскую должность. Предлагали повышение — должность начальника химслужбы дивизии, но отказался: в Минске была квартира, где меня ждали два самых близких человека, две Елены — жена и дочь. Ехать в неизвестность, причинять им неудобства — я об этом и думать не мог, хотя, конечно, приказу подчинился бы. Мой комполка, Зинченко, правда, сказал: “Зря, начхим, отказываешься. Переменить обстановку тебе не помешало бы...”. То ли знал он о чём, то ли догадывался...

Так вот, декабрь 1976 года был моим последним счастливым месяцем. Отпуск мне выпал в это время. Лена-старшая уходит в свой детский садик на работу, я остаюсь дома с Леной-младшей. Вместе ждём возвращения мамы, встречаем её, радуемся. Потом жаркая ночь — мне всего 27 было, Лене — и того меньше. Затем вновь радостное ожидание, встреча, общие разговоры, общие планы. Дочка о ёлке новогодней напоминает, про подарки спрашивает. Обычная семья, но мне казалось, что моя — самая счастливая. И тут напомнила о себе армия. Моя служба. Звонит

сам комполка и то ли просит, то ли приказывает: “Александр Александрович, такая ситуация: поступила новая техника, надо бы съездить за ней в Прибалтику. Ты, конечно, в отпуске, но сам понимаешь — лимиты, конец года... Так что соберайся, капитан, в командировку. А свои одиннадцать дней отгуляешь позже. Служба есть служба”.

Да, служба есть служба. И тут уж не сошлешься на КЗОТ, на семейные обстоятельства, не пойдёшь за липовым бюллетенем... В общем, утром был в части, выписал необходимые документы, получил в своё подчинение двух прапорщиков и четырёх солдат... Поезда в Прибалтику ходили редко, на прямой билетов не оказалось. Кассир посоветовала уехать проходящим поездом, мол, поможем вам устроиться. Согласился, причём поставил об этом в известность комполка. Приказал всей группе быть на вокзале к полуночи, а сам вернулся домой, чтобы собраться в дорогу. Жена недовольно ворчала, по привычке ругая армию, начальство и чуть-чуть меня за то, что не умею постоять за себя. Чувствуя себя виноватым перед семьёй, уехал на вокзал. Моя группа уже ждала меня, прапорщик доложил, что никаких происшествий не случилось.

С первым поездом, который уходил в час ночи, нам не повезло: билетов не было. Оставалась надежда на трёхчасовой. Что ж, солдатам не привыкать. Расположились, ждём. Решил позвонить домой, услышать ещё раз голос жены — и мне приятно, и ей, как мне казалось, тоже. В труб-

ке — длинные гудки. Перебрал номер — опять длинные. Забеспокоился. Глянул на часы: около 12 ночи. Назначил старшего — и к остановке бегом. Доехал быстро. Поднимаюсь на площадку, звоню. Дверь не открывается. Звоню ещё, ещё, ещё...

— Ты что, не уехал? — в прихожей стоит сонная Лена.

— Пока нет билетов. Побуду дома...

Снимаю шинель, ставлю саквояж, иду на кухню. Сзади, в большой комнате — скрип половицы. Оборачиваюсь — промелькнула тень. Краем глаза вижу мою побледневшую Лену. Несколько быстрых шагов — и я в комнате. Внутри у меня всё омертвело: там мужчина, сосед по-подъезду. Два резких удара — и он на полу. Мимо остолбеневшей жены бросаюсь на кухню, она — за дверь, на площадку. Глаза мои в растерянности перебегают с предмета на предмет: чайник, кастрюля, чашки, нож... Хватаю нож — и назад... Мне нужен враг, обидчик. И вот он... Два удара ножом сделал уже не я, а мой помутневший разум. «Скорую помощь» вызвали соседи. С трудом вспоминая цифры, набрал номер дежурного по части, затем позвонил в дивизию: «Я — убийца...». К утру любовник моей жены скончался. Не знаю, насколько важна эта деталь, но он был пьян — экспертиза обнаружила в крови большую дозу алкоголя.

Надеюсь, что читатели не отвернутся от этой исповеди, не будут с брезгливостью вытирать руки после перевёрнутой страницы. Жёстче всех за свой грех осудил себя я сам. Официальному

же суду, трибуналу, предстояло лишь квалифицировать моё преступление в соответствии с Законом. И я готов был понести любое наказание, сколь строгим бы оно ни оказалось.

На всех этапах следствия я говорил правду. Мне нечего было утаивать, нечего было придумывать: вся трагедия вместилась в 2–3 минуты. Но насколько по-разному интерпретировали эти страшные минуты и секунды работники следственных органов, особенно тот, кто составлял и подписывал обвинительное заключение! Майор Панин провёл три допроса. Был строг, пунктуален, подчёркнуто официален.

Вам, Захаров, видимо, придётся отвечать за преступление по ст. 104 УК БССР. Современным Отелло и Алеко не место в рядах Советской Армии. Цивилизованный человек не станет творить самосуд.

Я не пытался возражать, противоречить, оправдываться — каждое обвинение воспринимал как должное. В таком же подавленном состоянии шёл и на очередной допрос. К моему удивлению, конвойные остановились у двери самого начальника следственного изолятора МВД. Вошёл — и глазам своим не поверил: за столом в смущающей папаше и голубовато-серой шинели восседал генерал-лейтенант Сидоров, начальник боевой подготовки войск МВД СССР. Мне доводилось не раз видеть его, встречать — был в знаменном взводе, стоял в почётном карауле у знамени части, принимал из его рук поощрения за отличную службу: грамоты, именные часы, радиоприёмник.

Не знаю, узнал ли он меня, но на моё приветствие демонстративно не ответил. Первый же вопрос генерала прямо-таки ошарашил:

— Расскажи, кто в полку пьянствует, кто не выходит на службу, кто покрывает прогульщиков?

— Никак нет, товарищ генерал, в нашем полку таких проступков не бывает. Если проштрафится прапорщик или сержант-сверхсрочник, то меры к ним принимает командир полка.

Толчком отодвинув стул, генерал встал и приказал невесть откуда взявшемся капитану третьего ранга:

— Семашко! Наказать его, — резкий тычок в мою сторону, — по всей строгости закона. Чтобы другим не было повадно. — И выходит.

Капитан третьего ранга — жирный, неопрятный, форма готова лопнуть по швам — представляется:

— Следователь Семашко. Теперь Вами буду заниматься я.

Как он будет “заниматься мною” после генеральского приказа, я понял на первом же допросе. 104-я статья (убийство из ревности) потихоньку перелицовывается в 101-ю — умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, а затем и в 100-ю — умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. Но и этого мало: в этой 100-й появляется мало что говорящая непосвящённому человеку буква “в”. Этот пункт означает, что убийство я совершил с особой жестокостью, на глазах у своей малолетней дочери. Видит Бог, ни я, ни тем более жена, выскочившая из квар-

тиры на лестничную площадку, не могли такого сказать следователю. Он лишь предположил, что такое могло быть, что за эти роковые 2–3 минуты Леночка могла проснуться, встать, выйти из спальни и увидеть момент убийства. Это предположение Семашко возвёл в ранг безусловно доказанного, так что по 100-й статье с этим пунктом “в” я мог ожидать даже расстрела. О том, что каждое сомнение трактуется в пользу обвиняемого, никто не вспомнил.

Выполняя приказ генерала Сидорова, командир нашей дивизии настоял на том, чтобы суд надо мной был показательным. Вернее, начался он в трибунале, а на второй день меня привезли в мою же часть. В клуб созвали офицеров и их жён, и моя семейная драма должна была стать, как приказал Сидоров, уроком для всех — и мужей, и жён. Суд с поставленной задачей справился полностью: мне дали 15 лет усиленного режима. Приговор я, будучи в полном трансе, воспринял как должное, обжаловать его не думал, и положенные по Закону на эту процедуру семь дней мне были, по сути дела, не нужны.

Неожиданная поддержка пришла с опять-таки неожиданной стороны. Один из сотрудников СИЗО, узнав о приговоре, не поверил мне:

— Не может быть! Больше чем на 104-ю в твоём деле наскрести нельзя. Не будь дураком, обжалуй решение. Но только сделать это надо грамотно...

И этот добрый человек (встречаются такие даже в СИЗО) поделился своего рода професси-

ональным секретом, хотя это лишь доскональное знание бюрократических лабиринтов. Жалобу в военную коллегия Верховного Суда СССР, рассказал он, надо отправлять во второй половине последнего, седьмого дня. Это не даст возможности заинтересованной стороне (в данном случае — следователю и судье) принять контрмеры. Задержать жалобу они не имеют права, и она должна попасть в Москву первой.

Но не тут-то было. Полковник — судья Тарасов В.Д., узнав, что я всё-таки решил апеллировать к высшей инстанции, сам (!) пишет контржалобу от имени жены потерпевшего (убитого мною любовника), та лишь подписывает бумагу, и опять-таки сам лично (!) отправляется с обеими жалобами в военную коллегия Верховного Суда СССР. Через месяц я получаю из Москвы ответ: решение суда оставлено в силе. Особых надежд на положительный исход я не питал, поэтому большим ударом для меня тогда это не было.

Три года уже хлебал я лагерную баланду, даже боясь думать о конце заключения, приглушив мысли о справедливости и законности. И тут судьба преподносит мне встречу с бывшим прокурором из Краснодарского края Ковалёвым. За что и попал в Нижний Тагил — не суть важно, обо всех двух тысячах заключённых не расскажешь, но именно с его подачи я написал первую жалобу из колонии в военную коллегия Верховного Суда СССР. Ответ за подписью председателя этой коллегии генерала Бушуева был прежним: оснований для изменения приговора нет.

В спецчасть колонии, где хранилось моё личное дело, в том числе и обвинительное заключение, ответ пришёл в более расширенном виде. И я, к своему изумлению, узнал, что в составе суда, рассматривавшего мою жалобу в Москве, был полковник В. Д. Тарасов, да-да, тот самый Тарасов, который зачитывал мне приговор в Минске. Но это же юридический нонсенс, это прямо попирает Закон. Пишу об этом вопиющем нарушении председателю Верховного Суда СССР Смирнову: как такое могло произойти?

Настырность какого-то бывшего капитана, а ныне зэка, вздумавшего “качать права”, видимо, не понравилась чиновникам, и они решили навсегда отцепиться от меня. И в очередном ответе мне пишут заведомую ложь: ваше дело рассматривал не В. Д. Тарасов, а В. Н. Тарасов. Надо, мол, внимательно читать, мало ли однофамильцев на свете...

Понимая, что пробить стену невозможно, уже, скорее, из спортивного интереса, а точнее — из желания узнать, насколько беспринципен и бессовестен суд, снимаю копии со всех документов, где есть факсимильная подпись В. Д. Тарасова, прилагаю страницу из юридического бюллетеня, где типографским способом, чёрным по белому напечатано, что именно полковник В. Д. Тарасов из Белорусского военного округа является членом военной коллегии Верховного Суда СССР. Не нужно быть графологом, нет необходимости проводить экспертизу — любому грамотному человеку понятно: во всех случаях речь идёт об одном и том же полковнике...

Припёртые к стене военные прокуроры из Москвы вообще перестали мне отвечать. И вот уже прошло пятнадцать лет, но я так и не знаю, меняли отчество мой судья и как у него обстоят дела с профессиональной честью...

Хотел бы, чтобы меня правильно поняли: я готов был нести наказание за то преступление, которое совершил. И я отбыл его, как говорят, от звонка до звонка. Только вот в беспристрастности, честности и справедливости суда сомневаюсь до сих пор. Генерал даёт команду, капитан третьего ранга собирает только компромат, полковник штампует обвинительный приговор и сам же подтверждает его в высшей инстанции. Какое уж тут правосудие?!».

Готовность понести наказание за содеянное — вот на что сразу обращаешь внимание в этой истории. Потом офицеру, попавшему в жернова трагических событий, предлагают стать стукачом, а за уклонение от столь почётной «миссии» начинают ужесточать наказание... Конечно, огромная разница: предстать перед судом за убийство из ревности или за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. Здесь и не юристу всё понятно... Жалобы потом, естественно, были написаны, да редко удаётся эзку добиться, чтобы в его дело глубоко вникли «наверху». А то и хуже бывает: на жалобы реагируют те, кто осудил, как и в этом случае...

— Папа, расскажи, а мы поймём.

— А вот какими словами передать отцовскую боль?

Письма — ниточка, связывающая меня с друзьями. Важно было получить весточку оттуда, откуда с таким трудом вырвался. Из Нижнего Тагила. Зона не сразу отпускает. Физическое тело на этой стороне колючки, а душа ещё там, с друзьями. С ними ты делил последнее.

Вот какое письмо я получил от Александра. Я был уже в Минске, а он продолжал тянуть «лямку».

В. И., Здравствуй!

Приветствую и поздравляю отпускника на земле Уральской! Ты, видимо, ужеходишь в рабочий ритм, успехов тебе (только не на производственном фронте). Ко всему прочему ты ещё и «лентяй»? Не соизволил описать подробно жизнь на нашей Родине, надеюсь, ты справишься.

Читал статью в «Лит. газете» о мужчине с характером, «прямым, как танк». Уважаю именно таких, но ещё больше тех, у кого слова не расходятся с делами.

Я тебя прошу выполнить одну просьбу.

27 апреля день рождения моей подруги, поздравь её, а мне сообщи.

Искренне благодарен за ту помощь, которую ты мне оказал. Это моя жизнь, и ты должен чётко себе представлять, что без твоей помощи мне будет трудно!

Ты пишешь, что дело моё хлопотное. Позволю тебя спросить, уважаемый: а что не хлопотно в нашей жизни? Вот из этого и исходи. Вынужден принять твои новые условия, а что мне делать? Повторяю: это моя жизнь! Месячную норму увеличивают на 15–20% — крутись!

Слышал, что собираешься перевестись на Родину, я это только приветствую, действуй и готовь базу для будущей трудовой деятельности, совместную базу.

Всем твоим друзьям, которых я знаю, передаю привет и самые добрые пожелания.

Лукьяненко работает контролёром, но как выяснилось, когда я начал заниматься его вопросом, он симулянт (имеется пометка в карточке). Коржуев после очередного взыскания работает в цеху на станке, вот кого мне жаль, так это его! Но такой беспомощности, несобранности я ещё не встречал, а всё равно его жаль. Подойдёт срок, так попытаемся вытолкнуть его на стройки народного хозяйства — это его спасение.

Валера, ты видел, встречался и беседовал с моей сестрой и Ник. Ник, прошу сообщить о них более подробно. Какое общее впечатление, как они живут, что говорят обо мне?

Как твоя подруга Л. Н., твоя дочурка, ничего не написал, «негодник» и «бездельник». Как Минск, я чаще и чаще стал его вспоминать, очень скучаю, как было бы хорошо, если бы можно было тебе забежать ко мне, но увы!

Заканчиваю, старина.

Желаю доброго здоровья, благополучия в делах и, конечно же, счастья на долгие годы.

С уважением,
Александр.
27.03.1989 г.

И СНОВА РЕВНОСТЬ

*Исповедь Николая Михайловича
Лукьяненко (г. Гродно)*

«Заместитель начальника следственного
отдела Гродненской областной проку-
ратуры был неумолим:

— Никаких поблажек тебе не будет! И не на-
дейся!

— Гражданин следователь! Это же недолго,
разрешите только проститься...

— Не надо было убивать!

— Вы же знаете, как это произошло... Застал
с любовником, ошалел.

— М... Нельзя!

— Разрешите взглянуть, попросить хоть у мёрт-
вой прощения...

— Нет! — заместитель начальника отдела ска-
зал, как отрезал. Увидев, что плечи мои начали
подрагивать, что я нахожусь на грани истериче-
ского припадка, вдруг сменил гнев на милость:

— Впрочем, могу пойти навстречу. Только...

— Что нужно, говорите! — ухватился я за мель-
кнувший шанс.

— Вот патроны у тебя найдены... Не знаю, как
оформить этот факт: то ли хранение, то ли хище-
ние?

— Как вам надо, так и пишите, — совсем не думая о последствиях, безразлично сказал я. — Только разрешите проститься с женой.

— Подумаем, — многозначительно протянул следователь и стал быстро оформлять протокол. Подпишешь — увидишь жену, откажешься — разрешения не будет...

Я согласился...

Возникает естественный вопрос: зачем понадобилось следствию моё признание о хищении боеприпасов? Ведь есть, как ни трудно это мне повторять, главный факт — убит человек, я этого не отрицаю. Вот тут-то и вступают в действие не видимые непрофессиональному взгляду пружины, которые не имеют никакого отношения к Закону, но тем не менее управляют даже им. Я, милиционер, человек в погонах, автоматически перестаю быть просто гражданином, и предстоящий судебный процесс должен быть обязательно неординарным, показательным, и, как правило, наказание надлежит вынести самое строгое, по верхнему пределу. В чисто пропагандистских целях власть предержащие используют этот испытанный приём при каждом удобном случае: создаётся видимость беспристрастности следствия, объективности суда... Но это лишь дымовая завеса, за которой нередко скрываются беззастенчивая подтасовка фактов, нарушение прав человека.

Раскрою подоплёку «стараний» моих следователей. Суть в том, что мне сразу же предъявлено обвинение в умышленном убийстве. Но эта

версия была настолько шаткой, что следователи загодя понимали: суд не пойдёт у них на поводу, никаких доказательств нет, значит “громкого” дела не получится. Крайне необходима была, выражаясь их языком, “подпорка” — ещё одна статья УК, по которой они могли бы “накрутить” мне срок побольше. И они точно попали в цель: в стрессовом состоянии, после бессонных ночей, находясь на грани полного отчаянья, я подписал показания о том, что похитил патроны, а это статья 213, ч. 2 — четыре года как-никак, солидный довесок. И никого уже не волновало, что недостатки патронов не обнаружено ни в ГРОВД, ни в ДОСААФ. Есть признание — и прекрасно.

Как и при Вышинском, “царица доказательств” продолжает править свой бал. И выстрелили на суде эти патроны, взявшиеся ниоткуда. Нигде не учтённые, выстрелили точно в цель: за них я получил больше, чем за тот грех, который никогда себе не прощу. (Кстати, суд переквалифицировал умышленное убийство на убийство по неосторожности, ст. 104 4.1 УК БССР — это три года лишения свободы.) “Подпорка” стала, по сути дела, основным несущим столбом, вокруг которого и топтались следователи, до этого не доказавшие факт хищения патронов. Вспоминать о какой-то презумпции невиновности — это уж, на их взгляд, демократические излишества. Нам сгодится что попроще: “Есть мнение, что надо наказать? Будет сделано!”.

Гродненский областной суд лишил меня свободы на 9 лет — тот предел (вернее — беспредел),

который только можно было “выжать” из моего дела. Более двух лет подряд обжаловал я решение суда в части статьи 213, ч. 2 УК, но везде наткнулся на стереотипные отказы.

“Вы осуждены правильно, оснований для пересмотра нет” — такие ответы я получал из прокуратуры БССР, Верховного Суда БССР, Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР. Понимал, что эти отписки сочиняются по шаблону, скорее всего, мои жалобы и не доходят до адресатов... Но хотелось верить, что где-нибудь найдётся хоть один человек, кому не безразлично дело, которому он служит. Увы... Прекратил я бесполезные попытки установить истину после прямо-таки анекдотичного случая. Один из старожилов Нижнетагильской зоны, человек не без юмора, написал в одном из своих прошений в Москву, что он — инопланетянин и его нельзя судить по земным законам. Ответ был прежним: “Вы осуждены правильно. Оснований для пересмотра дела нет...”»

*Кадр из фильма «Ожог»
с актёром Стекловым*

ИХ БЫ ОТЦОВСКИМ РЕМНЁМ ПРИПУГНУТЬ...

В 1998 году на киностудии «Беларусьфильм» режиссёр Б. Шадурский по моей повести «SOS: СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ» снял социально проникновенный фильм «Ожог». Сценарий к нему написал белорусский писатель Фёдор Конев.

Можно ли на экране показать душевную боль? Пробьётся ли к зрителю пережитое, выстраданное? Ведь не уйти в картине от сцен насилия. А если уйдём, то погрешим против истины. Вот какие вопросы мучили меня и киношников. Автор не находил тогда ничего светлого в изложенном мной сюжете. Солнечный свет не мог проникнуть в тёмные, грязные стены. Да и спёртый, настоенный на гнилой селёдке воздух не мог прочувствовать зритель в уютном зале. От этого, казалось, фильм будет неправдивый, вымученный.

Сколько ни твердили правоохранительные органы тогда о необходимости отдельного содержания малолеток от уголовников, но добиться это не удавалось. Вот и моталась месяцами неприкаянная душа пацана от следователя до камеры СИЗО, от автозака до пересыльного пункта. И обжигалась она от каждой новой встречи. И каждый от этой души имел свою выгоду. Одни уроками типа «не верь, не бойся, не проси» же-

лезно подготавливали себе смену. И израненную душу не раз обжигало общество.

Да и следователь далеко не ангел. Ему регламентировано в точно отведённые сроки окончить дело. И не одно. Как и взрослым, судебная машина добавляла пацанам судебные довески. Заставляла брать чужие грехи на себя.

Всегда выступал за то, чтобы несовершеннолетних содержали отдельно от взрослых, чтобы пацанам сокращали сроки расследования. Сердцем понимал, что увлечь их может только работа, которая приносит радость. Ни семья, ни школа не дали им почувствовать: какая радость — приносить своим трудом пользу обществу. Их пытливые умы были настроены на быстрое обогащение. От бесцельного вождения тупым ножом по пластиковой игрушке не загораются глаза у ребят. Так было в жизни, так было в книге, так было в кино.

Почти два часа сидел на премьере фильма «Ожог», которая состоялась на кинофоруме «Золотой Витязь». И наблюдал за игрой актёра Стеклова. Он играл меня — «старшего инструктора» в камере, в которой содержались несовершеннолетние. Ему удалось передать не только тончайшие нити взаимоотношений взрослого с пацанами в камере СИЗО, но и мою боль, переживания за их судьбы. И ребята-актёры точно откликнулись на человеческое отношение к ним. Материал книги обжигал. Многие подростки, попавшие в камеру, не прочувствовали теплоту человеческих отношений. А каток равнодушия катился и катился по их судьбам.

Настоящая литература и настоящее кино — это и есть катарсис. Очищение!

Да, путь в зону иногда пролегает через спальню, где обнаруживается измена. Как назло, обманутый муж был с пистолетом, рассудок от ревности помутился, раздался выстрел.

Вины своей человек не отрицал, но опять-таки — не согласился со следователями, вытянувшими его на более жёсткую статью: умышленное убийство. Якобы нашлись доказательства умысла... И хотя с ними не всё ясно, суд зачастую трактует сомнительные факты не в пользу обвиняемого, а так, чтобы дело получилось погромче, чтобы общественность верила: «верхи» проявляют принципиальность. Ну, а участники предварительного и судебного следствия, кроме, естественно, осуждённых, могли тогда рассчитывать на карьерный рост, награды, улучшение жилищных условий и прочие блага земные. Обеспечивая сверхстрогие приговоры. Вспомните, как активно формировалось общественное мнение во времена «Узбекского дела», осуждения первого замминистра МВД СССР Юрия Чурбанова, «Витебского дела»... Волны, одна выше другой, накатывали ещё до вынесения приговоров. В авангарде оказывались, конечно, журналисты и говорливые следователи, стяжавшие через средства массовой информации известность и популярность.

Обложка кинофестиваля
«Золотой Витязь»

**ГРЕШЕН, НО НЕ В ТОМ,
В ЧЁМ ОБВИНЯЮТ**

***Исповедь бывшего сержанта милиции
Геннадия Степановича Тарасова
(г. Минск)***

«**Н**е стану скрывать: перед Законом я виноват, вполне обоснованы претензии ко мне и государства, и, как говорят, отдельных граждан. Да, я и мои друзья-подельники действительно угоняли автомашины (лично принимал участие в двух угонах — подстраховывал ребят, так как носил погоны сержанта милиции, служил в конвойном дивизионе УВД Мингорисполкома). Наверное, сегодня нет смысла подробно говорить о причинах, заставивших пойти на преступление, хотя, если честно, одной из них было желание доказать и себе, и друзьям, что я всё могу, даже побыть в роли этакого джентльмена удачи. У меня был собственный «жигулёнок», хотелось, чтобы он бегал быстрее всех, выглядел лучше всех, а для этого нужны были и запчасти, и деньги. В нашей компании было 11 человек — преступная группа, как квалифицировал суд. В общем, так оно и было.

Я уже говорил, что служил в милиции, и это, простите за каламбур, в результате сослужило мне плохую службу. В январе 1986 года двое из

нашей группы — Гарбузов и Козырев — попались на краже обуви из автофургона на трассе Брест — Москва, около Толочина. Тогда на всех дорогах Витебской области были организованы своего рода заградотряды, поставлена сеть “Паук”, как её назвали. Искали убийцу женщин, который, как уже установили, разъезжал на “Жигулях” красного цвета. Вот у Гарбузова и Козырева как раз оказался такой “жигуль”. Следственная группа из Москвы сразу же ухватилась за них — убийцы, мол, найдены. Несколько допросов “с пристрастием” (Гарбузова ткнули головой в железный сейф) — и подельники начали “раскалываться”. Друг детства Слава Гарбузов первым назвал меня: я, мол, организатор группы, её лидер, поскольку располагаю секретной информацией, по долгу службы часто бываю в суде, знаю, как обойти Закон. И именно я рассказал ему, научил, как обворовать автофургон, и вообще, я личность загадочная.

10 февраля, спустя две недели после задержания Гарбузова, группа захвата берёт в Орше меня (я приехал домой на своем тёмно-синем “жигуле”). Пятеро ребят в бронежилетах на привокзальной площади сработали профессионально: я и моя знакомая, которая сидела в машине, были “обезврежены”. Кстати, бронежилеты понадобились потому, что Гарбузов сказал на допросах: “Тарасов вооружён и очень опасен, будет отстреливаться”. Стрелять или отстреливаться я не собирался, хотя ещё с детства у меня был “Наган” (в Орше у многих пацанов было оружие, после войны его много ходило по рукам, покупалось

или выменивалось). Имелись у меня и патроны к нему: я серьёзно занимался стрельбой, выполнил норматив кандидата в мастера спорта. Так что, действительно, был вооружён...

Но не это на первых порах интересовало следствие. От меня требовали признаться, что я насиловал и убивал женщин, душил их. И даже придумали за меня оригинальную версию: дескать, для отвода глаз примазался к группе похитителей, чтобы замести следы, уйти от более строгого наказания, а то и от расстрела. Чтобы я был поговорчивее, меня день продержали в одиночке, а затем поставили вопрос ребром: “Или сознавайся, или бросим в камеру к уголовникам, предупредив их заранее, что ты мент, конвойный...”. Чем это могло закончиться, я прекрасно понимал.

На моё счастье (если это можно назвать счастьем), через три дня задержали подлинного убийцу и насильника — Михасевича. Вычеркнув недавнее требование из памяти (хотя, кто знает, навсегда ли?), москвичи передали меня местному правосудию, а точнее — следователю по особо важным делам МВД БССР Климову. Он обвинил меня в целом “букете” преступлений: в хищении госимущества в особо крупных размерах (Гарбузов показал, что это я “навёл” его на автофургон с обувью), незаконное хранение оружия (неоспоримый факт), угон автотранспорта (действительно, было два случая), в мошенничестве (один из подельников украл автомашину, застраховал, а потом сжёг и получил страховку, действуя будто бы по моим советам). Одним словом, грозил

мне следователь 15-ю годами неволи и добивался этого наказания всеми дозволенными и недозволенными методами. Особенно старался он вменить мне самую шаткую из обвинений 150-ю статью УК: подстрекательство к совершению кражи госимущества в особо крупных размерах. Эта статья была “притянута за уши” — Гарбузов после рукоприкладства или соприкосания с сейфом мог сказать что угодно, а Климову нужен был во главе группы именно милиционер, по которому, в унисон “Витебскому делу”, можно будет выстрелить “громче”.

Полгода длилось следствие, ещё дольше — восемь месяцев — суд, и всё это время служебная карьера Климова, думаю, висела на волоске. Он понимал: если суд признает показания Гарбузова ничем не подтверждённым оговором (как фактически и было), то обвинение рассыплется, как картонный домик, — в нём пропадёт стержень, на который наматывались другие статьи. Здесь опять-таки над ним довлело “Витебское дело”: в 1987 году следователи вылетали из своих кресел, будто из катапульты, недоказанность в суде означала потерю погон и работы. Не знаю, как ему это удалось, но Климов провёл в Могилёве, где областной суд слушал моё дело, почти все восемь месяцев, обхаживая судью и буквально умоляя его оставить “висящую” статью в приговоре.

Был у него и “меркантильный” интерес. У всех участников нашей группы конфисковали автомашины. Их стоимость должна была стать компенсацией за причинённый нами материальный

ущерб. Но следственная группа успела “поработать” с ними: выдрала магнитофоны, ценное электрооборудование, превратила неплохие, ухоженные машины в хлам, почти не имеющий рыночной цены. Впрочем, это делалось умышленно, чтобы потом за гроши самим же и приобрести их. Мы протестовали, понимая, к чему клонят “оценщики”, а в ответ ещё на следствии слышали угрозы: “Ничего, вы нас попомните, мы вам накрутим...”. Мне “накрутили” восемь лет: по статьям 90 ч. 3, 213 ч. 1, 213 ч. 2, 190 ч. 1 и 141 ч. 2 УК.

Из Могилёва (кстати, судили меня там, а не в Витебске опять-таки из-за страха перед следственной группой Прокуратуры СССР: витебчане были буквально затерроризированы всевластными москвичами) меня отправили на бытовую зону в Новополоцк. На первый взгляд, сделали мне послабление, оставили в Беларуси, но прицел был дальний: узнай заключённые, что я служил в милиции, мне бы век воли не видать... И уж только спустя время этапировали в Нижний Тагил, в спецзону, где отбывали наказание бывшие сотрудники правоохранительных органов, или, как их принято называть сокращённо, БС.

И во время следствия, и на суде я отрицал своё участие в краже “госимущества в особо крупных размерах”, то есть обуви из автофургона, что вытекало со слов друга моего детства Гарбузова. Из Нижнего Тагила стал писать жалобы во все инстанции, в которые можно было обратиться. Я готов был отвечать за совершённые преступления, с меня было вполне достаточно и того, что

действительно совершил, а братъ на себя разные “довески” и “подпорки” было не с руки.

Чаще всего мои жалобы застревали у майора Китмана из спецчасти. Опытный служака, для которого зона стала вторым, если не родным, домом — он “отбухал” там лет сорок, получив жалобу, сам писал на неё ответ: “Вы осуждены правильно. Причин для пересмотра нет” — и затем через месяц вручал его мне. Случалось, что жалоба пробивалась дальше, в Минск или Москву, но и оттуда приходили такие же стереотипные отписки. Однажды, после 150-й (!) попытки решил всё-таки проверить, читает ли кто-нибудь мои жалобы и протесты. Эксперимент мог мне дорого обойтись, но, ничего, пронесло. Вот в чём заключалось моё “новшество”. Написав заголовок “Генеральному прокурору Союза ССР”, я после указания своей фамилии по заведённому порядку далее обязан был перечислить статьи, по которым осуждён. На этот раз я вменил себе в вину умышленное убийство, угон самолёта и всё, что пришло в ту минуту в голову. Не скрою, ожидал ответа с долей страха: зона не то место, где поощряются шутки. Но опасения были напрасны: “Вы осуждены правильно. Оснований для пересмотра дела нет...”.

Пробовал я и объявлять голодовки, и не выходить на работу, и вступать в конфликты с начальниками зоны — ничто не могло прошибить глухую стену, никто не собирался разбираться по существу с моими жалобами. “Влип — так не чирикай, — посоветовал мне один из бугров. — Тебе же проще будет”.»

— Милый, держись!
Мы вдвоем и нам легче.
Пойму и прошу.

СУДЬБА ПОДСТАВЛЯЕТ ПОДНОЖКУ

*Исповедь Василия Барсукова
(г. Зеленокумск)*

«**Д**уша болит. Убийца двух военнотружущих внутренних войск: мужчины и женщины в городе Зеленокумске Ставропольского края не осуждён. Его крест с 1980 года несу я. И хочется кричать: оговорили, подтасовали факты, прикрылись, спасли звёзды на погонах, опираясь только на косвенные факты; судебным катком прошлись по моей душе. И самое страшное — настоящий убийца не осуждён. Опьянённый вседозволенностью, не раскаявшийся, он готов на новые преступления. Ненаказанное зло отравляет душу злобой. Так вот. Через несколько дней после этого преступления ко мне домой пришли с обыском. Искали оружие, предположительно от выстрела из которого и оборвалась жизнь этих двоих. Перевернув весь дом, ничего не нашли. С этого дня мне выпала роль оправдываться, доказывать в шести судах, что я не совершал преступления. Толстые папки уголовного дела стали бессовестно шить «белыми нитками». А на втором суде бывший следователь райотдела пытался донести суду:

— Почему его, ещё молодого следователя райотдела отправили на место этого громкого преступления, а работник прокуратуры даже не вылез из машины? Значит следы, детали преступления ему не нужны были? Или он знал всё заранее. Как профессиональное чутьё его понадеялось на меня, ещё не “обстрелянного”?

А на второй день пятнадцатисуточники “самостоятельно” проявляют инициативу и очень тщательно отмывают машину, в которой произошло убийство. Кто-то грамотно заметал следы. В других судах это не всплывало. На мою просьбу обратить внимание на эти факты судья повторял одно:

— Не подтверждается, бумаги экспертизы в деле нет.

Железная логика в чётко выстроенном сценарии — на той стороне барьера и растерянность, непонимание с маленькой надеждой в душе — на этой. Под давлением прокурорской логики приготовленные заранее аргументы защиты рассыпались на тысячи осколков. Но даже уточняющий вопрос требует большой энергии, собранности для воспроизведения точного ответа. Любой спорный эпизод на суде трактовался не в мою пользу. В шести судах против меня выступали одни и те же свидетели: техничка и пожарник. Разработанная следователем прокуратуры легенда заучена ими наизусть.

— Да, заходил он к нам в ту ночь в пожарную часть.

— Но как вы можете вспомнить через два года эту ночь? И к тому же это косвенные факты. Го-

споди, Ты видишь, какое несправедливое правосудие творят здесь.

Человек живёт надеждой. Жена Катерина сердцем подыскивала нужные слова для моего успокоения. Адвокат старалась что-то донести суду.

Бесконечная череда допросов, очных ставок, вереница следственных мероприятий сделали мою жизнь невыносимой. Но можно привыкнуть ко всему. С этим также можно смириться. Но невыносимо трудно, когда втягивают твою семью, когда её используют в психологической обработке против тебя.

— Мы за спекуляцию посадим твою жену. И дети останутся одни. Государство воспитает их честными гражданами, — так заявил следователь.

— Не трогайте Катерину. Она последнее продавала, чтобы заплатить адвокату.

Почувствовав мою слабость, следователь прокуратуры усиливал давление.

И однажды, после допроса с психологической обработкой, я не выдержал и взял грех на душу. Задним числом написал явку с повинной.

— Ничего, — убеждали меня на допросе, — ты по неосторожности убил только мужчину. А он, разругавшись с женщиной, — её. Запомни: сначала он выстрелил, ты от ружейного хлопка проснулся и испугался. Стал отнимать ружье. В завязавшейся борьбе произошёл ещё выстрел. Главное, что ты испугался. Ведь на твоих глазах мужчина мог бы застрелиться. И убийство двоих висело бы на тебе. Понимаешь, мы свидетелей

всегда найдём. А так: отсидишь несколько лет и за примерное поведение — на стройку народного хозяйства. Домой, к детям.

Примирительный тон следователя успокаивал. Нет ничего страшнее неопределённости. Почти два года находился под гнётом тяжёлых мыслей. А так в словах мелькнул лучик надежды...

Но и краевой суд не доказал моё участие в этом убийстве. Ведь версия, выдвинутая прокуратурой, основывалась только на косвенных уликах.

В итоге пять лет лагерей общего режима за хранение оружия, отбывать которые направили в Мордовскую АССР.

Но убийца не был найден. А преступление на контроле МВД. Судебная машина всё замыкала на мне. Так понимаю, что других версий и не было.

По-моему, перед пятым судом во время прогулки в Пятигорском СИЗО родились стихи. Душевная боль и долгое унижение выкристаллизовались в рифмы.

От отпетых козлов агентуры,
Подсадных шептунов и кивал,
По заданию прокуратуры
Во мне кто-то мента узнавал.

И куда бы ни шёл я этапом:
С автозака — в Столыпин-вагон,
Все дороги стучали под страхом,
Я для всех был заклятым врагом.

Написал я им явку с повинной,
На себя самого клеветал.
Они знали: ни в чём я невинный,
А вот громкое дело списал...

Обожжённое слово искала истерзанная душа. Только шестой суд сумел свести воедино все улики, отвергнутые до этого пятью предыдущими. И вынес мне приговор — 10 лет лагерей. Через месяц, когда приговор вступил в законную силу, отправили меня в исправительно-трудовую колонию Нижнего Тагила. В ней я встретил Валерия Сороко...»

***Вместо комментария.** Прошло более тридцати лет после убийства, которое случилось в городе Зеленокумске. Говорят, что время лечит. Но, уважаемый читатель, прислушаемся к душе Василия Барсукова. Его память в своих объятиях крепко держит мельчайшие детали того дня. С фотографической точностью «подсовывает» при разговоре лица следователей, участников суда, случайных знакомых, с которыми свела судьба на лагерных нарах, в тёмных камерах СИЗО. Душевная рана до сих пор кровоточит. И только тронь сочувствующим словом, взглядом этот открытый нерв, как польются слова, выстраданные слова. Чтобы высказаться и облегчить душу. Это спасает на несколько дней. А потом опять боль. Но очень мало сочувствующих. И все больше по инерции слушают. Только им, словом, человек может оправдаться. Долгих тридцать лет Ва-*

сильий Барсуков пытается донести свою правду, выстраданную правду. Но и сегодня, к сожалению, она тонет в базарном хаосе. Живой росток, ищущий понимания в рыночных отношениях.

С ним я мало общался в Нижнем Тагиле. Работали в разных цехах. В основном «привет», «как дела»...

Не захотел Василий Барсуков возвратиться в свой родной город Зеленокумск, и я позвал его к себе на родину, на Витебщину.

И ОПЯТЬ ЭТО РОКОВАЯ ЖЕНСКАЯ РОЛЬ

Урасходившихся по своим отрядам товарищей было приподнятое, созвучное проведённому мероприятию настроение. Некоторые стали поспешать, так как через считанные минуты по телевизору начинался американский детектив.

— Кто куда, а я пошёл писать жалобу в Верховный Суд Украины, — громко произнёс Остап Оробец.

Видимо, уменьшение срока на пять лет его земляку сильно подействовало на Остапа. Всем нам, знавшим состав его преступления и приговор, исчисляемый пятнадцатью годами, полагалось относиться к нему с чувством, присущим людям, которые бывали в его ситуации либо понимали неприятную, очень печальную, трагическую историю.

— Муж — це чоловік, а жінка — це жінка, — любил говаривать Остап, никому не объясняя, что имеет в виду. Лишь близкий круг друзей и несколько случайных людей знали, как он, будучи сержантом патрульно-постовой службы (ППС) в городе Донецке, совершил убийство. А дело было так. Остап ушёл на ночное дежурство. Получив оружие и патроны в дежурной части РОВД, вспомнил, что до утра оставшейся половины пачки сигарет ему не хватит. Попросив

другого сержанта подождать на улице, вернулся домой за ещё одной желаемой пачкой. Картину, которую увидел Остап в спальне своей квартиры, перенесёт не каждый мужчина и тем более муж. Его горячо любимая «жинка» в одежде Афродиты находилась в постели с не известным ему мужчиной, тот был в одеянии Аполлона. В силу своего психического склада Остап мгновенно впал в состояние непреодолимой возбуждённости и, как часто бывает в таких случаях, выхватив из кобуры пистолет, все восемь пуль направил в очаровательную «жинку». И сразу — летальный исход. Лишь невообразимый прыжок в окошко со второго этажа оставил в живых очаровательного Аполлона.

Когда пишу эти строки, задумался: что впоследствии могло так сблизить и сдружить бывших сержанта ППС и генерал-лейтенанта Советской Армии? По занимаемым ранее должностям и работам в зоне они несколько не были связаны. Видимо, сыграло роль то, что причины определения Бориса Еремеевича Бондарчука на длительный срок в 13-ю колонию полностью идентичны причинам Остапа Оробца — отсутствие мужа дома, неверность жены в это время и её смерть как расплата.

— Остап, почему так много тебе назначено судом? — спросил я его однажды, стараясь не особо беречь старые раны. — Ведь наяву измена жены, ревность, состояние аффекта.

Наделённый большой смекалкой, Остап ответил:

— Здесь была особая причина — работа жены. На суде мне судьёй был поставлен вопрос: «Оробец, кого вы убили?». Я, естественно, ответил, что убил из ревности жену. Тогда судья уточнил: «Вы убили и депутата районного Совета, а не только жену. Вам за это пятнадцать лет».

II

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Ничто так не изматывает в местах заключения, как бессонница. Нормальному человеку, по-моему, ни за что не привыкнуть к никогда не гаснущей электрической лампочке. Даже если ты лежишь на первом, нижнем, ярусе шконки, если отворачиваешься, если до боли, до слёз сжимаешь веки, раздражающий свет назойливо и безжалостно бьёт по мозгам, проникает в каждую клетку тела. Человек кажется себе всё равно как голым: и по причине недремлющего «глазка» в двери, которая может в любую секунду распахнуться — и в камеру ворвутся для очередного «шмона» надзиратели во главе с «опером»; и когда замечает тяжёлые, угрюмые взгляды сокамерников, таких же измученных и подозрительных, как и он сам...

Постоянно, ежечасно и ежеминутно, сопровождают каждого зэка атрибуты неволи. Вонючая параша, куда ты вынужден справлять нужду. Завистливый вздох соседа, если вдруг в твоей порции баланды окажется кусок рыбы. Его деланное безразличие, а на самом деле тайное желание, чтобы ты подавился, когда тебе приходит из дому передача с продуктами...

Нервы постоянно напряжены до предела: боишься окрика конвойного, немилости «пушкаря», косого взгляда бригадира, думаешь, с какой ноги встал отрядный, не поссорился ли он с женой, опохмелился ли после вчерашней попойки... После такого пресса — уснуть бы, забыться, отключиться от кошмарной яви... Но сна нет. Вер-

нее, и он превращается в кошмар, где причудливо переплетаются недавние, вчерашние унижения и картины уже далёкой, почти неправдоподобной свободной жизни.

Испуганно, часто со стоном или криком, нередко — со слезами пробуждаешься, выбираешься из тяжёлого забытья и долго не можешь понять: где ты, с кем ты... Во рту пересохло, голова гудит, тело налито свинцом, воспалённый мозг цепляется за непонятные видения... Услышав прерывистый храп на соседней шконке, с ненавистью взглянув на бессонную лампочку, вздохнув смрадный запах, ощутив липкий пот, возвращаешься к реальности: ты — зэк, ты в тюрьме, в СИЗО, в лагере; ты — вне закона, вне нормальной жизни...

И начинается самобичевание, самоедство, самоистязание. «И зачем я выбрал эту дорогу, на кой черт мне был этот юрфак, почему не послушал родных?.. Ведь отговаривал меня Митя, старший брат: «Становись, как я, шофёром. Учись на инженера, на агронома. Большим человеком и дома, и в районе станешь... Слушай старших — они добра желают...»

И отец предупреждал: «За трудное дело берёшься, сынок. Выдержат ли твои плечи? И чужую, и свою жизнь можешь поставить под удар... Сто раз отмерь!..». Я видел, что родные и гордятся мною, и беспокоятся, как это могут только самые близкие люди. Не раз тайком молилась мама, с тревогой, пытливо смотрела мне в глаза при встрече сестра Зина, на чьих руках я, по сути, вырос, кто частенько заменял мне болев-

шую маму... Нет, они не привязывали мне к ногам гири, не мешали выбрать свой путь. Они страшились неизвестности, которая ожидала меня, а может не хотели отпускать из дома младшего сына и брата, должного взять со временем на себя всю заботу о семье. У них было предчувствие грозившей беды. Срабатывал инстинкт сохранения рода, своеобразная коллективная защита от неизвестного.

Я же со всем максимализмом и всей беспечностью молодости рвался, как мне тогда казалось, на волю — из-под родительской, семейной опеки. Для отца у меня было наготове «стопроцентное» возражение: «Тебя, честного солдата, прошагавшего по дорогам войны не одну сотню километров, пролившего за общую Победу кровь, оскорбили, унизили... Лгали, присылая на тебя похоронку, лгали, когда отправляли в лагерь... Да, после вернули и награды, и доброе имя... Но сколько вытерпел и перенёс ты, сколько выстрадала мама, дети... Почему это произошло, кто допустил, кто ответил за твои и мамины муки, кто вернёт вам здоровье?.. Я буду бороться со злом, где бы оно ни проявилось, я буду до конца отстаивать правду, справедливость!»

Мне, юному, только вышедшему за домашний порог, противоречил тридцатипятилетний старик — с запавшими щеками и глазами, с полысевшей головой, со впалой грудью и тонкими руками... Этому, второму, оказавшемуся в зоне, не давала покоя язва желудка, его не отпускали головные боли, беспокоили опухшие суставы...

Видишь, во что превратила тебя твоя мечта?.. А ведь тридцать пять — это расцвет для мужика, верхушка его лета, его жизни... Твоей, кстати, жизни. Посмотри, где ты: нары, грязь, вонь, решётки и колючая проволока, собаки, охрана с автоматами, штрафной изолятор... В цехе, в литейке, где тебе «доверили» работать, «исправляться и перевоспитываться» — та же грязь, примитивные носилки, допотопное, времён Петра I, оборудование... К этому ты стремился, к этому шёл?..

— Это удар ниже пояса!.. Ты забываешь — или умышленно, или «что-то с памятью твоей стало» — о всём добром, радостном, что было в эти 15 лет, разделяющие нас: армия, учёба, жена и дочь, трудная, но нужная работа...

— Доработался...

— Не лги сам себе!.. Тебе есть в чём себя упрекнуть?..

— Наивный юноша!.. Всё мыслишь теми же категориями: «упрекнуть — не упрекнуть», «честно — нечестно», «прав — неправ»... Важен конечный результат — я, а это значит, что и ты — в заключении, в зоне... Принципиальность и честность — псу под хвост!.. Прочитай на робе, кто ты есть!..

— От сумы и от тюрьмы не зарекайся...

— Вот-вот, уже пошёл на попятную. Так что это за жизнь, когда завтра то ли за решётку, то ли — с сумой по миру... А как же «человек шагает как хозяин...»? «Хозяин» в зоне — это понятно, а там, за колючкой кто?.. Хотя — зона по обе стороны, хозяин — один...

— Да я не верю, не хочу верить, что стал тобою! Отстанет грязь!.. Есть же правда на этом свете?!

— Буду говорить популярно: правды на этом свете столько же, сколько в газете «Правда». Или в любой другой газете. Вот есть такая «Литературка», демократической многими считается. Но вот послушай, вернее — почитай, сравни, что к чему. Судят в Риге, процесс идёт. А тут статья. До приговора, в самый ответственный момент... Преступники мы с тобой, и место нам — здесь, на зоне... Такие, друг, пироги...

— Газета — это ещё не правосудие...

— Согласен: скорее это «общественное мнение». Во многих тысячах экземпляров... Хотя, в общем-то, газета, как говорится, довесок, подпорка... А перед тем, ещё во время следствия, полный беспредел. Знаешь, что это такое?.. Прощу очную ставку с Михасевичем — отказ; говорю о своей болезни — «здесь не санаторий», пишу жалобу в Москву — она застревает в СИЗО, требую вызвать свидетелей — «нечего права качать...». Кругом глухая стена!

— Так что же, нам судьба — лагерные нары?

— Ни в коем случае!

— Не понял? Ты же только что...

— Утверждал, что выхода нет?.. Извините, господа хорошие, память об отце не разрешит мне поднять лапки вверх!

— Будешь жаловаться, станешь кляузником?

— А ты себя представляешь в этой роли?

— Нет, конечно. Никогда и ни за что!

— Мы с тобой одной крови! Это хорошо. Не кляузничать я буду, а добиваться правды. Чего бы мне это ни стоило!

— Мы с тобой именно с этого и начали наш ночной разговор, если помнишь...

— Помню. Просто мне хотелось сравнить тебя с собой. Проверить, по тем ли ориентирам шёл. Не сбился ли с выбранной дороги...

— Но к правде можно добираться и в обход. Знаешь — «умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт».

— И застрянет в болоте, в грязи, от которой потом не отмыться...

— К сожалению, на нас пятно... Судимость.

— Отцу было труднее. И он выстоял.

— Время было другое. Тогда таких, как он, насчитывалось много миллионов.

— Сегодня, думаешь, меньше?

— Не знаю.

— Зато я знаю, я ведь старше на пятнадцать лет. Зона живёт, требует новых жертв.

— И ты, то есть я — против зоны?

— Да!

— Сожрёт. Как тебя.

— Кто сказал, что я сдался, что меня проглотили?..

— Смотри — дневники...

— Кому это интересно?..

— Тебе самому, во-первых. По-моему, у нас с тобой начало что-то получаться... Может, пока не книга... Как говорится, проба пера. Зато — правда. И не только о нас. О многих. О невинных и о

гадах, об обездоленных детях и наевших хари «попках». О зоне по обе стороны колючки.

— Размахнулся. Не надорвёшься?

— С Божьей помощью справимся. Ты же выбрал дорогу к правде?.. Вот и иди по ней. А я подставлю плечо, подсоблю. Вместе сподручней, не так ли, Валера?..

...Пронзительным звонком прервался тревожный сон. Мне поначалу даже показалось, что разбудил меня старенький домашний будильник, который мама ставила возле кровати, чтобы я не проспал в школу.

Вместо тихого маминого голоса услышал:

— Что, прокурор, обвинительную речь опять толкал? Или с малолетками работал, перевоспитывал?..

Небритая истощённая физиономия соседа по лагерным нарам вернула в действительность. И тут же раздался тихий, но требовательный приказ бригадира:

— Шевелись, ребята! Сегодня у нас трудный день. Надо навёрстывать упущенное. План — не прихоть начальника. И он, и мы — люди государственные.

— Опять занял бывший помощничек...

— Конечно, ему самому на пуп не брать...

— Тот был с бровями, у этого фамилия похожая...

— Пристроились и тут...

...Ворчание, матерщина вполголоса, побряхтывание, постанывание, ленивые, неохотные движения. Но — к удивлению постороннего, ока-

жись он вдруг в бараке, — вся бригада в положенные по режиму минуты была на ногах. Койки заправлены, робы натянуты, живот прочищен...

Скудный завтрак, унылый, почти похоронный переход к цеху... На «родном» участке сразу же начинает воротить душу от одного вида опостылевших трёхпудовых ящиков... С десятка осталось после ночной смены — то ли «сдохли» грузилы, то ли подъёмник отказал... Так что надо впрягаться с первых же минут. Тем более что мастер-лейтенант уже коршуном летит по участку:

— Кончай ночевать, граждане трудноперевоспитуемые! Родина и родная колония ждут от вас ударных темпов...

С трудом взяв на пуп первый ящик, на ватных ногах передвигаюсь к грузовому лифту. Скрюченные пальцы впиваются в ребристые доски, подбородок упирается в верхнюю крышку. Пот сразу заливает глаза...

Смахиваю пот тыльной стороной ладони, нагибаюсь, захватываю полную пригоршню росистой травы, вытираю отклёпанный вчера полумесяц косы, достаю из заднего кармана стёршийся брусок!.. Не покажи только «фигу» — вспоминаю наставление отца. Улыбаюсь, смотрю на большой палец правой руки, где уже давно зарубцевались шрамы от первых опытов косьбы... Оглядываюсь назад — прокос широкий, ровный, валок почти в полколена... Распрямляю плечи и...

Трава покоряется остро отточенной литовке — легонько позванивают согнутые стебли молодой тимофеевки, беззвучно склоняет свои бело-ро-

зовые головки клевер, изредка брызжет соком молочай... В конце прокоса, у самого пруда, когда-то выкопанного отцом, останавливаюсь. На серебристой глади — ни морщинки: спит пока и камыш... У дальнего берега, под ветлою, застыл в напряжении рыбак — ожидает очередной поклёвки... Вдалеке, над полем, попробовал голос и захлебнулся от радости жаворонок... Прохожу ещё прокос, на этот раз под яблонями. Впереди, за забором, через улицу, мой дом... «Для разминки, для первого раза — достаточно...». Немного ноет поясница, ладони покраснели, но мозолей пока нет, мышцы наполнены жаром, глаза пощипывает от стекающего по лбу пота...

— Эй, прокурор! Проснись!

Непонимающе гляжу на напарника-молдаванина.

— Хочешь калекой на всю жизнь остаться? Видишь плакат — «Не стой под грузом!» — не унижается он.

— Дом увидел... Сенокос... Пруд... Клевер цветёт...

— Забуди о цветочках-ягодках! Вкалывать надо!

Будто робот, механически поворачиваюсь, одеревеневшими ногами меряю цементный пол, переламаываюсь пополам, руками-крючьями захватываю ящик... Грязный пот течёт по лицу, разъедает глаза...

...Февраль 1984-го. Экстренная командировка в Витебск. Еду если не с удовольствием, то с ощущением своей необходимости: наконец-то

настоящее дело, первое в жизни. Осточертели бумаги-отчёты, справки, сводки, докладные, накладные...

— Сам напросился?

— Преступление было совершено в моей зоне.

— Не просто преступление, а тяжкое — убийство.

— Что же, всю жизнь на вторых ролях?

— Самонадеянным ты был.

— За чужой спиной отсиживаться не собирался.

— Я ведь не про чужую спину... Ответственность какая! Готов ли был?

— Если честно — то не совсем. Но ведь сам Самохвалов обещал помощь!

— Помощь — помощью, а за «рулём» — ты.

— В ванной плавать не научишься...

— Но там и утонуть нельзя.

— Повторяю: трусом я никогда не был!

— Умерь свой пыл! Вспомни: и ты, и Толя Журба никогда не расследовали убийств. Два сапога — ещё не пара сапог. Оба с одной ноги...

— Оставь доморощенный юмор! Работали мы, как проклятые, с утра до ночи. У Толи ребёнок малый, а он домой носа не показывал. Я вторую прописку в Витебске получил.

— Согласен. Старались вы изо всех сил. А результат?.. Точь-в-точь как в одном стихе, его Янка Брыль в книге приводит:

Цяжка соп Мікалай,
аж гудзела гарно,
майстраваў, майстраваў,
ну, а выйшла...

— Который раз тебе говорю, что работали мы честно. Явка с повинной была?.. Была! Точный показ места убийства был?.. Был!.. При отце признание было?.. Было! Мотивация преступления?.. И она была!..

— Всё это было да сплыло! Отказался он от всего!.. Отказался!

— А ты знаешь, что и Михасевич на первом заседании от всех преступлений отказался?..

— Суд смог доказать его вину.

— Такой же суд счёл доказательства, собранные мною, убедительными.

— А затем поворот на 180 градусов.

— И суд может быть флюгером. Ветер переменялся...

— А ты его не поймал, этот ветер. Не смог поставить парус.

— Нос по ветру знаешь, кто держит?.. Я не из того племени... Да и ты, собственно.

— И не раскаиваешься?

— Нет. Да и ты, я знаю.

...У массивных ворот, у караулки, на плацу — повсюду в глаза лезет планшет-плакат:

«Воин! Будь бдителен! Ты охраняешь особо опасных преступников! Они в совершенстве владеют всеми видами огнестрельного оружия и приёмами боевых единоборств, отлично управляют любым транспортом. Будь бдителен!»

Каждодневно проходя мимо этих устрашающих призывов-напоминаний, мы, зэки, пересмеиваемся:

— Бригадир, у тебя какой дан по каратэ?..

— У него чёрный пояс...

Близорукий, почти слепой судья из Краснодара подключается к игре:

— Помню, был я на чемпионате мира по стрельбе...

— Туристом?

— Я с самим Медведем на равных боролся. — Это подал реплику тщедушный, пуда на три, предисполкома из Киргизии.

Сытый конвоир-хохол начальственно покрикивает:

— Отставить!.. Разболтались, як сороки...

— Это он тебе, прокурор, — толкает меня в плечо сосед-молдаванин.

Я хмуро молчу — нет никакого желания ни шутить, ни огрызаться...

...Перед глазами ещё одно документальное свидетельство моей зазеркальной жизни — «Положение о трудовом соревновании между отрядами и бригадами», утверждённое начальником УЖ 349/13. Среди множества бессмысленных пунктов, скопированных с таких же Положений о социалистическом соревновании, буйно расцветавшем по другую сторону колючки, есть и свои специфические, характерные для зоны.

...При наличии травмы отряд получает пять баллов со знаком минус, при отсутствии — пять баллов со знаком плюс. Непреодолимый риф для всех, вкалывающих на промышленной зоне, «промке». Увечья, ушибы, обмороки, грыжи, радикулиты, ревматизмы, глухой кашель — вот далеко не полный перечень хворей, вызванных

скотскими условиями труда. Но, как правило, врачи категоричны: «Здесь не курорт!»

...При посещаемости школы не менее чем 95 процентами членов отряда — плюс пять баллов, если этот показатель ниже — минус пять баллов. Очередная советская показуха, очередной обман, блеф. Полуголодные, невыспавшиеся, измочаленные подневольной работой, обозлённые «ученики» плевать хотели на эту школу: учителя, получающие нищенскую зарплату, лишь отбывают в лагерной школе «номер», прирабатывая гроши.

...При отсутствии возврата в колонию после отправки на «химию» или в колонию-поселение в течение года — плюс пять баллов; при возврате — минус пять баллов. Вновь абсурдный принцип пресловутой коллективной ответственности — будто бы отсюда, из зоны, можно каким-то образом повлиять на человека, находящегося зачастую за сотни километров. Впрочем, это невозможно и здесь — в бараке, на «промке»... Ожесточённый до предела заключённый никого в свою душу не пускает, слово «коллектив» для него — пустой звук.

За досрочное погашение материального иска (за каждые 100 рублей) плюс три балла. Вот здесь гражданин начальник колонии И. Жарков и его сотоварищи до предела искренни. Гоните денежки, ребята, и выйдете в передовики. Правда, надежды на сознательность и активность контингента маловато, поэтому и поощрение мизерное — всего три балла. Не додумали что-то составители Положения, пожадничали. А вот на-

кинули бы на каждый рубль по баллу, глядишь — и зашевелились бы подопечные, опустошили бы свои тощие сберкнижки, потрясли бы обездоленных родственников — потекли бы денежки рекой. А за это — администрации благодарность: перевоспитали опасных преступников, наставили на путь истинный.

Отрядам, занявшим призовые места, количество дней свиданий увеличивается, соответственно, на 25, 15, 10 процентов. Наверное, академики-математики и те не смогут определить, в какое количество дополнительных минут выльется это моральное поощрение для конкретного зэка и его жены. Но одно ясно, как божий день, — какому-нибудь бедному страдальцу из отстающего отряда придётся ждать своего счастливого дня до второго пришествия. Комнат в «доме свиданий» — раз-два и обчёлся, а тут передовики, правофланговые блаженствуют сверх нормы... Встретить бы такого в тёмном углу да «поздравить» с радостью! И встречают, и разговаривают «по душам»... Администрации невдомёк, что социалистическая показуха лишь натравливает людей друг на друга, пробуждает зависть и злобу.

Впрочем, гражданин начальник И. Жарков и не скрывает, что Положение составлено без малейшей мысли о лучшей доли заключённых. Ибо подписано оно администрацией колонии (то есть им), секретарём партбюро, председателем профсоюзного комитета и секретарём комитета комсомола. Об исполнителях, «винтиках», по сути,

забыли. Даже председателя Совета трудового коллектива не допустили к столу переговоров. Рылом не вышел, заключённый имярек, хотя ты и активист! Знай своё место!

...Письмо от Зины: «Валеричек, родненький, браток, как ты там?.. Мы ждём тебя, мама все глаза проглядела, проплакала... Нам без тебя трудно, мы на тебя надеемся... И я, и мама, и Митя... Возвращайся скорей домой, нам без тебя тяжело...

...Валерик, любимый!.. Инулька ждёт — не дождётся тебя, папку родного... Мы в тебя обе верим, ты нам очень нужен!.. Нам без тебя — как без воздуха... Я соскучилась без тебя, самого близкого. Люблю, жду, верю... Люблю!!!»

— Кабанов — Кабановым, а вот мистер Прошкин...

— Плевать мне на этого гада!.. Дальше Колымы не пошлют, больше вышки не дадут! И там встретимся!.. От меня и на том свете никуда не денешься!..

— Кирпич в своём репертуаре... Смени пластинку, Валера!

— Она у меня долгоиграющая... А вот наш шеф, Валерий Илларионович, что-то отмалчивается... Вам слово, маэстро!

— Прокуроры, видимо, предпочитают молчать. Тихарями заделались...

— Володя, ты это всерьёз?.. Подумай прежде!..

— Мужики, брэк!.. Не заводитесь!.. Пока мы вместе — мы сила!.. И Кабанову, и Прошкину, и Мартинсону только это и надо, чтобы мы ссучились...

— Дед Толя, ты как всегда прав!.. Только вот сам не укладывайся под них...

— Валера, зря ты так!.. Ведь.

— Хватит соплей, гражданин классный юрист!..

Ты уже успел...

— Ничего я не успел, бросьте вы, мужики...

— Прокуроры дерутся, а у нас чубы трещат...

— Послушайте, граждане менты, не пора ли вам...

— Заткнуться?!

— Вот именно. И выполняйте приказ старшего группы:

«Говорить правду — и только правду!»

— Понесло прокурора!.. Мы же не на лекции...

Политинформацию читать будешь?..

— А ты, Дед, не бойся стен... «Клопы» — они и есть клопы.

— Дочь маленькая у меня...

— И мы не холостяки. Отцы со стажем...

— Да все вы понимаете, друзи... Тяжко мне!..

— А нам легче?!

— Базар окончен, граждане-товарищи! — бра-
вый начальник конвоя, прапорщик-прохиндей
открыл скрипучую дверь. — Руки за спину, выхо-
дить по одному!.. Сороко — первым!

— Веди нас, любимый!

Валера Кирпич и в самые трудные минуты от-
чаянно хохмил. Вспоминал, видимо, спортивные
сборы, предстартовый мандраж и... плоскую, но
крайне необходимую в час «пик» избитую шутку.

— «И на том спасибо, тёзка».

— Не разговаривать, держать дистанцию! По-
шли!

— Не спеши, дорогой! Работа не волк...

Смотрю на грузинского соседа по нарам и не понимаю, чего он улыбается...

— Рано ещё, кацо, спи... До звонка ещё далеко.

— А ты чего не спишь?.. — Я, наконец-то, прихожу в себя, вижу казарму, шконки, иссиня-чёрные щёки грузина.

«Валера, ты должен остаться честным мужиком. Таким, каким ты был всегда. Не разрешай себе думать, что о тебе забыли... Знай, что моё плечо всегда будет рядом с твоим. Крепись!

...Ещё не вечер, Валерка! На нашей улице праздник впереди... Большой праздник!.. Не сдавайся, не ломайся, будь самим собой!!! Я верю в тебя, в твою и нашу правду!.. Привет!!!»

И письмо от брата:

«Я рад за тебя, Валера!.. Держи хвост пистолетом!.. Не поддавайся мусорам — отец не простит!.. А со сволотой будем разбираться... Нет, руки марать не будем — Бог их накажет... Но — только обязательно (поклонись!) — не узнавай их, не подавай руки, проходи мимо... Не марайся, обходи дерьмо... Обещай мне, Валера!..

...Браток мой, Валеричек, мы ждём тебя!.. Мама все глаза проплакала...».

Тупое лезвие «Невы» со скрипом ползёт по жёсткой щетине. Мыло не пенится на щеках, одувевшие пальцы не держат примитивный бритвенный станок, в мутном зеркале плывёт чужая физиономия...

...Спать, спать, спать... Заставляю себя — и ... не могу заснуть.

Мама — мой испуг, бесконечная радость, вечная доброта, обморочная, до иступления, любовь, злая ревность — нежелание делиться счастьем; сострадание, протест, согласие, примирение, бунт. И все равно — любовь, желание (скрываемое, тайное даже от самого себя, но постоянное до болезненности) поцеловать её руку... Прикоснись я к её слабой ладони — и выздоровел бы сам, поднялся, очистился, расправил плечи...

...Не всё сделал, не всё успел, не на всё решился.

...Зазеркалье безжалостно. На сей раз в виде чёрно-белой фотографии. Без полутеней, только — чёрное и только — белое. И сон по своей собственной прихоти выбирает любую кисть: то в виде сажи, то словно кипящая черёмуха.

...Утром вглядываешься в свои воспалённые глаза и мучаешься: что это было? В чёрное — «веришь», в черёмуху, в гудящий пчёлами сад — нет.

— Подъём!.. Подельники-бездельники! Кончай ночевать!.. Ударным трудом прославим Родину свою! — опохмелившийся лейтенант выгоняет нас на работу.

«...Бокс в рижском Верховном Суде. Близкий и чужой Валера Кирпичёнок, дед Журба, заматеревший опер Володя Буньков, гроза витебской вокзальной шпаны, проституток и бомжей... Перерыв, обед — «кормёжка зверей в зоопарке».

— Следчы, на тебя вся надежда!.. Ты ж у нас самый умный...

— Не трави душу, Володя!

— А что?.. Мой шеф всегда прав...

— Кирпич, помолчи! Тебе слова никто не давал!..

— А стены-то здесь дырявые...

— Наплевать!.. Пусть Кабанов слушает...

— Семейю, понимаешь, вспомнил... И вот это, — он дотрагивается до сердца, — что-то забарахлило... А тут и ты бормочешь, торопишься куда-то... Куда?..

— На суд.

«...Обновление оборудования — первоочередная задача для всей промышленности, в том числе и для предприятий ИТУ, которые сегодня имеют низкую степень механизации и автоматизации труда, несовременную структуру эксплуатируемой техники, с большим удельным весом оборудования, физически изношенного и морально устаревшего» (из передовой статьи газеты «Трудовое знамя» от 15 ноября 1986 года).

«Каждому осуждённому запомнился день 1 сентября. Школа учреждения, где зам. начальника по ПВР Ю. С. Быков встретила учеников блеском парт, уютом и приветливыми улыбками учителей.

Но есть и такие осуждённые-школьники, которые халатно относятся к учёбе, тянут назад свои отряды... Пропуская занятия, они не только увеличивают пробелы в своих знаниях, но и снижают место отряда в трудовом соревновании». «Совсем недавно самодеятельные артисты-поселенцы второго отряда, где начальником Л. М. Аленкин, представили на смотр-конкурс

художественной самодеятельности полуторачасовую программу концерта.

Не утихали песни и музыка по вечерам: здесь готовилась праздничная программа концерта, посвящённая Великому Октябрю».

«Во многом оздоровлению климата помогает наглядная агитация — экраны трудового соревнования, “молнии”, которые заполняются по инициативе мастера. А после проведённой агитационной работы во всех отрядах добросовестно взялись оказывать помощь отряду № 22 в вязке мочалок, чтобы выполнить план. И дело сдвинулось».

«Осуждённые пятого отряда, где зам. начальника по ПВР Н. И. Ткаченко, сделали специальный стенд “Курсом перестройки”, посвящённый основным направлениям в изменении жизни».

— Если раньше, — рассказывает начальник колонии, — мы имели дело в основном с поборами и превышениями власти, то теперь сплошным потоком к нам идут убийцы, грабители, насильники, угонщики автомобилей, квартирные воры. Естественно, все они в прошлом работники правоохранительной системы» («Социалистическая индустрия», 19 апреля 1991 года).

— Подследственный Сороко! Вы обвиняетесь...

— Подследственный Журба!..

— Подследственный Кирпичёнок!..

— Подследственный... Тяжёлое, сложное слово: под и след...

— «Под — это низ топки. Отсюда — подовый хлеб... Вкусно, детством пахнет, особенно если на

поду — кленовый лист...» Но «подпольщик» (под полом), «подлиза» (?!), «подхалим»...

Под следом, под башмаком, под пятой!

— «Сороко — танк! Безжалостный, который подминает и самого себя!..»

«Михасевич — маньяк, убийца века!..»

«Михасевич помог остановить гусеницы танка, за рычагами которого сидел Сороко...» Признание убийцы: «Я их душил и получал удовольствие!..»

«...Я их давил только руками!..»

«...Насиловал ли — не помню... Это не было главным...»

«...Моя первая любовь — причина моей патологии...»

«...Я — “Витебский мститель!”»

«...Я никого не убивал!..» «...Если бы не я — никого бы они не нашли!..»

«...Согласен. Пойдём, задавим перед Новым годом еще трёх...»

«...Как сейчас помню...»

«...Ничего не помню...»

«...Захрипела...»

«...Закричала...»

«...Я ей понравился...»

«...По согласию...»

«...На ней не было трусов...»

«...Мёртвых не насиловал...»

«...Это не было для меня главным...»

«...Оперативные разработки я читал... Автоинспектором был...»

«...Да, сам себя... Искал... Долго... Нет, не боялся... Нашло что-то... Всё равно... Сколько?.. Ни одной...»

- «...Почему?.. Мстил!..»
- «Кто?.. Чёрт: красные глаза, клыки, уши...»
- «...Не помню... Одежда?.. Брюки?.. А-а, штаны... Чистые, не снимал. Не главное. Нет. Не жаловалась. Хватало. Ей. Мне. Не обижалась...»
- «...Все мои! Сколько?.. Все!.. Сколько надо?.. Много!.. Впрочем, сколько надо — столько будет!..»
- «...Эту?.. Я!.. Где?.. Там... Под Лучёсой, под Полоцком... Захотелось!.. Нет, не этого... Задавить!!!»
- «...Сознаю, отвечаю, даю ответ, сожалею, прошу прощения, надеюсь на помилование...»
- «...Готов понести любую кару: суд гуманен, суд должен понять...»
- «...Я оказал помощь следствию... Я могу принести пользу обществу... Со мною сидели, напоминали...»
- «...После удушения чувствовал прилив сил...»
- «...Этого не помню...»
- «...Не насиловал!..»
- «...Не насиловал...» «... Я же сказал — “Не наси-ло-вал!!!”»
- «...Сумочку не осматривал...»
- «...Денег не брал...»
- «...“Мститель Витебска”?.. — Я!»
- «...Все мои!.. Сорок!.. Тридцать девять?.. Да!..»
- «...Я ещё принесу пользу обществу!..»
- «...Сорокину, Кулешову, Евдоченко убил я!.. Суд не разобрался...»
- «...Прошу помиловать!!!»
- «Убил их я!..»

«Я-а-а-а!»

«...Михасевича Геннадия Модестовича оправдать по...»

«...Их убил я!..»

«...Михасевича Геннадия Модестовича оправдать по...»

Кто убил Сорокину, Кулешову, Евдоченко?!

Из Статута Великого Княжества Литовского

Артикул 105

«Стремясь к тому, чтобы люди злые от клеветы на людей невинных сдерживаемые были, устанавливаем, если бы кто, игнорируя страх Божий и стыд людской, какие вещи выдуманные клеветнические в суд донёс и то дело, на кого поддерживал, а это бы всё на него первый раз явными доказательствами и надлежащими знаками установлено, тогда за это стороне той, которую оклеветал, штраф обязан будет заплатить... А окажется то ли второй и третий раз, тогда за каждый раз то самое стороне противной платить обязан будет...»

А если бы и в четвёртый раз в то же самое на того же от кого-либо показалось, тогда уже такому ноздря должна быть разрезана и уже такой потом чтобы никогда ни в какой вред и в дело не был допущен».

**Беззаконие составляет
в сердце, кладёте на весы злодеяния
рук ваших на земле**

*«С самого рождения отступили нечестивые; от
утробы матери заблуждают, говоря ложь...»*

(«Псалтырь», псалом 57)

*«...Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Госпо-
ди, на помощь мне.*

*Да постыдятся и посрамятся ищущие души моей!
Да будут обращены назад и преданы посмеянию
желающие мне зла!..»*

(«Псалтырь», псалом 69)

*«...Избавь меня, Господи, от человека злого; сохра-
ни меня от притеснителя.*

*Они злое мыслят в сердце, всякий день ополча-
ются на брань. Изощряют язык свой, как змея; яд
аспида под устами их. Соблуди меня, Господи, от
руки нечестивого, сохрани меня от притесните-
лей, которые замыслили поколебать стопы мои.*

*...Не дай, Господи, желаемого нечестивому; не дай
успеха злому замыслу его; они возгордятся.*

*Да покроет головы окружающих меня зло соб-
ственных уст их».*

(«Псалтырь», псалом 139)

*В. Сороко работает
за письменном столом*

*В. Сороко за столом на фоне
своих книг*

III

**ЛАГЕРНЫЕ ИСТОРИИ
МИХАИЛА ЗАЗУЛИ**

С Мишей Зазулей я познакомился в исправительно-трудовой колонии № 13, находящейся в Нижнем Тагиле. По прибытии для отбытия наказания трёхгодичного срока, назначенного Верховным Судом Латвийской ССР. Начались знакомства с находящимися в зоне такими же несчастными, замученными неволей и ожиданием свободы осуждёнными. По сложившейся многолетней традиции к вновь прибывшим проявляется повышенный интерес тех, кто провёл в заточении уже много месяцев и лет. Они ищут земляков, с надеждой получить весточку из далёких милых и манящих родных мест. А если повезёт — то и от знакомых и родных.

Я не был исключением. Ко мне начали подходить заключённые и интересоваться, откуда я родом, где судили и откуда приехал этапом. Один из них представился мне как Зазуля Михаил. При разговоре с ним я узнал, что он родом из белорусского города Слонима. Отбывает наказание якобы за убийство. По работе ранее был связан с системой МВД, поэтому находится в данной колонии. Но, как позднее я узнал, он был в авторитете у начальства колонии. Занимал самые «блатные» должности: заведующего клубом, заведующего складом, старшего продавца ларька-магазина, где отоваривались заключённые, которые имели на карточке деньги. Наличных у осуждённых не должно было быть. Их обнаружение работниками колонии наказывалось очень строго. Но необходимо отметить, что случаев подполь-

ного оборота денег было много. Отбывала наказание разношёрстная публика: лица, занимавшиеся теневой предпринимательской деятельностью, генералы, секретари ЦК, обкомов и горкомов, ответственные работники исполнительной власти, правоохранительных и судебных органов. Одним словом — «спецконтингент». А они-то по должностям ворочали немалыми деньгами на свободе, кое-что удалось им заполучить нелегальным путём и на зоне. Поэтому деньги играли, наряду со стукачеством, основную роль в получении привилегий. Покупалось всё: от молотка, бритвенного станка, чая, спиртного, свидания с родными до блатного места работы. У Зазули Михаила, как он рассказывал, когда мы встретились после отбытия наказания в Минске, было особое поручение спецчасти.

После отбытия наказания я вернулся в город Минск к своей семье. Вёл переписку с осуждёнными, с которыми подружился в неволе. Я помогал им как в заключении, так и на свободе.

Боясь мести за содеянное убийство, ко мне приехал В. М. Барсуков, которого я поселил жить в своей родной деревне, где он прожил много лет. Потом переехал ко мне в Минск, где жил в моём доме, женился и остался навсегда.

Затем ко мне в Минск приехал Н. М. Лукьяненко. Я его поселил в отдельно стоящем доме с В. М. Барсуковым в Масюковщине, где они прожили несколько лет, подрабатывая у меня на фирме. Познакомил Лукьяненко с одной из своих знакомых женщин, он женился, и они уехали

в США. Редко, но присылает вести о себе. Жена Лукьяненко неоднократно приезжала в Минск, звонила мне и рассказывала об их жизни в Америке. Один раз приезжал ко мне и сам Н. М. Лукьяненко. Конечно, он сейчас доволен сложившейся судьбой. Но признаюсь: не заметил у него чувства благодарности за то, что я ему очень помог в колонии, а после неё приютил, женил и устроил ему беззаботную дальнейшую жизнь.

Г. С. Тарасов после возвращения из колонии несколько месяцев работал у меня на предприятии водителем. У него была фанатичная тяга к огнестрельному оружию, мечтал в совершенстве владеть им и упражняться в стрельбе. В городе Орше был дом его родителей. Здесь во время Великой Отечественной войны шли многодневные боевые действия и на месте сражений оставалось в земле много боевого снаряжения. Местные копатели находили оружие и продавали на «чёрном» рынке. Не остался в стороне от такого «бизнеса» и Тарасов. В своём гараже он чистил от ржавчины найденное оружие и сбывал его. Наградил карабином он и моих друзей в Масюковщине, где по ночам раздавались тренировочные выстрелы, разрывая ночную тишину.

Но вскоре дошла информация до милиции, оршанские розыскники быстро нашли Тарасова и при обыске изъяли у него несколько стволов огнестрельного оружия, за что он повторно был осуждён к лишению свободы. После освобождения пришёл ко мне и заявил, что покидает неблагоклонную к нему родину и уезжает в Израиль.

В страну, где можно покупать разное огнестрельное оружие, им владеть и пользоваться. Задуманное и осуществил.

Спустя несколько лет после этого Тарасов приезжал ко мне и с восхищением рассказывал, как купил в Москве поддельную справку о том, что он еврей, получил паспорт и уехал в Израиль. Там живёт со своей семьёй из Беларуси. Но главное, когда по приезду в Израиль ему объявили, что теперь он гражданин Израиля, он тотчас побежал в магазин покупать оружие. Продавец предупредил: чтобы приобрести огнестрельное оружие, необходимо несколько дней обучаться стрельбе и получить «корочки». Тогда Тарасов предложил проверить его на умение обращаться с опасным товаром. Он с закрытыми глазами собрал и разобрал пистолет и автомат, а потом из них поразил мишени. Продавец, не скрывая удивления, предложил ему выбрать любое понравившееся оружие. С восторгом и наслаждением, осуществляя свою мечту, Тарасов купил сразу несколько единиц огнестрельного оружия.

Трагично сложилась судьба А. А. Захарова — ещё одного моего друга по неволе. По прибытии в колонию он был первым из заключённых, кто пригласил меня в контору, где фактически находился склад дефицитных нелегальных товаров. Так как он отсидел на зоне уже более 10 лет, администрация колонии доверяла ему. Он стал для неё почти «родным» и нужным «зэком». Был одним из тех, через кого шла подпольная поставка в колонию чая, кофе, спиртных напитков и других

дефицитных в неволе товаров. Это было тене-
вое звено между осуждёнными и администраци-
ей колонии. Узнав, что я из Минска, откуда За-
харов сам прибыл этапом в колонию, он сразу же
стал мне доверять и помогать. За знакомство я,
впервые за много месяцев заточения, выпил вме-
сте с ним несколько рюмок коньяка. После чего
мне стало блаженно хорошо, появилось (пусть
и временное) ощущение свободы, с плеч спал тяж-
кий груз камерного ограниченного пространства
и специфического запаха. Душа парила, оказав-
шись во власти необъяснимого чувства. Но такая
эйфория продолжалась недолго. Разговоры Заха-
рова о нравах в колонии, гласных и негласных по-
рядках быстро спустили меня на грешную землю.

Около года я пробыл в колонии, был условно-до-
срочно освобождён и определён на стройку народ-
ного хозяйства: работать на «Уралвагонзаводе».
Поселившись в общежитии спецкомендатуры,
я имел возможность звонить домой и не терять
связи с исправительно-трудовой колонией, от-
куда мне шли «малявы» (нелегальные весточки)
с различными просьбами. Так, по просьбе А. А. За-
харова я дважды приходил в колонию и передавал
через работников администрации коробка с индий-
ским чаем. Меня охрана проводила за металличе-
ские ворота и ограждения в комнату, где товар
ждал Захаров с деньгами. Передав чай и получив
деньги, я с чувством облегчения покидал прокля-
тую колонию.

Признаюсь: чувства страха и тревоги сильно
будоражили кровь и психическое состояние, ког-

да я заходил с коробами чая за колючую проволоку. Постоянно преследовала мысль: а если это подстава и меня снова закроют, прибавив срок? Но, как говорят, кто не рискует, тот... К тому же чувство долга, «зэковской солидарности» и желание помочь пересиливали страх опасности.

После отбытия наказания А. А. Захаров приехал в Минск. Через некоторое время он появился у меня дома. Встреча была горячей — со спиртным и воспоминаниями. Старый знакомый попросил помочь ему с трудоустройством. Я предложил вспомнить опыт, полученный в колонии, и заняться торговлей. Он пришёл ко мне со своей подругой, открыл торговую точку — продавал фрукты. Проработав только сезон, куда-то исчез.

Спустя несколько месяцев я случайно узнал, что А. А. Захарова убили милиционеры. Где-то была большая кража, подозрение пало на Захарова — к нему пришли на квартиру с обыском. А так как Захаров после отсидки 15 лет находился в нервном состоянии, видимо, в душе ненавидя работников правоохранительных органов, он начал с ними перепалку, сдали нервы и раздался выстрел, который оборвал жизнь моего товарища.

Захаров много в жизни повидал, а ещё больше натерпелся от пенициарной системы. Видимо, угрозы и подозрения вывели его из себя, и итог оказался весьма плачевный.

После отбытия наказания приехал ко мне и Михаил Зазуля. Он стал жить со мной в одном

доме в г. Минске, помогать по хозяйству. Так как у меня появилась маленькая дочь, а матери ребёнок было тяжело учиться в институте, то он помогал заниматься домашней работой. Зазуля легко знакомился с незнакомыми людьми, умел входить к ним в доверие. Хорошо играл на различных музыкальных инструментах.

Долгими вечерами за чашкой чая он мне рассказывал о спецколонии № 13, пересказывая проходившие там интересные события. Необходимо заметить, что М. С. Зазуля имел тягу к спиртному, частенько находил возможность опрокинуть стаканчик-два, тогда он становился ещё более разговорчивым и откровенным. Так, Михаил рассказал мне, как по просьбе начальника колонии Жаркова он постоянно втирался в доверие к Юрию Чурбанову и, выведав нужную информацию, «сливал» её потом начальнику колонии. За что Жарков и давал ему «тёплые» места работы. Большинство заключённых работали в литейных цехах, в тяжелейших условиях добывая так необходимые показатели. За невыполнение плана начальство колонии могли наказать вплоть до увольнения. Продукция ИТК № 13 нужна была для комплектации необходимыми изделиями «Уралвагонзавода», где выпускали бронемашину для нужд Вооружённых Сил Советского Союза.

Начальство колонии сильно не наказывали за увечья, полученные заключёнными, за моральные и физические издевательства над зэками, но к выполнению госзаказа — самые жёсткие требования.

Михаил Зазуля жил у меня несколько месяцев. Но после того как женщина, живущая в соседнем доме и работавшая на рынке Торгового дома «Ждановичи», рассказала мне, что М. З. Зазуля принёс ей какие-то вещи и попросил продать на рынке, я стал выпытывать у Миши, где он их взял. Тот признался, что взял чемодан с вещами у незнакомого гражданина, с которым распивал спиртные напитки на железнодорожном вокзале. Я понял, что с таким другом мне не по пути. Предложил ему уехать к родным в город Слоним, что он и сделал.

Дальнейшая судьба Зазули мне не известна. Я неоднократно звонил его родственникам в г. Слоним, они отвечали мне, что несколько лет не имеют о нём никаких вестей.

Зная слабость Михаила к спиртному и подзревая, что он мог и не отказаться и от наркотиков, думаю, он готов был пойти на любые преступные действия, чтобы добыть деньги. Видимо, судьба сыграла с ним злую шутку.

Перед тем как со мной попрощаться, Михаил Зазуля оставил у меня свои рукописи и попросил помочь их опубликовать. Помогала ему их писать и править главный редактор «Слонимского вестника» М. В. Данюк. Немного их подредактировав, я предлагаю на ваш суд, уважаемые читатели, записи осуждённого М. С. Зазули — ещё одну исповедь бывшего сотрудника. Они занимают несколько глав этой книги.

— Ситуация у нас одна.
И воспоминания общие

ОШИБКИ ПРАВОСУДИЯ И «ПРАЗДНИКИ» ОСУЖДЁННЫХ

Свидетельства того, как проворачиваются шестерни бездушного механизма, можно множить. Но смысл не в количестве свидетельств и даже не в том, чтобы объективно их прокомментировать. Беда: людям потом приходится с этим жить. Зэки знают и о вине своей, и о том, как их «прессуют» сверх меры. И надо найти хоть какой-то баланс в душе, надо думать о перерождении, надеяться на свободу и новую жизнь.

Анализируя личную практику и беседы с друзьями в зоне и вне её, хочу сказать тебе, дорогой читатель, что у 99 процентов заключённых обязательно наступает такой момент, когда в душу закрадывается мысль: я уже исправился, а значит оставшиеся год, три или пять мне незачем отбывать наказание.

Может в какое-то время прийти в голову и сомнение: исправлюсь ли я вообще? И, конечно же, есть в зоне определённая категория лиц, которая мыслит иначе: а нужно ли мне исправляться?

Невзирая на все эти разные мнения заключённых, а они зачастую высказываются вслух, система исправительно-трудовых учреждений требует, как и исправительно-трудовой кодекс, одного: исправить провинившегося. А в какую сторону

пойдёт исправительный процесс, этого заранее не предусмотреть и не узнать. Не зря в народе говорят: «Тюрьма либо лечит, либо калечит».

Около 70 процентов осуждённых отправляются (когда пишу эти строки) в места не столь отдалённые повторно. Если рецидив бывает, человека снова судят — уже третий, четвёртый раз. Идёт бесконечный процесс исправления. Но почему же человек не исправляется, кто в этом виноват?

Могут сказать прямо: виновата администрация колонии, где отбывают первичный срок, а также несовершенный исправительно-трудовой кодекс, царящие за колючкой порядки и окружение в зоне первой ходки.

На сегодняшний день как в России, так и в Беларуси ввиду отсутствия работы в зоне гуляют почти весь срок, бьют баклуши до 75 процентов заключённых¹. Так почему же Кодекс называется исправительно-трудовым, а не просто исправительным? Конечно, в верхних структурах МВД этот вопрос ставился неоднократно, но, как говорит народная мудрость, пока гром не грянет... Зародившаяся давно система исправления осуждённых во многом оказалась несостоятельной, обречённой остаться только в истории.

По своей значимости и сути требует совершенствования система уголовного наказания, следствия. Прочитав за время пребывания в колонии не одну сотню приговоров, иногда просто

¹ Статистика 1990 г.

удивлялся напечатанному. Для убедительности приведу несколько примеров.

Первый может показаться страшноватым, но он не мной придуман, а в действительности имел место.

Незадолго до конца срока «службы» в колонии, перед освобождением мне сообщили, что в карантинном отделении есть мой земляк из Минска. Как и полагается по законам лагерной жизни, я, старожил зоны, направился в карантин, дабы познакомиться с вновь прибывшим земляком.

— Кто из Беларуси? — спросил, войдя в здание карантина.

Ко мне подошёл парень лет 24–25 и сказал, что он из Минска и срок у него пятнадцать лет.

— Меня зовут Миша, — представился я. — А тебя как?

— Вова, фамилия Казимиров.

— За что так много дали, если не секрет?

— Если говорить честно, то ни за что, а по статье, вменённой мне и другу, — за убийство, — ответил Володя.

— Мучиться без вины виноватому пятнадцать лет, так лучше уж сразу в омут головой, — сказал я, ожидая, что он подробнее объяснит, как всё произошло.

И тогда он стал рассказывать:

— Мы, Миша, собрались втроём у меня дома, чтобы отдохнуть, послушать музыку. Ну и, конечно, хорошенько выпили. Один приятель стал буяннить, обзывать меня и друга по-всяко-

му. Я не сдержался, схватил его двумя руками за горло и стал душить. Вижу, он задыхается, тогда я разжал свои руки. Он упал на диван, а мой друг, так же разъярённый, как и я, схватил его за горло двумя руками и тоже начал душить. Когда он его отпустил, мы увидели, что наш общий друг уже покойник.

— Ну и делишки у тебя, Вова, ведь два раза вы не могли его задушить, отсюда вывод — убийца кто-то один, а другой, поскольку таковым не является, осуждён ни за что. Кстати, а сколько дали другому?

— Тоже пятнадцать.

— Вова, лучше вас двоих не знает никто — ни прокурор, ни судья, ни сам сам Бог, кто в действительности убийца.

— Видишь, в чём дело. Когда я руки разжал, то потерпевший ещё дышал, откашливался, а второй его и прикончил.

— Почему же ты не объяснил всё это на следствии и в суде?

— Да объяснял, но вот мой «друг» говорил им обратное: якобы когда он схватил за горло потерпевшего, тот уже не дышал, и тело его было холодное. Вот и получается, что он душил уже мёртвого, а убийца — я, — пояснил мне Владимир.

— В цивилизованных странах постарались бы докопаться до сути, — стал просвещать я земляка, — наверняка отпустили бы одного из вас, а вот в нашей стране за колючку на пятнадцать лет отправили обоих.

Поговорив с Володей о семейной жизни, поинтересовавшись, есть ли у него дети, я ушёл из карантинного отделения, на прощание предупредив земляка, что в случае необходимости может найти меня в тринадцатом отряде. Я спешил, ибо опаздывал в профтехучилище колонии, где мой друг из Одессы отмечал в небольшом кругу пересмотр приговора, по которому ему дали за получение взяток тринадцать лет. Верховный Суд Украины приговор изменил и вместо назначенных тринадцати лет уменьшил срок до восьми. Он уже отбыл семь, так что оставался только один год.

В ПТУ, поприветствовав собравшихся на «банкет» гостей и протянув руку имениннику, я сказал ему:

— Поздравляю тебя, Максимляк, с новым рождением!

Мой друг заулыбался и сказал, обращаясь ко мне:

— Миша, кто из нас следователь?

Именинник действительно работал до ареста следователем прокуратуры в городе Одесса.

— Не понимаю твоего вопроса, — удивился я.

Тогда Максимляк признался:

— У меня, кроме праздника ввиду уменьшения срока на пять лет, сегодня ещё и день рождения. Вот и получается, что я двойной именинник.

Почти все, кто был приглашён на застолье, стали упрекать, что можно было об этом раньше сказать, тогда приготовили бы подарки. Отвечая

гостям, Максимляк с чувством особого удовольствия объяснил:

— Самый главный подарок мне сделала жена. Вы же все прекрасно знаете, что отсюда добиться истины практически невозможно. А она почти два года обивала пороги Верховного Суда Украины, и результат вам теперь известен.

— Саша, дай мне познакомиться со старым приговором, — попросил я.

Он протянул мне брошюру на шести листах. Фабула напечатанного заключалась в том, что Максимляк систематически брал взятки, хотя никакой системы не было и в помине. Суть заключалась в следующем. Во время дознания по делу о хищении двух мешков семечек гражданин Тимошенко, вызванная на допрос в качестве обвиняемой, принесла в кабинет следователя Максимляка и положила ему на стол 300 рублей, поставила бутылку коньяка. Максимляк сказал ей:

— Мне сейчас некогда, приходите в это же время в пятницу.

В назначенный день и время Тимошенко пришла, взяв с собой ещё 300 рублей и две бутылки коньяка. В связи с выездом следователя Максимляка на происшествие их встреча на этот раз не состоялась. Однако попытка получения взятки второй раз следователем Максимляком, как значилось в приговоре, подтверждается получением взятки первой. Каждому ясно, что женщина тащила в кабинет следователя деньги и коньяк, чтобы избежать наказания, но так как первый раз он ее не допрашивал, она пришла к выводу: зна-

чит, мало предложила. Именно поэтому в пятницу принесла повторно такую же сумму и увеличила число бутылок в качестве второй части презента.

Но ведь встреча не состоялась, передачи и получения взятки повторно не произошло. Где же тогда система взяткополучения? И вот рождается удивительное решение: попытка получения взятки второй раз подтверждается получением взятки в первый раз, а значит — система и, соответственно, размеры наказания гораздо большие.

— Саша, возможно я поступаю неправильно перед нашим собравшимся коллективом, но у меня подарок для тебя найдётся, — обратился я к другу, отдавая ему приговор. Как-то внезапно я вспомнил, что во внутреннем кармане рубы у меня лежат накануне написанные стихи.

— Ребята, — спросил я, — кто-нибудь из вас пробовал писать стихи про какую-либо вещь, называя её ласково, по-дружески, с нежностью и любовью?

— Ты там что, про лампочку придумал или про вилку с ложкой? — с иронией спросил меня находившийся за столом бывший начальник управления уголовного розыска Хабаровского края полковник милиции Ярослав Николаевич Кос.

— Да нет, — ответил я, — про телогрейку, фуфайку или фофан, как по-нашему, по-зэковски.

— Как всегда, сюрпризы-фокусы у тебя, Миша, — вступил в разговор Борис Еремеевич

Бондарчук, суперэлектронщик зоны, бывший генерал-лейтенант Советской Армии, командовавший одним из секретных полигонов по запуску ракет, равнозначным казахстанскому Байконуру. Бондарчук слыл в зоне знатоком из знатоков и был на особом счету у администрации колонии как специалист по электронике.

— Борис Еремеевич, уверен, что каждому из нас пришлось подолгу бывать в камерах-одиночках. С момента моего ареста я более восьми недель содержался один, и как-то пришла мысль придумать стихотворение о лежавшей на нарах телогрейке. Но тогда нечем было записать зарифмованные строки, в камере же нельзя хранить ручки или карандаши, а на днях я вспомнил и записал стих. Давай, прочитай его вслух, используя свою командирско-генеральскую дикцию, — предложил я Бондарчуку и подал ему листок.

Общаясь с этим человеком, всякий из нас чувствовал себя как-то неуверенно, и причина этому действительно была. Когда разговариваешь, что-либо решаешь или делаешь общие дела с такими, как Борис Еремеевич, людьми, то знаешь: ошибки не произойдёт, тем более что по годам он нам почти как отец.

— Борис Еремеевич, — продолжил я разговор, — у меня будет к тебе вопросик, но только после того, как прочтёшь стих.

Бондарчук был больше чем электронщиком. Специалистом по подкалыванию друзей, постоянно удивлявшим нас своим умом, житейской мудростью и позицией опытного руководителя.

— Я читаю, — предупредил Борис Еремеевич.
И все приготовились слушать.

Подружка-тележка...

Тот, кто был, тот поймёт,

что сказать я хочу.

• Где непросто вдвоём,

и втроём где непросто,

Каково же тогда здесь бывать одному,

где фуфайка тебе как подушка, подруга,

как простынь?

Вот сейчас я впервые с подружкой своей,

Мы вдвоём — не один я, и двоим не тревожно.

Что ж, тележка-подружка, выручай, помогай,

Век в долгу не останусь, это точно, надёжно.

Доски мягкие, чистые, словно дома кровать,

И уют здесь вокруг, и покушать дают.

Только тошно, аж горько и охота плевать,

Уже вечер, тележка, давай отдыхать.

Завтра утро наступит, что оно принесёт?

Не известно тебе, да и мне не известно.

Только знаю одно: тот, кто был, тот поймёт.

Что достаточно места мне с тележкой вдвоём.

— Ну, дела, прямо как узбек: что вижу, то и пою, — прокомментировал прочитанное Бондарчук.

— Еремеевич, ты обещал ответить на вопрос, — напомнил я.

— Спрашивай, Миша, разве когда-нибудь я не отвечал? И Бондарчук сделал настороженно умный вид. Выражение его лица говорило о том, что он

уже готов ответить, ещё не услышав и не зная вопроса.

— Борис Еремеевич, вот ты генерал-лейтенант, звание имеешь армейское, а Юрий Михайлович Чурбанов — генерал-полковник, звание специальное милицейское. Правильно? — спросил я.

— Да, это так, — таким был ответ.

— А вот кто из вас был старше по званию, по должности, занимаемому положению?

Бондарчука этот вопрос несколько не удивил, он стал говорить, что это разные «вещи», армия — одно, а милиция — совсем другое; совершенно разные задачи у Министерства обороны и Министерства внутренних дел. Но в заключение, вскользь, как бы намекая, но не делая при этом особого ударения, Бондарчук дал понять слушающим его, что всё-таки при погонах он имел значительно больший вес, чем Чурбанов. Напомню, вопрос, заданный Бондарчуку, уже звучал однажды, хотя и в другой форме.

Между тем вечер отдыха, организованный Максимляком, заканчивался.

«И ОБЯЗАТЕЛЬНО УЛЫБАЙТЕСЬ!»

Придя в свой отряд и поудобнее усевшись в комнате политико-воспитательной работы, где показывали детектив по телевизору, я почувствовал чей-то взгляд от двери в мою сторону.

Повернул голову и увидел вошедшего нарядчика зоны Семёна Яковлевича Петухова, бывшего начальника отдела региона Крыма, именуемого ныне отделом по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, полковника МВД.

Присев рядом со мной, он, чтобы не мешать другим смотреть телевизор, наклонился и шёпотом на ухо произнёс: «Тебя желает срочно видеть заместитель по политчасти Крючков. Он до утра в зоне ответственный. Не откладывай и сходи прямо сейчас».

Желания идти по вызову у меня не было. Но за неявку возможны последствия. Петухов обязательно доложит, что я был поставлен в известность о вызове. Это побудило подняться и направиться в штаб.

— Разрешите войти? — спросил я, предварительно постучав в дверь кабинета замполита.

— А? Проходи, садись, Миша. Чай тебе заварить?

— Николай Васильевич, — сказал я, — вы, если можете, заварите его себе, а меня просто угостите.

— Всё ещё держишь обиды на политчасть за клуб? — поинтересовался замполит.

— Не обиды я держу, а просто не верю больше этой структуре, тем более здесь, в зоне.

Заметив не очень доброжелательный взгляд Крючкова, я решил больше не вступать в дебаты, а выслушать его. Тем более, что могло быть всякое, ведь он подполковник, да ещё зам. «хозяйина». Стоявший на красивом столике самовар был включён в розетку, а Крючков стал объяснять причину вызова:

— Здесь, Миша, такая петрушка. Через полтора-два месяца в колонию приезжает комиссия по проверке политико-воспитательной работы учреждения. Ну и, конечно, как и каждый год, будет оценивать состояние художественной самодетельности спецконтингента. Знаем мы, знают заключённые, что последние пять лет этим вопросом в зоне занимался ты, даже тогда, когда уже не работал заведующим клубом. Тебе до освобождения осталось немного, поэтому оставь память — сделай программу смотра на полтора часа, тематика такая: «Этот день Победы». Только есть одна убедительная просьба: в программе концерта должно быть задействовано как можно больше лиц из числа генералов и других бывших начальников. Если они будут петь в хоре, поодиночке или ансамбле, обязательно при этом должны улыбаться, как бы выражая мнение, что не только в стране, но и в исправительно-трудовой колонии № 13 всё идёт замечательно.

Не подавая виду, что у меня начало темнеть в глазах от его слов, я продолжал слушать красноречивого политического руководителя.

— Возможно, будут трудности с музыкальной литературой, инструментами, тогда свяжись с начальником восьмого отряда капитаном Олегом Владимировичем Даниловым. Ты же знаешь, он у нас среди администрации самый большой знаток музыки, да и в Нижнетагильском цирке в оркестре подрабатывает вопреки запрету министра. Я ему уже дал команду помочь тебе при необходимости. После проведения смотра подашь рапорт на поощрение осуждённых. Никого не оставим в обиде, обещай смело: дополнительные свидания, дополнительные посылки, денежные премии, благодарности и так далее.

В том, что все участники смотра-конкурса будут поощрены администрацией, я не сомневался. Практика проведения таких смотров в предыдущие годы доказала это. Но вот как заставить, уговорить или запугать генералов, чтобы улыбались на сцене во время исполнения музыкальных номеров, я, признаюсь, не знал.

Задышал паром включённый самовар. Замполит стал заваривать крепчайший индийский чай, объясняя:

— До утра спать не придётся, по графику сегодня — ответственный.

Не ради личных благ, не ради какой-то выгоды я, глядя в глаза Крючкову, сказал:

— Возьмусь за это дело, Николай Васильевич, но лишь только потому, чтобы вы не гово-

рили, будто затаил обиду на политчасть. Честь колонии отстоять придётся, да и тематика мне по душе. К вам одна просьба — обеспечить явку в клуб на репетиции.

Уточнили дни и часы для подготовки к смотру. Пожаловавшись на боли в области сердца и не став пить чай замполита, я, всё ещё удивлённый, ошарашенный, явился в свой отряд.

«Везёт сынам узбекского народа, — подумалось мне, — эта подготовка к смотру даст им возможность постоянно встречаться в клубе для проведения тайных мусульманских молений под руководством Мазатова, что с первых дней их нахождения в зоне строго было запрещено администрацией колонии».

Работая в должности заведующего клубом, я тогда пошёл на зэковскую хитрость, и мы вместе с бывшим начальником Управления внутренних дел города Ташкента генералом Сатаровым фиктивно создали при клубе кружок изобразительного искусства. Руководить им должен был сам Сатаров. В состав кружка входили все лица по «Узбекскому делу», ещё ряд их земляков. У них была возможность для встреч и молений. Но после досрочного освобождения Сатарова из колонии кружок реорганизовали, что сразу сказалось на узбеках...

— Коля, ты меня не потеряй, я схожу в медсанчасть, что-нибудь от болей в сердце попрошу, — предупредил я завхоза отряда Петрова и направился в это заведение к Бегельману, работавшему санитаром санчасти.

— Салам, Пётр Борухович, — поприветствовал я друга.

— Давно не виделись, проходи, Миша, усаживайся. Наверное, барахлит здоровье, раз дорога привела сюда? — спросил Бегельман.

— Да нет, — ответил я. — Нужна твоя помощь, совсем пустяк. Ты же заместителем министра внутренних дел Узбекистана был, поэтому, думаю, тебе ничего неё стоит собрать весь генералитет во главе с собой в хоровой коллектив при клубе. Не за так, поощрения дадут кому какие надо, да и для узбеков это выгодно.

— Я всё понял, — ответил Пётр Борухович, — будет сделано. Вот только Чурбанова привлечь не обещаю. Пусть правит бал Усманходжаев, он сам большой любитель песен.

Ответ Бегельмана меня вполне устраивал, у него слова с делом никогда не расходились.

— Как у тебя ситуация дома? — спросил я перед уходом от Петра Боруховича.

— Пока точно не знаю. Космонавт Джанибеков с моим старшим сыном — лучшие друзья. Что-то они там соображают, хотят обратиться к Горбачёву относительно меня. Даст Бог, раньше выйду, лет мне немало, да и кому вообще хочется сидеть.

Похвалялся и одновременно жаловался мне Бегельман. Я предупредил его, что первое организационное занятие состоится ровно через неделю в одиннадцать часов утра, и ушёл.

«Как убедить людей, чтобы убедительно и правдоподобно улыбались со сцены во время

выступлений?» Эта мысль не давала мне покоя. Утрачены годы, семьи, горе у родных и близких, невероятный стыд перед друзьями по работе и жизни на воле, боль за детей, растущих без отцов, потеря здоровья и надежды на дальнейшее, как прежде, элитное существование — а ты должен, как будто ничего не произошло, петь или танцевать, да ещё и улыбаться, глядя на лица присутствующей в зале комиссии из молодых капитанов и майоров Управления по исправительным делам Свердловского УВД.

«Нет, здесь, наверное, замполит переборщил, — подумалось мне. — Но если задаться целью исполнить его волю и исходить из того, что безвыходных положений не бывает, — будем улыбаться», — решил, наконец, я. Стал подумывать, какой именно ход или трюк надо и можно применить, чтобы во время смотра отхлынуло чувство уныния у каждого его участника, а вместо этого наступил подъём духа, совмещённый с юмором, а значит и с улыбками на лицах.

— Хочу предупредить, а заодно как бы и поучить всех вас, — повёл я разговор на первой репетиции. — Даже профессиональным певцам, артистам на концертных выступлениях присущи волнение, да и раздражительность при взглядах на публику в зале. Чтобы этого не произошло с нами на смотре-конкурсе, — продолжал я инструктаж, — постарайтесь смотреть в зал выше голов, на лампочку, и тогда вам будет всё действительно до лампочки.

Собравшиеся засмеялись.

— Вот видите, и смешно стало. Поэтому если кому-то станет грустно в момент нашего выступления, постарайтесь вспомнить этот сегодняшний момент и вы обязательно невольно заулыбаетесь, — договорил я.

Перед тем как расходиться, обратился к Бегельману:

— Пётр Борухович, назначаю вас старостой всей бригады участников самодеятельности. В ваши обязанности входит обеспечение явки людей на репетиции и журнальный учёт посещений. Это не моё желание, а рекомендация зама по политчасти.

Конечно, никакой рекомендации замполита не было и в помине, но, зная о довольно высоком авторитете Пётра Боруховича среди заключённых, мне подумалось, что должен быть у концертного «корабля» флаг.

— О, и Джамал Джамолович здесь, рад вас видеть. Но одно плохо, что вы без своего друга, — воскликнул я.

Дж. Дж. Джамалов — бывший начальник УВД Ташкентской области, генерал милиции всегда поражал и удивлял своими мыслями, поведением.

— Где я, Миша, только ни бывал во времена застоя, — рассказывал мне как-то Джамалов. — Был и в Турции, и в Греции, и в Саудовской Аравии, и в Пакистане, и ещё во многих странах. Непонятно одно: почему там в магазинах такое доверие? Нет ни продавца, ни сторожа, а так, больше для проформы, на выходе сидит на стульчике мужчина. Я и моя супруга ходили по магазину,

примеряли золотые колечки с бриллиантами. У нас, в Узбекистане и в России всё давно по-растаскали бы.

В период совместного пребывания в колонии я часто задумывался, почему этот человек, да и не только он, но и другие генералы, такие как бы немного по-детски наивные, словно не понимают, что генеральская жизнь окончена, теперь ты являешься простым советским заключённым, что пора забывать лампы и папахи.

Не зря «хозяин» колонии однажды отчитал на собрании Усманходжаева. На его слова «я же Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана» ответил:

— Это всё так, но вы — бывший. — И это относилось к каждому присутствовавшему в зале, вне зависимости от рангов, чинов, званий, занимаемых постов и должностей на воле.

— Михаил Семёнович, — сказал Джамалов, обращаясь ко мне, — а какого своего друга я не привёл на репетицию?

— С которым вместе работаете, — ответил я.

— Всё понял, на следующем занятии будем вдвоём.

Речь шла о друге Джамала Джамаловича по работе и лагерной жизни — Василии Константиновиче Вышку, бывшем заместителе председателя Совета Министров Молдавии.

Если Юрий Чурбанов постоянно чувствовал уверенность на зоне, предполагая, что он многое знает о государстве и его руководителях, то про Василия Вышку подобное нельзя было сказать.

Ещё задолго до распада бывшего СССР он придерживался позиции, совершенно не поощрявшейся органами КГБ.

Припоминаю забавный случай. В тринадцатую нижнетагильскую колонию постоянно приезжали корреспонденты радио и телевидения, разных газет — не только союзных, но и многих стран мира. Однажды нас посетила группа телевизионщиков из Франции. Совершая турне по зонам жилого и производственного корпусов в сопровождении заместителя начальника колонии по режимной и оперативной работе майора Коношенко, корреспонденты снимали всё, что считали необходимым, и у ряда заключённых брали интервью.

В помещении первого отряда телевизионщики из Франции приблизились к Василию Вышку и стали снимать его со всех сторон. Он же, закрыв лицо руками и упав на колени, стал слёзно просить Коношенко убрать гостей, так как он является представителем государства Молдавия и ничего общего с законами России иметь не желает. Происходящее называл произволом.

Инцидент, имевший место с участием Вышку, обошёлся ему неприятностями: он был лишён права приобретать продукты питания в магазине колонии сроком на один месяц.

При разговоре с Вышку я невзначай спросил:

— Что ты, Константинович, больше предпочитал на воле — взятки или дорогие подарки?

— Не являясь юристом, не владея навыками уголовного законодательства, Вышку не мог

знать, что дорогие подарки по закону — те же взятки. И вот что он мне ответил:

— Взятки я никогда не брал. Дорогие подарки дарили, но все их конфисковали после суда.

Наибольшую ценность представлял подаренный ему столовый набор на шесть персон. Это шесть вилок, шесть столовых ножей, шесть ложек для чаепития и столько же больших столовых ложек. Весь набор был выполнен из золота. Можно только догадываться, за какие великие дела преподнесли ему золотые изделия.

Между тем после первой репетиции стали прибывать новые участники. Что побудило их к этому, сказать трудно, но каждый бы ответил: любит концерты. Конечно, немаловажным было обещанное поощрение в виде дополнительной посылки либо длительного свидания.

— А вот и начальник привёл своего заместителя, — произнёс я на одной из репетиций, обратив взгляд на вошедших: бывшего начальника УВД Бухарской области генерала милиции Михаила Норова и его зама по линии ГАИ Видодика Изатова. — Вы всегда вдвоём: на воле и здесь, в зоне. Лучшие ваши «друзья» Гдлян с Ивановым проложили вам этот совместный путь в Тагил.

— Что же, хуш келибсиз (что означало на узбекском языке «добро пожаловать»), — добавил я и показал на кресла, чтобы они садились.

— Тебе, Владимирика (так называл я Изатова), что лучше после смотра — дополнительная посылка или свидание?

— Мне, конечно, свидание. Давно не видел свою учительницу русского языка. (Изатов имел в виду жену, школьного филолога.)

— А я думаю, лучше получить дополнительную посылку. Может, и со мной поделишься зелёным чаем и восточными пряностями, — шутливо сказал я Видодику.

— Так она всё это привезёт на свидание, вот тогда и отведаем, — ответил он.

При общении с этим человеком меня всегда поражало его богатейшее воображение, большой опыт в сфере безопасности дорожного движения. Он не был сторонником ужесточения наказаний нерадивым водителям автотранспорта. Его очень добрый и мягкий характер наводил на мысль, что он никакой не зэк, а случайный человек в зоне. Неслучайно впоследствии после восьмилетней отсидки он был полностью оправдан, восстановлен в должности. Хорошо, что не пришлось ему отбывать срок, назначенный судом, — все тринадцать лет.

Приводил он мне примеры из практики своей работы. Выехал как-то, рассказывал, на аварию, обе пострадавшие машины — «Москвич-412». В одной водитель — труп, в другой трупы — водитель и его жена. С молниеносной скоростью прибывает «Скорая помощь», врач констатирует смерть троих и дополняет, что все трое умерших были изрядно выпившими. Прошу медиков трупы не забирать в морг хотя бы часа два. Затем начинаю останавливать каждую машину независимо от направления движения и приглашаю

водителя пройти вместе к месту аварии. Подойдя, указываю на погибших и объясняю: вот какие результаты выпивки за рулём. От одного слышу в ответ: «Началник, кылянус, за рулём ни аднаго капли». Через двое-трое суток на этом же месте останавливаю ту же машину и тот же водитель, который говорил «кылянус», находится в сильном алкогольном опьянении...

— Владимир-ака, твой шеф Норов — замечательный человек и посадили его, наверное, ни за что.

Моё обращение к Изатову несколько его не удивило.

— Миша-джан (так меня называл Видодик), это не так. Я лично с Норовым отвозил на машине в аэропорт Чурбанова и там видел, как перед посадкой в самолёт мой шеф передал ему большой свёрток с деньгами. А сколько и какая там была сумма, я не знаю.

Честность и искренность, свойственная Изатову, видимо, и поспособствовали тринадцатилетнему приговору...

— Все последние пять лет вы, Виктор Андреевич, обязательный участник смотров художественной самодеятельности, это похвально, — сказал я, обращаясь к присутствующему на репетиции Калинину.

— Ну, а как же без меня?! Глядишь, опять лишнюю посылку дадут получить, — ответил он. — Кстати, нам надо поговорить наедине о твоей, Миша, просьбе, — продолжал Калинин, который был осуждён на двенадцать лет.

В один из рабочих дней я по поручению начальника отряда находился на промзоне и ради интереса зашёл в небольшое здание, где была комната контролёров производства. Именно там работал Калинин. В задушевной беседе я сообщил, что у меня есть сын Руслан. Парень подрастает и совсем не за горами время, когда нужно будет определяться с его обучением в высшем учебном заведении. На мой вопрос, что бы он мог порекомендовать и чем мог бы помочь, Виктор Андреевич сказал, что нет лучше Московского института международных отношений. Дорога туда и протеже у него имеются, надо только вспомнить адреса друзей из этого института, а там уж дело «техники». Именно поэтому он сказал, что нам надо поговорить наедине о моей просьбе, хотя в действительности я его ещё ни о чём не просил. «Столько лет отсидел, а в нём так и осталась жилка творить дела через связи, через любые возможности, но только не по закону», — подумалось мне, глядя на бывшего московского генерала...

— Притуляк, как и в прошлом году, будешь в сольном исполнении петь две песни, — обратился я к бывшему председателю областного суда одного из городов Украины. Он действительно обладал талантом петь, и не только этим. Любовь к получению взяток настолько захватила его, что Притуляк порой терял рассудок. Забравшись на чердак своего дома, он прятал под доски крыши деньги, завернутые в копии оправдательных приговоров и постановлений об отказе в возбуж-

дении уголовного дела. Поэтому следственным органам не составило особого труда установить взяткодателей по фамилиям, напечатанным на этих копиях, а суду — приговорить его к пребыванию за колючкой на тринадцать лет.

На мою шутку при разговоре с ним «А судьи кто?» сразу следовал его ответ «А зэки 13-й колонии кто?»

— Хорошо, в таком случае скажи по секрету — сколько человек ты приговорил к расстрелу?

— Этот вопрос действовал на Притуляка, можно сказать, магически, вызывал у него психоз. Было это из боязни или на самом деле он за двадцать лет работы в областном суде не вынес ни одного такого приговора, утверждать не берусь, но ответ был всегда наготове: «Я больше трёх лет, как правило, никому не давал, это Масло постоянно приговаривал к расстрелу». Он называл чужую фамилию, дабы отвести разговор от себя.

В самом деле, сидел в колонии и бывший председатель областного суда с Украины Масло. Он и впрямь никогда не отрицал, что выносил решения об исключительной мере наказания, но этого, дескать, хотел не он — так требовал закон.

Заканчивая первую репетицию коллектива самодеятельности, я поблагодарил всех за явку, раздал тексты стихотворений, песен, литературно-музыкальной композиции, назначил ведущих программы, пожелал успехов всем помощникам и их семьям. На этом и расстались.

Сам я направился в парикмахерскую зоны, находящуюся неподалёку от клуба. Желание

постричься пришло из-за того, чтобы поменьше входить в противоречия с администрацией колонии, особенно с прапорщиками, которых насчитывалось в зоне по меньшей мере человек триста. Парикмахером работал бывший начальник ОБХСС одного из управлений МВД города Москвы подполковник милиции Вячеслав Чебулаев, к которому я всегда обращался запросто как к Славику. Шальные деньги привели и его на тринадцать лет в тринадцатую колонию Нижнего Тагила.

— Ну вот, подполковник стрижёт подполковника, да ещё такого, как он сам, — пошутил я, войдя в рабочие апартаменты Чебулаева. Славик как раз заканчивал стричь Серёжу Гороховского, бывшего начальника ОБХСС одного из управлений МВД города Ростова, подполковника милиции.

— Ты, Миша, всегда шутишь, а вдруг у человека настроение похабное?

— Потому и шучу, чтобы это настроение поднять. А случая для плохого настроения у тебя, по-моему, не бывает, — ответил.

— Помнишь, я рассказывал тебе, что у меня срок одиннадцать лет. Прошло девять, и жена все эти годы часто приезжала ко мне на свидания, мы постоянно поддерживали переписку, — говорит Гороховский. — Так вот, сегодня я получил от неё письмо с просьбой больше ей не писать ввиду того, что она вышла замуж. Не понимаю, зачем нужно было морочить голову девять лет?

— Вполне закономерное явление, — успокоил я Серёжу. — Надоело ей ждать, а может, влюби-

лась в другого, может, он подарками завалил заграничными. Что до неё, то я не очень переживаю, мать свою мне жалко, мы ведь в одной квартире жили, — продолжал Сергей. — А теперь куда эта новая влюблённая пара её поселит, не представляю.

Выслушав жалобы Гороховского, я подумал, что не один год знал его как никогда не унывающего оптимиста, готового поддержать в трудную минуту любого. А здесь вдруг — нюни-слюни.

Вспомнился разговор трёхлетней давности с Гороховским о методах работы такого органа, как ОБХСС. Слушая, с первых минут я пришёл к выводу, что мой собеседник — большой практик. Попадись к такому в связи с торговыми нарушениями или по другой причине — ускользнуть не удалось бы.

Он тут же начал учить меня путям обхода законов, умению уходить из-под контроля. Желания слушать его у меня особого не было, но подумалось: чему, например, мог научиться за девять лет пребывания в 13-й колонии какой-нибудь сержант ГАИ, осуждённый за изнасилование малолетней? Вокруг — бывшие следователи прокуратур и отделов внутренних дел, оперативники из уголовного розыска, органов госбезопасности, отделов по борьбе с хищениями соцсобственности. Все эти люди с высшим юридическим образованием, располагая широкими знаниями по вопросам ведения следствия, тактики и методов раскрытия преступлений, хоть и не афишировали это в среде заключённых, зато свободно

делились секретами при обращении за консультацией.

В зоне из-за нехватки рабочих рук периодически отбывали наказание около двухсот осуждённых, так называемых бытовиков, — лиц, не имевших никакого отношения к системам правоохранения и совпарторганов. Случаи натаскивания их «правильно» совершать кражи, убийства, поджоги и другие преступления мне известны не единичные, причём делалось это не из желания подготовить рецидивиста, а, так сказать, по-дружески. Дабы школу подготовки усовершенствовать, тот же бытовик, получив достаточно ёмкую и объёмную информацию по технике краж в магазинах, обязательно находил другого опера из уголовного розыска и начинал изучать у него механизм установления лиц, совершивших иные кражи, не забывая в то же время и у этого опера получить подтверждение уроков, полученных от первого. Таким образом, при желании можно было стать преступником с навыками полностью заметать следы. В колонии были достаточно опытные люди, изучившие и знающие судопроизводство и следственное дело не понаслышке, а, как и полагалось, с двух сторон. Действительно, работать в течение десяти — пятнадцати лет следователем с преступниками — это одна сторона, а пройти следственно-судебный процесс по уголовному делу, касающемуся самого, — другая.

Ночь и день, север и юг, жизнь и смерть — как определить эту полярность человеку? Возмож-

но, обычная данность, заложенная природой. Так вот, полнейшая противоположность юристу — рецидивист. Дознаватель, проводя расследование, идёт на любые хитрости. При этом, изучая характер и поведение преступника, забывает, что преступник в это же время изучает характер его самого и также применяет хитрости, уловки, как бы переводя дознавателя в разряд преступников, сам тем временем «становясь» юристом. Смешно, не правда ли? Но эта полярность давно доказана. А теперь, читатель, можешь себе представить, какую степень опасности представляют рецидивисты, а какую — юристы, прошедшие многое и знающие жизнь с разных сторон.

СКРЫТЫЕ ПРУЖИНЫ ЖИЗНИ В НЕВОЛЕ

В годы моей изоляции от общества и в лагерях, и в колониях бывшего Советского Союза началась «мода» по захвату заложников. Лица из числа заключённых, которые идут на такой шаг, крайне опасны и непредсказуемы. Орудием преступления может служить всё, что попадает под руки, а объектом преступления становится любой человек из числа администрации, медперсонала, вольнонаёмных.

Не обошла «мода» и тринадцатую колонию. Осенью 1990 года осуждённый, бывший следователь, вооружившись заранее подготовленной заточкой (небольшое остро заточенное металлическое полотно в виде ножа), вошёл в здание, где располагались дежурный помощник начальника колонии и его напарник. Там в это время находился начальник одного из цехов производства старший лейтенант Топоров. Он-то и стал объектом захвата.

Не берусь сказать, как долго вынашивал планы своих действий заключённый и что ему грезилось впереди, но, как известно из практики, подобные эпизоды всегда заканчивались печально — либо смертью нападающего, либо добавочным длительным сроком.

Именно так всё произошло и на этот раз. Но сначала — сам эпизод. Осуждённый подско-

чил к Топорову, обхватил его сзади локтевым суставом левой руки за шею и стал душить. Правой рукой приставил к горлу старшего лейтенанта заточку и потребовал от дежурного вывести его за зону, а там предоставить автомобиль, иначе убьёт офицера. Потерпевший оказался далеко не робкого десятка. Он молниеносно выхватил заточку, сбил с ног нападавшего и вместе с подоспевшим дежурным связал захватчика.

Итог следующий. В зону этот осуждённый прибыл с девятью годами лишения свободы. Один год он успел отбыть, то есть уменьшил наказание до восьми лет. Попытка захвата заложника увеличила остаток на семь лет, и теперь ему до конца срока оставалась пятнашка. Кроме того, предстоял перевод в зону строгого режима.

Не могло это не сказаться и на нас, остальных полутора тысячах эков. Тут же был ужесточён режим содержания, наложен запрет на одиночное передвижение по жилой и производственной зоне. Стали проводиться повальные и бесконечные обыски всех заключённых в любой момент, в любом месте. Были задержаны и арестованы с возбуждением уголовных дел двое осуждённых, изготавливавших сувенирные ножи для передачи их родственникам. «Машина» оперативно-режимной части заработала, что называется, на полных оборотах.

Пошли доносы друг на друга, нередко ложные. Людей стали перетасовывать из одного отряда в другой, чтобы разбить создавшиеся к тому времени группировки. Под особый контроль были

взяты убийцы и лица, осуждённые за разбой, терроризм, причинение тяжких телесных повреждений. Малейшее неповиновение заканчивалось водворением в штрафной изолятор.

Стали распространяться слухи, что готовятся списки лиц, злостно нарушающих режим содержания и систематически не повинующихся администрации. Попасть в эти списки означало схлопотать добавочный срок с переводом на тюремный режим.

Списки оказались не слухами, а явью. Через месяц, видимо, в целях устрашения несколько человек были по-новому осуждены и вывезены из колонии. «Одна паршивая овца всё стадо портит», — высказывался при встрече со мной Иван Иванович Косюк, главный специалист зоны по ремонту машин «хозяина». Естественно, имел в виду захватчика-террориста.

Его обиды можно было понять. Изъятые в ходе повальных обысков вещи и продукты питания стоили больших денег, а их забрали безвозмездно. Основной люд, общавшийся с ним по роду его работы, — это были вольнонаёмные не из простых людей. Косюк быстро нашёл с ними общий язык, и начал поступать заказ за заказом. О размере этих заказов свидетельствовало то, что у Косюка было изъято 100 банок тушёнки, 40 банок растворимого кофе, 150 упаковок импортных лезвий для бритвы, 30 килограммов индийского чая и ряд других запрещённых по тем временам товаров. Вот вам доказательства коррумпированности в зоне.

Пострадавшими оказались также Витя Дауэр и Костя Соловей. Два неразлучных друга, проживавшие в одном отряде, вместе работавшие в гараже колонии слесарями, имевшие значительный авторитет среди осуждённых, одновременно угодили в штрафной изолятор. Причина та же — хранение на рабочем месте продуктов питания: более 25 килограммов шоколадных конфет.

Вите Дауэру было проще — его брат работал в горисполкоме Нижнего Тагила заместителем председателя. И после включения некоторых механизмов Витю выпустили из ШИЗО уже на третьи сутки. Костя Соловей пострадал куда больше. После отбытия пятнадцати суток изолятора он был переведён в ЛПУ (локально-производственный участок), мало чем отличавшийся от ШИЗО, но имевший статус на длительность содержания до полугода.

Ужесточение режима содержания заключённых не спадало. Но мы знали и рассчитывали, что всё это временно. Однако житейская мудрость, гласящая, что нет ничего более постоянного, чем временное, оправдала себя.

И вновь ЧП в зоне, по тяжести не уступавшее захвату заложника. В колонию прибыли новенькие ээки из Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга) и Ленинградской области. В карантинном отделении их набралось человек 15–20. Завхозом здесь в то время был чеченец по национальности Хапиштов, осуждённый на пятнадцать лет изоляции за умышленное убийство двух человек. Из назначенного ему срока более девяти лет он уже

отмотал. Его имени никто не знал, так как с первого дня появления в зоне он предложил называть себя «Князем». Объяснил, что эта кличка (погоняло — по-зэковски) значит за ним ещё со школьной скамьи. Имея определённый авторитет в зоне среди осуждённых за уже отбытые девять с лишним лет, за суровость приговора, за состав совершённого им, «Князь» в сочетании с великосветским прозвищем и складом своего ума производил недурное впечатление. Какими критериями пользовалась администрация колонии, назначая его на должность завхоза (старшего дневального) карантинного отделения, мне не известно. Но уже около года в этой должности работал именно «Князь».

И надо было такому случиться, что ему «понравился» парень двадцати одного года, который прибыл Ленинградским этапом. Я употребил слово «понравился». На деле надо называть вещи своими именами и правильнее будет сказать так: Хапиштов в него влюбился. Он пригласил к себе в рабочую комнату парня и предложил следующее: «Давай жить с тобой вдвоём, только ты будешь мне в качестве жены. Об этом ни одна живая душа знать не будет. Встречаемся здесь, в карантине, а доступа сюда, как ты знаешь, особого нет. Если ты отказываешься, тогда я применю такой шаг: объявлю в зоне, что этап из Ленинграда привёз одного педика, и укажу на тебя. В этом случае с тобой будет жить вся зона, а не один я, и условия твоей тюремной жизни будут такие, как и у всех “петухов”».

Насколько подействовал разговор на паренька, затрудняюсь сказать, но то, что это было запугивание, шантаж, давление на новичка, очевидно. И шантаж сработал. Факт есть факт: новичок начал жить с «Князем», исполняя роль женщины. Время нахождения в карантине закончилось. Парень попал во второй отряд. Нашлись земляки, друзья, знакомые его друзей по свободе и так далее. В лагерной системе повсюду принято проживать семейками. Это три-шесть человек, у которых делится всё поровну: и посылки, и бандероли, и магазинные отоварки. Питаются эти люди вместе.

Попав в семейку, паренёк скрыл, чем он занимался, хотя и знал законы о полнейшей личной изоляции от мужиков, блатных, шерстяных. Никто не был поставлен в известность и «Князем», кем является новенький.

Периодически навещая карантинное отделение, новичок не заметил, что его друзья по семейке давно это усекли. На их вопрос — зачем так часто бегаешь в карантин, он ответил: «Да я там подружился с завхозом».

Какие чувства и что побудило новичка рассказать обо всём случившемся, излагать не берусь. Но от момента его обработки Хапиштовым до гомосексуальных поз всё стало известно в семейке друзьям, да и не только им. Сразу сработала реакция, безусловная в лагерной жизни. Так как новенький успел более двух месяцев прожить в семейке, вместе пить чай, курить, есть, автоматически получалось, что все, кто в неё входил,

тоже являются «петухами». Конечно, прощения быть не могло, и в первую очередь «Князю». В семейке приняли решение — новенький должен на их глазах поменяться ролями с Хапиштовым, но первоначально «Князя» надо хорошенько избить. Что и было сделано в первый же вечер.

Опытнейший заместитель начальника колонии по режимной и оперативной работе С. Л. Коношенко не допустил промашки в данной ситуации. Он без промедления скомандовал полностью изолировать Хапиштова в штрафном изоляторе и затем перевести его в помещение камерного типа. В зоне стало на два «петуха» больше, да ещё с каким именем — не Люси или Маринка, а с величественным — «Княжна».

Инцидент, безусловно, из ряда вон выходящий. Но для кого? Думаю, любому понятно, что не для администрации, а лишь для нас, заключённых.

Случай, описанный мной, раньше уже был в зоне, но тогда исход его был куда печальнее. Находясь в камере штрафного изолятора, трое стали в чём-то обвинять четвёртого, содержащегося вместе с ними. «Нечего церемониться, — предложил один, — его, этого четвёртого, надо “опустить”». И, совершив насилие, осуществили задуманное. Потом всех троих охватил ужас от содеянного преступления. Оно предусмотрено статьёй 121-й Уголовного кодекса Российской Федерации с добавкой по три года каждому и переводом в колонию строгого режима. Завидовать нечему. Не так страшны добавочные три года, не

особо страшен новый строгий режим, хотя там нашего брата «бэсника» не очень-то жалуют. А вот вменённая 121-я статья «Мужеложство» страшит, да ещё как. В режиме хаоса, неразберихи или бунта в зоне никто спрашивать не станет, палач ты или жертва по 121-й статье УК, а раз ты по ней осуждён, значит, ты педераст.

Нет абсолютно никакого уважения или нормального отношения в зонах к лицам, осуждённым за изнасилование, и нет его вдвойне, тройне к тем, кто сидит по статье 121. Лишь его величество случай оставит такого зэка мужчиной до полного освобождения. Как правило, освобождаются они «петухами» с женскими именами.

Что же касается изнасилований, то категорию этих осуждённых надо рассматривать не огульно, а хотя бы немного разобравшись. Мне и сейчас некоторые знакомые задают вопрос: «Правда ли, что если сажают за изнасилование, то в зоне такого самого сразу насилуют?»

Приходится отвечать, что это не так, есть случаи осуждения безвинных, ведь статья 117 хоть и предусматривает состав за изнасилование, но там четыре части, совершенно разные.

Какие, например, претензии можно выставить в зоне мужчине, если изнасилование выглядело так. С вечера он и его тридцатилетняя спутница договорились провести ночь вместе. Утром после полученных обоюдных удовольствий она начинает требовать уплаты наличными, предупреждая мужчину, что в случае отказа обратится в прокуратуру с заявлением об изнасиловании.

Смелчаки в таком случае хладнокровно отвечают: «Пошла вон!». Отказ в вознаграждении, оскорбление сразу ведут некоторых ночных леди к прокурору. Следует экспертиза: взятие анализа семени у него и мазков у неё. При совпадении некоторых параметров пять лет за колючкой ему гарантированы. От восьми до пятнадцати лет колонии либо расстрел — за изнасилование малолетней, а это уже четвёртая часть той же 117-й статьи. Мои примеры, конечно, устраивают не всех любопытных женщин, и понять их можно.

За совершенно разные преступления отбывали наказания в тринадцатой колонии и мои земляки-белорусы. Правда, более пятнадцати человек за мою бытность их не насчитывалось. Как теперь привыкли говорить, слава Богу, что за изнасилование был осуждён только один земляк из Минска — Коля. Не стану указывать фамилию по причинам, вполне понятным. А был ещё случай мимикрии под белоруса одного осуждённого за изнасилования, да ещё и «петуха». Тогда я отбыл в колонии уже около пяти лет.

Во время обеденного перерыва ко мне в столовой подошёл Вася Максимов, немалый авторитет зоны по своим физическим данным, да плюс ещё обладатель приза по каратэ. Чтобы удивить меня или из желания нагадить в душу, он заявил следующее:

— Миша, в карантине есть один гомик, твой земляк из Беларуси.

— Такого не может быть, — отвечаю.

Не став дожидаться подтверждений, я решил сам убедиться, в чём дело, тем более что сомнение зародилось у меня сразу. Подойдя к столу, где обедали карантинники, спросил:

— Кто из Беларуси?

Поднялся и подошёл ко мне мужичишка 28 лет.

— Я из Минска, — сказал он и продолжил: — Ко мне подходить не надо, я опущенный.

Без промедления задал ему два уточняющих вопроса по расположению кинотеатров в Минске. Ответов, как и предполагал, не последовало. Тогда устрашающе-громким голосом крикнул ему:

— Ты не из Минска и не белорус!

Он стал мяться, заикаться, дёргаться и говорить мне, что он из Ярославля, русский, просто поехал к другу в Минск, но того не оказалось дома, тогда он по случайности недалеко от вокзала изнасиловал двенадцатилетнюю девочку.

— Во-первых, твоё место приёма пищи вон за тем столом, — сказал я ему и указал на стол, где питались «петухи». — А, во-вторых, я бы тебя сам «опустил», но не за твоё изнасилование, а за то, что представляешься белорусом.

Есть преступления тяжёлые, а есть и особенно позорные.

«СВЯТОЕ КУМОВСТВО»

Ядолго думал: а стоит ли вообще затрагивать эту тему, не отзовется ли она болью для некоторых людей, кто хорошо знает, о чём именно идёт речь, когда вспоминают о зоне и произносят слово «кум». Для других, кто даже отбывал когда-либо наказание в лагерях или иных учреждениях системы исправления, тема может показаться новостью и навести на мысль, что это какая-то выдумка. Третьи сделают вывод: дескать, повезло автору записок, ибо напиши обо всём этом в сталинские времена, Соловки стали бы для него вторым родным и пожизненным домом.

Не погладили бы за это по головке и в недавние застойные времена, если бы какой-нибудь издатель осмелился опубликовать данный текст.

В жизни христиан всегда был обязательным обряд крещения. Проводится он зачастую, когда новорождённый ещё толком не может различать ни предметов, ни людей, не имеет понятия о вере. Зато сам обряд, великое торжество и последующее застолье дают возможность утверждать, что ребёнок принят в число христиан, с ним всегда по жизни будет следовать сам господь Бог. Появляются в этот момент у ребёнка ещё одни родители — почётные для гостей и родных. Для сына или дочери — это крёстные папа и мама, ну а для

настоящих папы и мамы почётные родители становятся кумовьями. Он — кум, она — кума.

Какие обязанности возлагаются на новых почётных родителей, никто толком не знает. По старинному преданию — это постоянные помощники в воспитании крестника, и не только в морально-педагогическом плане. Призваны они ещё как бы смягчать те проблемы, которые иногда возникают между родителями и детьми.

В каждой колонии имеется оперативная служба, именуемая оперчастью. Настоятель «преисподней» — начальник этой части, а в среде заключённых называют его кумом. Имеет он окружение из пяти-восьми офицеров оперчасти, также наречённых в зонах кумовьями. Ну, а кумушки — это те, кто помогает им, находит для них работу, «пашет» для них. Род, форма, способы работы оперчасти, хотя и имеют определение в специальных инструкциях и уставах, но также не определены масштабами, границами и конкретной сутью, как и обязанности церковных почётных родителей.

Конечно, главный объект в колониях для оперативной службы — заключённые, но не лишним будет упомянуть, что являются её объектами и все без исключения вольнонаёмные, прапорщички и офицеры учреждения. А если уж существует объект, соответственно имеются задачи и цели проводимой работы, её итог, который устраивает начальство в управлениях, КГБ и МВД. Именно с этим начальством контактирует и сотрудничает оперчасть. А ещё надо добавить криминальную милицию, прокуратуру, а иногда и суды.

Основной оперчасти является агентура с её донесениями, сообщениями, информациями. Агентов в среде преступного мира называют стукачами, «кумовскими мордами». Они могут быть платными, стараться за вознаграждения, за определённые уступки, снисхождения в криминальных ситуациях. Должны такие помощники дать письменное обещание сотрудничать с «кумчастью» в зонах и с КГБ, уголовным розыском, другими службами МВД на свободе.

После поступления информации от источника (агента) начинается её проработка «кумовьями», устанавливается достоверность, наказываются виновные.

В колониях и тюрьмах в роли агентов часто выступают проверенные заключённые, после долгого сотрудничества с операми сомнений по качеству их информации не возникает. Убедившись в этом, они иногда начинают использовать контакты с «кумовьями» в личных интересах, а значит, в ущерб другим.

Как и во что выливались ложные доносы в условиях социалистических реалий, мы знаем на примерах 1937 и других страшных годов. Читателям из числа молодого поколения хочу лишь напомнить, что во времена правления И. Сталина прокурором страны являлся Вышинский. Он внедрил в практику прокуроров, следователей и судей теорию о том, что «царицей доказательств» по любому уголовному делу является заявление о явке с повинной, написанное самим обвиняемым. Прозвучавшая с высокой трибу-

ны догма Вышинского явилась руководством к действию для следственно-судебных инстанций. Не стану приводить конкретные примеры, связанные с расстрелянными, невинно осуждёнными на многие годы, но механизм правового произвола достиг тогда невероятных масштабов, которые поражают и будут поражать ещё многие годы людей, знакомых с юриспруденцией.

Так, в НКВД поступала письменная или устная информация о том, что некий Васькин, будучи в гостях у знакомой, говорил о своих связях с германской и австрийской разведками, а также плохо отзывался о Сталине и о советском укладе жизни. Немедленно этот Васькин арестовывался и ему собственноручно предлагали написать заявление о явке с повинной об измене Родине (имелась в виду связь с разведками) и о клевете на существующий строй. Ни в чём не повинный Васькин, конечно, от всего отказывался. Тогда в ход пускались кулаки, сапоги, попадавшие под руки стулья, табуретки, графины, пистолеты с их прочными рукоятками.

В критическом состоянии, а то и в агонии люди шли на крайность: соглашались признаться в том, чего никогда не совершали, не зная печального исхода, ожидавшего их за собственноручно написанное заявление о явке с повинной. А так как это заявление о явке — «царица доказательств» виновности, то ни свидетелей, ни экспертов, ни адвокатов не требовалось. В суды и военные трибуналы поступали папки с уголовными делами, имевшими порой один-единственный

листок — заявление о всё той же явке с повинной. Никаких больше доказательств не требовалось, ведь в руках у председательствующего находилась сама «царица», а за неё ратовал сам Вышинский. И только конец сталинской эпохи и кончина высокого «профессионала» Вышинского изменила методы ведения следствия, а постановления Пленумов Верховного Суда СССР потребовали наличия полных и объективных материалов в уголовных делах вне зависимости от того, признаёт себя обвиняемый виновным или нет.

Другую окраску приобрели после этого методы, техника и условия проведения следствия и дознания в системе правоохранения, как и сам режим работы уголовных розысков, отделов по борьбе с экономическими преступлениями и так далее. К сожалению, в исправительно-трудовых учреждениях структура проведения оперативно-розыскных мероприятий изменилась мало. А спецслужбы весьма преуспели в методах применения к допрашиваемому различных средств — транквилизаторов, снотворных, успокаивающих, парализующих волю и память человека.

Хочу вкратце посвятить читателей в суть работы оперативной части лагерей, тюрем, следственных изоляторов. А потому приведу несколько примеров из лагерной жизни ИТК-13.

На собрании актива осуждённых колонии один довольно представительный и авторитетный заключённый Карнаухов (бывший работник обкома партии города Краснодара) внёс

предложение: в наиболее загазованных цехах, мастерских, подсобных помещениях литейного производства разрешить выращивать на подоконниках в длинных горшочках цветы. Хоть мало-мальское, но всё же поглощение углерода и возможное выделение озона. Начальник колоний И. Д. Жарков не стал препятствовать предложению Карнаухова, наоборот, поддержал его и, соответственно, дал разрешение.

Неоспоримое положение: «цветы — радость жизни» подтвердилось. Появление маленьких бутонов, разносортных, разноцветных, в красивых деревянных горшочках поубавило уныния на лицах осуждённых.

Но вот литейный цех навестил председатель секции предупреждения правонарушений (СПП) колонии Городинский. Бывший чекист из Ленинграда тоже топтал зону. У распределителя работ в цеху он поинтересовался, что посажено в горшочках. Распред работ Муталимов в шутку сказал ему, что в горшочках посажены мак, конопля и другие наркосодержащие растения. Конечно, не знал Муталимов, чем обернётся эта шутка, но через полчаса после ухода Городинского в цех прибыли аж пять офицеров оперативной части во главе с её начальником. Всего за несколько минут были вывернуты, рассыпаны и разбросаны по полу цеха все горшочки с цветами. На этом «озон и красота» в одночасье прекратили тут своё существование.

Приведу ещё один пример из жизни в колонии этого Городинского. Не могу указать точное

до километра расстояние от Ленинграда до Нижнего Тагила, но на трёхдневное свидание к Городинскому добралась его жена. Как и полагается, провизия на три дня для двоих, книги, одежда, прочие вещи — всё это составляло содержимое объёмных, имеющих немалый вес двух чемоданов. Но радость встречи, объятия, оживлённый диалог влюблённых, слёзы счастья длились всего лишь пять минут вместо положенных трёх суток. Преданность супруга «кумчасти» сделала своё дело. Именно сам Городинский, выйдя из комнаты для свиданий, доложил дежурному прапорщику о том, что его жена спрятала и пронесла на свидание чекушку с водкой. В тот же миг свидание было прекращено: Городинского отправили в отряд колонии, а его жену — на вокзал Нижнего Тагила, дабы мирно и с кротостью дожидалась полного освобождения любимого мужа...

Так как использование агентуры не всегда возможно, оперативная часть каждой колонии и тюрьмы имеет в своём арсенале достаточное количество всевозможных технических и специальных средств. Наиболее эффективным средством являются «жучки» для подслушивания. Размеры «жучков» — от комсомольского значка до спичечной головки — позволяют установить их в любом месте. Именно через подслушивание с использованием этих «жучков» лишилась работы и звания майора внутренней службы врач тринадцатой колонии. А было вот что.

Неожиданно в медсанчасть зоны госпитализировали Ю. Чурбанова. Врач установила диагноз,

назначила лечение и дала возможность больному лечиться в отдельной палате более двух недель. О процессе выздоровления ничего не знаю, но спустя месяц с небольшим после выписки Юрий Михайлович был снова госпитализирован. Его лечила та же врач с теми же условиями содержания.

И вот некоторые осуждённые колонии стали поговаривать, будто женщина-терапевт занимается не только лечением Юрия Михайловича. Подтверждение слухов не заставило себя долго ждать. Именно после второй госпитализации Чурбанова приглянувшаяся ему женщина-терапевт взяла отпуск. На третий день своего отдыха она выехала в Москву.

Конечно, ей не было известно о том, что на этом же поезде на всём пути следования и в самой Москве — повсюду её сопровождали два сотрудника КГБ. А в момент, когда врач подошла к двери квартиры родного брата Чурбанова, те предъявили ей свои удостоверения и предложили следовать за ними.

Без сомнения, состоявшийся договор-диалог между Чурбановым и врачом проходил в палате медсанчасти без посторонних. Обеспечение оперативной службы и кэбэшников информацией о посещении в Москве квартиры брата Юрия Михайловича стало возможным, скорее всего, через подслушивание с помощью «жучков».

Не менее неприятный инцидент произошёл с Чурбановым в связи с якобы употреблённым им коньяком. Как и где состоялся у него разговор с одним из офицеров производственного участ-

ка о передаче Юрию Михайловичу элитного спиртного, свидетельствовать не берусь. Но если такой разговор имел место, то ясно, что они могли разговаривать только наедине. Однако в один из дней Чурбанова вызвал дежурный помощник начальника колонии (ДПНК). Заключённому было предъявлено обвинение в употреблении спиртного, доставленного упомянутым офицером. Измерение давления, анализ крови желаемых результатов для оперчасти не дали. Тогда по команде того же ДПНК Чурбанов в сопровождении двух вооружённых солдат и прапорщика был вывезен из колонии в городскую больницу Нижнего Тагила. Наличие алкоголя в организме Юрия Михайловича не подтвердилось и там. Тем не менее по возвращении в колонию он был водворён в штрафной изолятор, а офицер, предположительно доставивший спиртное, снят с должности и освобождён от дальнейшей службы в системе МВД.

С Юрием Михайловичем Чурбановым я общался только два месяца, пока не был условно-досрочно освобождён. В памяти осталась его походка. Бесконечное курение. И его измождённый вид. Серо-пепельное лицо. Он был осторожным, я бы подчеркнул, деликатным. В словах просматривалась обида без злости. И довольно обстоятельные рассуждения о своей судьбе из-за изменившейся политической ситуации.

Тот, кто получает корреспонденцию, часто рассчитывает, что письмо останется достоянием двух человек. Это оговорено и в законе о тай-

не переписки. Вести речь о том, что в колониях, тюрьмах, следственных изоляторах этот закон соблюдается, к сожалению, невозможно. В каждом учреждении исправительной системы имеется до пяти и более штатных цензоров. Им предоставлено право вскрывать все виды поступающей для осуждённых корреспонденции. Идёт её полная читка и проработка. При установлении фактов, представляющих интерес для прокуратуры, судов, следственных органов, КГБ, такие письма, телеграммы и открытки изымаются. Их дальнейший путь — кабинеты всё той же оперативной части.

Вся корреспонденция, направляемая осуждёнными из колонии на волю, также проходит через руки цензоров. Эта же участь и у всех заявлений, жалоб, прошений. Поэтому не приходилось удивляться отсутствию ответов на них либо задержкам ответов на многие годы.

В колонии № 13 возможность получить работу с более человеческими условиями труда имела в трёх случаях: по состоянию здоровья, засвидетельствованного медиками, по производственной необходимости и по очень интересной трактовке — «перевод по оперативным соображениям». Что означала эта фраза, никто не знал. Но очень тяжело приходилось свыкаться с коллективом заключённого, переведённого из цеха в цех «по оперативным соображениям».

Утрата обыкновенных человеческих качеств выражалась в том, что некоторые осуждённые давали информацию сотрудникам оперслужбы за пачку чая, конфеты и другие мелочи. Имея

достаточный практический опыт, карательная система применяла и применяет любые методы. В ход пускаются всевозможные «утки», интриги, сплетни. При создании в зоне даже небольшой группировки из числа заключённых в неё внедряется лицо, значащееся в оперчасти как информатор. Если это сделать невозможно, в ход идёт сплетня, которая приводит к разладу в группировке. Однажды я спросил у одного из оперработников: «Для чего всё это вы делаете?», и он ответил: «Дабы не дать болоту устояться».

По инициативе и указанию оперативников в ИТК-13 возможность передвижения осуждённых внутри зоны без слежки представителей администрации полностью исключалась. С этой целью в середине жилой зоны была установлена мачта высотой не менее сорока метров. Наверху мачты стояли видеокамеры, имевшие устройства для поворотов. Для просмотра всей зоны в ночное время там же были установлены мощные прожекторы. Видеокамеры стояли практически во всех цехах и отрядах, в профтехучилище, на дорожках и в малодоступных местах.

Десять мониторов в комнате ДПНК давали возможность одновременно видеть и следить за передвижением и действиями любого заключённого в любой точке зоны.

Контролировалась оперчастью возможность переброски с воли на территорию зоны и выброса из зоны на волю каких-либо предметов, например плиточного чая, спиртных напитков в грелках, кофе, продуктов питания. Препятствием служила

сплошная металлическая сетка, развешанная паутинным способом вокруг всей территории зоны и имевшая высоту не менее тридцати метров.

Примечательным для тринадцатой колонии являлось то, что в зоне совершенно не было случаев употребления наркотиков, участия в азартных играх. Однако говорить о спокойной работе оперативников и заместителя начальника колонии по режимно-оперативной работе, как и самого начальника колонии, не приходится. Были, да и существуют поныне, свои лазейки, пути, возможности, связи для попадания в зону запрещённых предметов и продуктов питания.

Заканчивая тему, касающуюся наличия в лагерях, тюрьмах, следственных изоляторах органа с названием «оперативная часть» («кумчасть»), хочу заметить, читатель, что лучше бы обошлись без неё. Немало бед там творится.

Подобно тому, как в школах для учащихся организованы всевозможные факультативы, так и в зонах они не являются редкостью. В ИТК-13 Нижнего Тагила имелись секции:

- КМС — культурно-массовая секция. Заводится специальная карточка учёта, делается отметка в личном деле, нашиваются знаки на рукава рабочей, повседневной и выходной одежды. А заодно сотоварищами прикрепляется звучный ярлык «крылатый»;
- СОП — секция общественного питания;
- СПП — секция предупреждения правонарушений;
- ФСС — физкультурно-спортивная секция.

Как видим, секции имели разные функции и направления деятельности. И хотя они не особо прельщают осуждённых, но всё же зона обязывает каждого состоять хотя бы в одной секции на основании лично поданного заявления согласно негласному требованию администрации.

Осуждённый, являвшийся членом СОП, имел право доступа в столовую или магазин колонии с целью установления возможных нарушений. Любители искусств подавали заявления о приёме в члены КМС. Спортсмены, любители спорта и лица с повышенной эрудицией писали заявления о зачислении в ФСС (физкультурно-спортивную секцию).

Во время моего пребывания в тринадцатой колонии желание заниматься спортом было практически у каждого заключённого.

Основными видами спортивных единоборств среди отрядов и отдельных осуждённых были шахматы, шашки, футбол. Проводившееся дважды в год первенство по шахматам и русским шашкам вызывало немалый интерес среди зэков всей зоны.

Как и полагается, народам Востока хорошо даются шахматы. Не один год первенство по ним удерживал бывший начальник УВД Бухарского облисполкома М. С. Норов. На протяжении шести лет лидером по русским шашкам был я, Михаил Зазуля. Конечно, занявших на первенствах призовые места поощряли.

Надо подчеркнуть, что спортивные начинания всегда поддерживала администрация колонии,

а иногда она являлась не только инициатором, но и их активным организатором. Чтобы заполнить своё личное свободное время, многие заключённые занимались штангой, каратэ, перекладиной, брусьями. Благо, хоть в этом со стороны руководства учреждения не было препятствий. В колонии содержались лица, имевшие высокие разряды по каратэ, дзюдо и другим восточным единоборствам.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что наибольший интерес для читателя представляет секция профилактики правонарушений. Функции, возложенные на её членов в зоне, сродни предназначению дружинников (помощников милиции) на воле. До начала девяностых годов название этой секции и впрямь являлось символично милицейским — СВП (секция внутреннего правопорядка). Кому и почему вздумалось изменить название, не могу сказать, но уверен, что это не являлось случайностью.

Вовлечение в ряды этой секции начинается с проработки вновь прибывших в зону ещё в карантинном отделении. По незнанию, непониманию, а то и просто второпях многие пишут заявление с просьбой о зачислении их в СПП. И только потом, ощутив недоверие со стороны других осуждённых, поспешившие разочаровываются, пытаются расстаться с сомнительной секцией, но — увы.

Есть колонии, где вновь прибывших за отказ вступить в члены СПП избивают, причём делают это те заключённые, кто вступил в секцию рань-

ше. Совершенно случайно миновала эта участь меня. Заявление о том, что я являюсь музработником и буду вступать только в культурно-массовую секцию, оставило моё тело без синяков.

Обязанности члена секции профилактики правонарушений самые обыкновенные: как говорят в народе, быть стукачом, всех всегда и за всё выдавать администрации и, в первую очередь, оперативным работникам. Отсюда можно сделать вывод, что это за секция и для чего она создаётся.

Человечество издавна занимается психологией преступного мира. Точнее, исследованием его поведения как в момент совершения преступлений, так и в местах отбывания наказания. Современные юристы трактуют преступление не только как действие, но и как бездействие, и, видимо, надо считать это правильным. Преступник, получая, например, взятку, спокойно сидит в своём кабинете. Взятка может носить и завуалированную форму. Именно поэтому взяткополучатели никогда не считают себя преступниками. И как тяжело им отбывать наказание в учреждениях исправительной системы с лицами, умышленно совершившими преступлениями против личности.

В ИТК-13 Нижнего Тагила количество лиц, осуждённых за получение взяток, всегда превышало контингент другого рода. Именно для них и создавалась эта колония — для вчерашней коррумпированной элиты.

Установлено и доказано временем: чем выше занимаемая должность на воле, тем больше сум-

ма взяток, тем чаще они шли в ход. В расчёт не бралось даже то, что взятки зачастую преподносились старушками, жившими на одну пенсию, многодетными семьями, продавшими из дому последнюю мебель, в деревне — корову. Кому-то, может, трудно мне поверить, но это, к великому сожалению, горькая правда.

Преступность подобна пожару, который разрастается. Считаю, всем нам необходимо как следует осмыслить происходящее. Помочь в этом призваны, прежде всего, органы юстиции и правосудия, владеющие научными знаниями в розыском и следственном деле, судопроизводстве, правоведении. Причём надо не холодно наказывать провинившихся и преступников, а искать выходы из создавшегося положения, чтобы всем миром воздвигнуть надёжную преграду преступности.

Обращаясь к мужчинам, хочу сказать: оставайтесь дома, живите счастливо семьями, растите детей, любите жён, матерей, улыбайтесь весне и цветам, работайте и отдыхайте, наслаждаясь жизнью, и всегда помните о том, что колонии и тюрьмы — не для вас.

Продолжаю приводить рассказы сотоварищей по зоне. Вот что было записано мной, Михаилом Зазулей, бывшим военнослужащим внутренних войск МВД.

Где упадёшь...

— Чурбанов, встаньте!

Хорошо поставленный и требовательный голос начальника колонии ввёл в шок присутствующих в зале более семисот осуждённых.

Юрий Михайлович, сидевший на последнем ряду, уверенным движением поднялся. По его настроению и виду можно было определить, что он, в недавнем прошлом генерал-полковник, не очень-то уважает и тем более нисколько не боится всего лишь подполковника внутренней службы Ивана Даниловича Жаркова.

Зал, затаив дыхание, ждал, о чём поведёт разговор «хозяин».

— Мне стало известно, что с первых дней пребывания в колонии вы, Чурбанов, ведёте непристойные разговоры об администрации учреждения и обо мне, в частности. Среди осуждённых вы заявляете, что в любое время можете подключить Москву и, дескать, если понадобится, то всегда в силах снять, а вернее, убрать с работы меня или любого моего заместителя.

Сильное обвинение.

— Так вот, — продолжал подполковник Жарков, — никакую Москву вы не подключите, так как для вас она давно отключена. А впредь при распространении всяческих грязных слухов я буду применять в отношении вас те методы воспитания, которым вы когда-то, будучи заместителем министра внутренних дел СССР, учили

нас. Да-да, учили, как нужно воспитывать заключённых!

В зале по-прежнему была полнейшая тишина. У многих на лицах запечатлелось удивление. Для других ничего сверхъестественного не произошло, ведь говорил Жарков словно бог и царь, а именно таким теперь он и был для них. За его бытность начальником колонии, да и не только в этой должности, в зоне отбывали наказание тысячи высокопоставленных лиц из всех регионов бывшего СССР. В их числе были министры и их заместители, судьи и прокуроры всех рангов — от районного до областного и краевого масштабов, генералы МВД, адмиралы флота, служащие КГБ и МВД. Словом, колонию населяли осуждённые, ранее работавшие в системе советских, партийных и правоохранительных органов.

— Можете садиться, Чурбанов! — всё также чётко и властно произнёс Жарков.

Юрий Михайлович присел. Какие мысли и чувства владели им в этот момент, можно только догадываться. Но по лицу его я прочёл: пока Чурбанов не сломлен. Чувствует он уверенность и надежду, а может, просто много знает, располагает какой-то информацией, ему одному известной. Забегая вперёд, изложу свой диалог с Чурбановым 19 августа 1991 года.

Рано утром этого дня колония на работу не вышла. Радио, телевидение и пресса, как сговорившись, твердили об одном и том же: обращении ГКЧП к народам СССР, ряде постановлений

и заявлений нового формирования. Никто и ничего толком не знает и не может объяснить. Администрация колонии требует одного: сохранять спокойствие. Но кто-то успел распространить слух о том, что будто всех осуждённых будут расстреливать.

В зоне царила неуверенность. Такое чувство охватило и меня.

Я подошёл к Чурбанову, спросил:

— Юрий Михайлович, что происходит, как можете объяснить ситуацию?

Вместо понятного и вразумительного ответа услышал следующее:

— Что я, Миша, могу тебе сказать? Янаев — мой друг по комсомольской работе со времён, когда был секретарём ЦК, с Пуго и Крючковым я постоянно встречался на совещаниях, с Язовым и Тизяковым тоже в хороших отношениях.

При упоминании этих фамилий Юрий Михайлович улыбался. Настроение у него было необычно приподнятое. Из разговора следовало, что Чурбанов почувствовал большую уверенность, возможно, предвидел своё освобождение из колонии в ближайшие дни. Ещё бы: у власти его друзья по духу, по службе, по генеральской работе. А я подумал: «Чурбанов — это барометр происходящих в Москве событий, и, общаясь с ним, в эти дни можно предвидеть их дальнейший ход».

Да простит меня Юрий Михайлович, но если бы он посмотрелся в зеркало 21 августа 1991 года, когда путч был подавлен и его друзья оказа-

лись не у власти, то, видимо, не узнал бы самого себя. И вид его, и настроение оказались полнейшей противоположностью тому, какими были 19 числа. Вид был, без преувеличения, мрачно-траурный.

По роду своей работы за время пребывания в ИТК-13 Нижнего Тагила, занимая здесь довольно «престижные должности», я общался практически с каждым заключённым. Не минуло это и Чурбанова. Думаю, ты ответишь, уважаемый читатель, если спрошу тебя: что может любить замминистра СССР, зять могущественного генсека Леонида Ильича? Ну, конечно, прежде всего вкусно поесть. В системе исправительно-трудовых учреждений такую потребность можно удовлетворить лишь в магазинах-ларьках.

Волей «хозяина зоны» я около двух лет работал старшим продавцом магазина. А поскольку Юрий Михайлович неоднократно в виде наказания лишался права приобретать в магазине продукты питания, оставалась одна дорога: по знакомству и дружбе, без всякой огласки приобрести их у продавца. И он всегда обращался ко мне. Известно, какие последствия ожидали меня, узнай об этом администрация.

Частенько навещал меня Юрий Михайлович и в клубе, где мне пришлось работать заведующим около двух лет. В один из вечеров я услышал его приглашение сходить в локальный участок 13-го отряда и втроём выпить крепкого чаю, именуемого в зонах «чифиром». Я охотно принял приглашение и направился с ним в 13-й отряд.

В здании отряда нас встретил пожилой мужчина, бывший генерал-майор МВД Виктор Андреевич Калинин. Поприветствовали друг друга, и Виктор Андреевич предложил нам пройти в комнату старшего дневального отряда, где уже заваривался в большом кувшине ароматный крепкий чай. Отведав несколько глотков предложенного напитка, я, шутки ради, обращаясь к двум бывшим, не молодым уже генералам, сказал:

— Давайте споем, что ли?

Юрий Михайлович заулыбался и, глядя на Калинина, а одновременно как бы отвечая мне, сказал:

— У нас, Витя, с тобой одна песня.

Конечно, Чурбанов имел в виду взятки, их получение и последующее наказание. Кстати, Калинин к тому времени уже отбыл более восьми лет срока.

Я сделал вид, что ничего не сообразил, и спросил Чурбанова:

— А что это за песня, если не секрет?

И тогда Юрий Михайлович протяжно заговорил:

— Взвейтесь кострами, синие ночи.

На новый лад переиначить слова песни можно было только так: «Гори всё синим пламенем».

Мы продолжали чаепитие, улучшая своё и без того бодрое настроение. Чурбанов и Калинин долго вспоминали Москву, товарищей и какие-то картины. Я понял лишь то, что картины очень дорогие, их любил министр Щёлоков.

Затем Юрий Михайлович обратился ко мне:

— Миша, мне твой брат прислал письмо, большое ему спасибо. Когда будешь ему писать, от меня передавай огромный привет.

Я пообещал, что обязательно передам.

Допив чай, мы поблагодарили Виктора Андреевича за приятное времяпрепровождение и разошлись по своим отрядам.

«Интересные это люди и по возрасту, и по интеллекту, и по ранее занимаемому положению в обществе», — подумалось мне по возвращении в свой первый отряд. В народе говорят, что деньги — это зло. Я не стал бы отрицать данное утверждение, а вот добавление к этой фразе сделал бы такое: «Если их очень много».

За шесть лет пребывания в колонии мне доводилось встречаться и беседовать не с одной сотней взяточников, но не припомню случая, чтобы кто-либо из них сказал: «Да, я брал взятки». Исключая, правда, одного сотоварища по фамилии Бегельман. На вопрос: «Сколько ты, Пётр Борохович, взял за свою жизнь взяток?», он произнёс: «Ни одной. Вот только, когда был заместителем министра внутренних дел Узбекистана, по указанию самого министра и на его самолёте летал из Ташкента в Москву, чтобы вручить Чурбанову полный “дипломат” денег. Так что я взятокодатель, невзирая на то, что мой приговор пестрит эпизодами взяткополучения».

Как известно из прессы, кинофотодокументов, слов очевидцев, Юрий Михайлович якобы являлся большим другом узбекского народа. Но так ли это? Судя по тому, как Чурбанов об-

шался с осуждёнными из Узбекистана в зоне, мне стало ясно: особенно дружелюбными их отношения не назовёшь.

По «Узбекскому делу» в колонии отбывали наказание шесть генералов — бывших начальников УВД ряда областей. Находились здесь и бывшие представители ЦК и Президиума Верховного Совета республики вместе с его тогдашним председателем Усманходжаевым. Ничего они не давали в зоне Чурбанову, а значит, сделал я вывод, не могли быть у него в друзьях.

2 октября 1991 года. Как гром среди ясного неба, в зону врывается новость: газета «Труд» перепечатала интервью Ю. Чурбанова итальянской газете «Република» с огненным, умопомрачительным заголовком, в котором утверждалось, что он находится в зоне красных петухов. Что это — подтасовка, выдумка, правда?

Многие авторитеты колонии разыскивают Чурбанова. На производстве сломана дверь его комнаты, но его там нет. В жилой зоне всё вверх дном — увы, нет Юрия Михайловича и здесь.

Предчувствуя возможные трагические события, зам. начальника колонии по оперативно-режимной работе С. Л. Коношенко спрятал Чурбанова в штрафном изоляторе. И только спустя несколько суток в ночное время по заградительному пути переправляют Юрия Михайловича в следственный изолятор № 4 Нижнего Тагила. С этого момента и до моего освобождения в ИТК-13 Чурбанов больше не появлялся.

Каковы же были последствия публикации?

Колония не работала двое суток, в зоне для наведения порядка трое суток находилось подразделение спецназа. И пошёл неисчислимый поток заявлений и жалоб на имя Генерального прокурора СССР с требованием возмещения морального ущерба в денежном выражении.

Не встречала колония Чурбанова цветами и музыкой, как писали в журналах, и ещё более печальными оказались его проводы из неё. Не было каких-либо льгот ему на производстве. Ошибаются те, кто пытается заявлять, что тринадцатая колония Нижнего Тагила реально элитарная. Скорее, это колония для содержания лиц из бывшей элиты. А по условиям содержания, строгости и тяжести условий литейного производства колония перещеголяет не одну обычную.

И хочется ещё сказать, что нам, людям, часто присуще думать задним числом. Так, Чурбанов частенько говорил: если бы знал, что когда-либо придётся отбывать наказание в колонии, то зону Нижнего Тагила построил бы в Сочи. Не менее интересную фразу произнёс и Виктор Андреевич Калинин. «Ведь было в моих силах, — говорил он, — ввести ежедневную выдачу осуждённым 30–40 граммов сливочного масла». Но, увы. Если бы знал, где упадёшь, подстелил бы соломку.

* * *

Всякий раз, обращаясь с заявлениями, жалобами либо просьбами в прокуратуру или суды любых инстанций, уверен, каждый обвинённый и осуждённый питает надежды на справедливое и правильное решение. За мою бытность в 13-й колонии не одна сотня осуждённых была оправдана, в некоторых случаях изменялась мера наказания до одного года лишения свободы. Бывший заместитель начальника управления ГАИ Бухарского УВД Видалил Иззатов успел отбыть восемь лет наказания из назначенных ему судом тринадцати. И лишь после этого разобрались, что человек осуждён по надуманным обвинениям.

Таких весточек ждали многие. А мне вспомнились дни минувшие. Радостные дни...

Очередной вызов к начальнику колонии не предвещал мне ничего хорошего. На всякий случай привёл в порядок одежду, почистил и погладил пиджак, брюки. От волнения не заметил, как за ночь выкурил две пачки «Беломора».

Пришло время идти в штаб к «хозяину».

— Проходи, присаживайся, — сказал Жарков, не отрывая взгляда от журнала, который заполнял.

Про опыт, житейскую мудрость и ум «хозяина» я был наслышан достаточно. Чтобы не допустить промашки, не наделать ошибок, избрал понятную линию поведения: молчанье — золото.

— Я знаю, что ты пока нигде не работаешь, — сказал начальник колонии. — Мы здесь разобрались по вопросу твоего водворения в штрафной

изолятор. Надо признать: допущена ошибка. В порядке её исправления мною принято решение назначить тебя продавцом магазина. Следует ознакомиться с работой таким образом, чтобы месяца через три мы могли назначить тебя старшим продавцом. Эта должность равнозначна должности заведующего.

То, что я услышал из уст «хозяина», показалось мне фантастикой, сном наяву. Попасты на работу продавцом магазина в зоне было практически невозможно. Сам Жарков держал на контроле это место, и вдруг он предлагает его именно мне. Знал я, что в зоне есть 4–5 осуждённых, которые занимают престижные должности и назначены на них именно «хозяином». Знал, что эти люди неприкосновенны, вне подозрений.

Мысль о том, что, работая в магазине, придётся общаться с мафией зоны, не давала мне возможности сосредоточиться.

«Как быть, может, отказаться? — размышлял я. — Тогда добром это не кончится».

— Иван Данилович, — поинтересовался, — а вместо кого я буду работать?

Мой вопрос был закономерным. Дело в том, что в магазине работали два человека, следовательно, одного должны были убрать.

— Там есть такой Баронас, бывший подполковник милиции из Вильнюса, он начал неправильно работать, вот вместо него назначаешься ты, — ответил начальник колонии.

Не демонстрируя наступавшего чувства восторга, я задал новый вопрос «хозяину»:

— А если второй продавец будет мной недоволен?

— Вот поэтому мы и подготавливаем тебя, чтобы в ближайшее время и его тоже убрать. Понял меня? А теперь иди к начальнику части интендантского снабжения, вызывай вместе с ним бухгалтера и принимай магазин. Постарайся не обсчитывать покупателей. Желаю успехов!

После этих слов Жаркова, следуя его указанию, я направился к начальнику ЧИС. Войдя в кабинет и поздоровавшись с молодым старшим лейтенантом, отрапортовал ему, что направлен начальником колонии для приёма магазина. Затем сразу заявил: в школе плохо давалась математика, а потому при расчётах могу ошибаться.

— Пару месяцев уплатишь недостачу, а там научишься, — ответил старлей.

У меня стало закрадываться какое-то подозрение. Что подумают земляки, друзья да и вообще все зэки? Какое мнение у них будет обо мне? У многих наверняка появится зависть, что отразится на взаимоотношениях. Эти и другие мысли сверлили мозг.

— Я уже вызвал бухгалтера, — сказал старший лейтенант. — Да, только не иди на махинации с другим продавцом, мы ведь быстро вычислим это, а за тёмные делишки можно неслабо заплатить.

В кабинет неожиданно вошла молодая довольно симпатичная женщина и представилась как бухгалтер, направленная для приёма-передачи магазина.

— Задерживаться не будем, — сказал начальник ЧИС.

И мы строем направились в магазин. Второй продавец Коля Романов открыл нам дверь и сразу сообщил, что документацию он уже подготовил, осталось только снять остатки и наличие товара.

Процедура приёма-передачи длилась почти целый день. Пришлось не только шнурки к ботинкам и почтовые конверты считать, но и взвешивать фляги со сметаной, облепиховое варенье, конфеты и пряники. По документам и наличным товарам всё полностью совпало. Я подписал акты приёмки товара, а следовательно начал работу в должности продавца.

— Главное, чтобы не было излишков на момент ревизии, — заявил Романов после ухода комиссии. — Надо практически ежедневно просчитывать наличие товара и, конечно, не допускать недостачи.

В магазине находились смешанные товары, поэтому вёлся не количественный, а суммарный учёт, что давало возможность подменить канцелярские и другие товары продуктами. Именно это зачастую интересовало заключённых.

Нелады в отношениях с Романовым начались у меня уже с первых дней работы. Замечал и косые взгляды со стороны его друзей. Чем-то их и Романова я не устраивал. И лишь позже дошло: у них есть серьёзные опасения, что вскоре из-за меня их лишат «кормушки». В свою очередь, Романов не воспринимал моих друзей, давая понять, что к магазину и продавцам доступа им нет,

а это явно не устраивало меня. Но, как и сказал начальник колонии, буквально в считанные недели Романов был снят с работы, а на его место назначен вновь прибывший из Краснодара Иван Дорошенко.

— Ваня, как ты попал сюда работать? — спросил я.

Почему-то я сразу стал подозревать, что его покровитель Петя Нарыжный, личный секретарь начальника колонии и почти земляк из Ростова, значительно влиявший на распределение работы для новеньких в зоне.

— Мне ещё в карантине предложили эту работу, но тот, кто предлагал, поставил условие: завтракать, обедать и ужинать только в магазине. Вот я и согласился, — ответил Дорошенко.

— Это, наверное, Нарыжный? — спросил я.

— Он самый, — ответил Иван, — и я думаю, ты не будешь против?

— Я-то не против, только бы плохо не кончилось. Смотри, проболтаешься в чужом кругу и тогда — ШИЗО.

Бытует мнение, что зона является испытанием на выживание. Каждый имеет друзей и возможности. Предлагаются самые разные услуги, помощь, связи — только бы лучше провести назначенный тебе срок. Но, увы, удаётся это не каждому и, конечно, не все равны, что делает злыми одних и счастливыми других.

В день закупки товаров в магазине тринадцатым отрядом ко мне подошёл Чурбанов и отозвал в сторону — поговорить наедине.

— Миша, как мне быть? Меня лишили права приобретения продуктов на этот месяц.

— За что? — спросил я Юрия Михайловича.

— На работе в столе, при обыске, нашли цветные карандаши, вот и лишили. А это значит, что нельзя купить даже сигареты и спички. Правильно?

— Да, — ответил я Чурбанову, — но что-нибудь придумаем, в беде не оставим. Приходи в магазин вечером, когда почти не будет народу. Возьмёшь мыло, ремень, общие тетради, тапочки — в общем, товар на положенную сумму девять рублей. В отряде обязательно всё покажешь своему завхозу Петрову, а через день принесёшь обратно в магазин, и я поменяю всё на продукты.

Спустя два дня ожидал прихода в магазин Юрия Михайловича, но именно в вечерние часы появился Усманходжаев. Опять последовала просьба ко мне, такая же, как и у Чурбанова.

— А тебя за что лишили отоварки? — поинтересовался я.

— Неправильно высказался в кабинете заместителя начальника колонии по оперативной работе. Я ему сказал, что трогать мою персону не надо, потому что мой портрет есть в каждом доме Узбекистана, как у русских икона. Вот ему и не понравилось.

— Все ясно, — ответил я Усманходжаеву, — придётся выручать.

В своё время, когда я занимался в Иркутской школе МВД, начальник этой школы полковник Кузнецов вразумлял нас, курсантов, что всякая мафия начинается с торговли. Свои выводы он строил на том, что продавец магазина, работающий на кассе, часто имеет на всех пальцах рук золотые кольца при заработной плате в 100 рублей. За два с лишним года работы продавцом и заведующим магазином я убедился в правильности этого суждения. Вот и у нас на момент ревизии всегда имелось достаточно излишков, которые успевали припрятывать и впоследствии реализовать друзьям, знакомым, землякам.

Заканчивалась пятница — обычный рабочий день. В магазин позвонили из бухгалтерии и сообщили, что в понедельник будет проводиться ревизия. Впереди ещё суббота и воскресенье, вполне достаточно двух дней, чтобы подготовиться, сбалансировать отчёт с наличием остатков. Из-за своей занятости я поручил произвести всё это Дорошенко в надежде на его уже достаточный профессионализм и опыт. Не проверял его работу, полностью был уверен, что у нас всё будет нормально.

Но ревизией были выявлены излишки: 220 банок рыбного фарша и 300 пачек сигарет с фильтром. Что это? Попытка подставить меня под удар со стороны Дорошенко или просто его просчёт? Видимо, решил, всё-таки подстава.

Последовал приказ — от дальнейшей работы в магазине Зазулю освободить и водворить в штрафной изолятор сроком на десять суток

за создание излишков с целью последующего сбыта. Обидно, но факт есть факт: опять перемещение по работе, опять мучения в ШИЗО и, конечно, мысли, мысли, мысли...

Всё тот же малый объём воздуха, сон на бетонном полу, полная изоляция и лишь один товарищ по камере — завхоз пятого отряда Онищук. Великолепный юрист, добрый грамотный человек — вот его-то я никак не ожидал увидеть в штрафном изоляторе. Однако и он почему-то попал в немилость.

Отбыв назначенный десятисуточный срок, поспешил я к друзьям и землякам. Главное волнение: где дальше буду работать? Прав был Толя Коржуев из Орши, сказавший однажды: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

В день моего выхода из ШИЗО в колонии проводилось собрание. Поступило много жалоб на раздатчика молока и сметаны в столовой. Прямо с собрания его отвели на 15 суток в изолятор, оставив «молочку» без работника.

На улице я подошёл к начальнику колонии и спросил у него:

— Иван Данилович, а кого будете назначать в «молокашку»?

Без промедления он мне ответил:

— Тебя. Через десять минут — ко мне в кабинет с заявлением.

Я не поверил сказанному. По всем меркам зоны после магазина лучшим местом работы являлась «молочка» в столовой. Кто ко мне так благосклонен? Судьба, начальник колонии или про-

сто пошло везение? Я быстро написал заявление с просьбой о назначении меня на должность раздатчика молока. По зоне после этого стали ползти слухи: если хочешь иметь нормальную работу, надо почаще бывать в ШИЗО.

Опять у меня много друзей, земляков, желающих стать друзьями. Всех жалко, но возможности всем помочь нет. А отказывать в помощи трудно, ибо автоматически становишься врагом. Ах, если бы знали заключённые, знала администрация, что, наученный горьким опытом работы в магазине и избегая излишков в «молокашке», я не однажды по три, четыре фляги молока выливал в канализацию. Стань это известным, не могу утверждать, от кого пострадал бы больше, но грешником перед зэками считаю себя и теперь.

Каких-то полгода ещё — и засветит возвращение домой, в родной Слоним. Ждал этого с нетерпением. Стал замечать: если первоначально срок проходил незаметно и быстро, то ближе к его окончанию время замедлилось. Казалось, не будет конца этой неволе. Начал заполнять своё и рабочее время поминутно, чтобы не замечать его медлительности. Баню посещал ежедневно, а иногда и два раза на день. Увлёкся книгами и телевизором, много общался с друзьями.

— О чём, Миша, задумался? — услышал я однажды вопрос Аслана Гусалова, пришедшего ко мне. — У тебя ведь скоро конец срока, у меня тоже. Только я отбыл двенадцать лет, а ты чуть больше шести.

— Знаешь, Аслан, такое чувство, что годы, проведённые за колючкой, остановили время.

— Вот так и у меня, — согласился со мной Аслан.

— Тебе что, — продолжал я. — У тебя прекрасная жена, все двенадцать лет к тебе приезжала по три раза в год на свидания. Об этом все говорят и знают, а мне надо освобождаться и искать жену, один ведь не будешь век коротать.

— А что тебе переживать, приезжай ко мне во Владикавказ и подберём тебе невесту, да ещё какую!

— Спасибо за приглашение, — ответил я другу, — обязательно приеду, только не за невестой, а так — погостить, подышать горным воздухом.

— А невесту где найдешь? Дома, что ли?

— Наверное, да, — ответил я Аслану.

— Пойдём, познакомлю тебя с заведующим банно-прачечным комбинатом бывшим начальником уголовного розыска города Кисловодска Васей Цуркановым. А заодно и поговорим, отведаем хорошего чая, — предложил Асик.

— Ладно, пойдём, — согласился я, не переставая думать, какая у него порядочная жена, мать двоих детей, выросших без папы.

В зоне нередко присутствуешь, когда говорят о невестах и жёнах, соседках и сёстрах. С чем-то соглашаешься, иногда приходится спорить, удивляться. При таких разговорах я пытался узнать у собеседника о психологическом климате в его семье, старался поделиться своей точкой зрения, не задевая и не ущемляя при этом его гордость

и достоинство. Некоторые зэки были крайне обижены на женщин, высказывали негодование, говорили, что совершили ошибку, выбрав именно ту, которая стала женой, а зачастую и матерью детей. Не могу утверждать, что я был всегда прав, но желание отстоять и защитить женщину никогда не покидало меня. Из каких это шло побуждений, сказать трудно. Может, по причине того, что сам я рано расстался с женой Наташей. Однако защиту женщины всегда считал своим долгом.

— Аслан, сколько мать вынашивает дитя? — спросил я.

— Всякое бывает, но медицинское время — девять месяцев, — услышал в ответ.

— А я вот уже шесть лет вынашиваю в планах доселе мне неизвестную девчонку. Хочешь, расскажу тебе о ней?

— Ну, давай, расскажи, очень даже интересно.

— Первое — её имя Оля, фамилия пусть будет Алексеева. У неё белые волосы, большие способности в музыке, а главное — она хрупкая, изящная. Продолжать? — спросил я Аслана.

— Ну, конечно, я ведь слушаю, — ответил он.

— Она замужем, но мы так полюбили друг друга, что её семейный союз распался. Я от неё без ума. И это только в мыслях, а представляешь, если случится такое на самом деле?

Асик заулыбался и заметил:

— Любовь приносит счастье. Что же до женской хитрости, желания обогатиться — это всегда имеет печальный исход.

— Может, ты и прав, но я хочу продолжить.

— Давай, фантазируй, у тебя это получается.

— Знаешь, — продолжал я, — эту девушку я обязательно разыщу, встречу на свободе и влюблюсь на всю жизнь. Она такая родная и, вся моя, и для меня. Даже называть её я хочу Оляша или Ненаглядыш.

Разговаривать с Асланом на любые темы мне давала возможность наша давняя дружба, да и секретов между нами никогда не существовало.

— Обязательно побываю с ней в Москве, если, конечно, она сама будет не москвичкой.

— Миша, человек, ступивший в реку однажды, ступит в неё и во второй раз, — продолжал разговор Аслан.

— Что ты хочешь этим сказать? Если мы оказались в зоне однажды, то побываем здесь и во второй раз?

— Нет, — ответил Аслан, — я хочу сказать, что если твоя надуманно-придуманная замужняя невеста Оляша так смогла влюбиться в тебя, то, возможно, что затем полюбит и другого мужчину.

Высказывание Асика мне не понравилось, и, желая прервать фантазии, я напомнил ему, что мы собирались пойти в гости к Васе Цурканову.

— Я уже успел забыть про это. Конечно, пойдём, тем более что он нас ждёт, — ответил Аслан.

В банно-прачечном комбинате нас встретил Василий, упрекнул за опоздание и, обращаясь ко мне, сказал:

— Столько лет в зоне, а не знаешь, что мы земляки.

— Как? — возразил я. — Ты же из Кисловодска.

— Это так, но я четыре года обучался на стационаре в Минской высшей школе милиции. Много раз бывал в разных городах Беларуси, да и Минск знаю не хуже своего Кисловодска. А ещё у меня там был роман с женщиной, живёт в Серебрянке, чуть не поженились.

— Нравятся тебе наши белоруски? — спросил я.

— Что тебе сказать? Хорошие они хозяйки, и характер какой-то необычный. У нас на Кавказе девушки и женщины совсем другие.

— Это солнце виновато, — пошутил я. — Приезжай в Минск, я уверен, что женщина твоего романа ждёт тебя.

— Договорились, обязательно приеду.

После непродолжительного разговора я пришёл к выводу, что зря не познакомился с Василием раньше. Он очень общительный и компанейский, любит шутки и, как сразу я убедился, за восемь лет заключения очень привык к крепкому чаю. Чуть более часа мы втроём отдыхали, болтали обо всём, шутили.

День заканчивался, всем необходимо было спешить на вечернюю проверку — «процедуру», как выражались зэки, которая сидела у всех, как говорится, в печёнках. Она и мне надоела. В любую погоду осуждённые выстраивались у зданий своих отрядов и их пофамильно проверяли трижды в день.

Возможность побега исключалась полностью. За шесть лет моего пребывания в зоне лишь один пытался бежать, однако тут же был застрелен часовым. Бдительность часовых сомнений не вызывала. Не зря солдат, заступавших в караул, подвели к стенду внушительных размеров, а там крупными буквами было написано: «Ты заступишь на охрану контингента, владеющего любым видом оружия, любым видом автотранспорта, всеми приёмами самбо и каратэ». Безусловно, их это настораживало, вызывало особое внимание во время несения караульной службы. Более чем сотне заключённых приходилось отмечаться у дежурного по колонии ежечасно, исключая ночное время, когда он сам проверял их сон тоже ежечасно. Стоило где-то высказаться о желании побега, как сразу про это желание доносилось администрации и в личной карточке такого зэка появлялась по диагонали красная полоса, что означало «Склонен к побегу». В таком же порядке могла быть нарисована синяя полоса, означавшая «Склонен к нападению». Их появление иногда было результатом ложного доноса или происков врагов из числа осуждённых. Да и не только врагов. Ведь, по сути, криминогенный состав из числа бывших работников советских, партийных и правоохранительных органов достаточно хорошо владеет интригами, в приличной степени знает их хитрые переплетения и извлекает из этого практическое применение. В результате именно таких интриг я чуть было не угодил в штрафной изолятор в третий раз.

По местному радио объявили о моём срочном вызове в режимную часть. Первая мысль: опять что-то стряслось. Прибегаю. Начальник этой части предложил мне написать объяснение, откуда в моей тумбочке появились бритвенный станок, пачка лезвий и крем «После бритья», изъятые утром при проведении обыска в отряде. Ошарашенный такой новостью, писать объяснение, тем не менее, я категорически отказался и заявил, что данные предметы мне не принадлежат, их кто-то подложил. Убелённый сединой майор почему-то поверил мне и только пригрозил, что если подложат во второй раз, то пятнадцать суток ШИЗО мне не миновать. На этом, правда, отпустил. Пришлось начать страховаться и чаще проверять личные вещи. Да и что говорить, бережёного Бог бережёт.

Но чьё-то желание определить меня в ШИЗО не остывало. Спустя неделю после инцидента с бритвенным прибором меня вызвал в штаб начальник оперативной части капитан Булов. Не предложив присесть, он начал такой разговор:

— Нам стало известно, что готовится убийство Пети Нарыжного, личного секретаря начальника колонии. Данными, кто это готовит, располагаешь ты, тем более что ты лично присутствовал при разговоре по этому поводу.

Опять не было предела моему удивлению, и я ответил:

— Впервые слышу об этом. По-моему, тут не что иное, как дезинформация.

Конечно, начальника оперчасти мой ответ не удовлетворил, но возразить в действительности было нечего. Я ушёл и стал обдумывать, кто же мой ярый враг, ведь он, ясное дело, существовал.

С первых дней в колонии у меня совершенно не складывались отношения с бывшим помощником генсека ЦК КПСС Л. И. Брежнева Бровиным, осуждённым за крупные взятки. Не сложились эти отношения, кстати, и по день моего освобождения включительно. А когда выяснились причины, то стало известно: обыкновенная психологическая несовместимость. Одним из лучших друзей Бровина был Валера Сороко. Может, просто Бровин был в обиде на меня за шутку, высказанную при знакомстве и первой встрече, когда я задал вопрос:

— Что вы больше предпочитаете — водку или «Наполеон»?

Бровин, прикинувшись, что не понял, ответил мне вопросом на вопрос:

— А что такое «Наполеон»?

— Это такой торт, — сказал я, улыбнувшись, и сразу заметил, что Бровину это не понравилось.

Один раз я так же неуместно пошутил с Чурбановым, но он, обладая чувством юмора, отделался тоже шуткой. При встрече и разговоре с ним я спросил:

— Юрий Михайлович, кто старше по званию — вы как генерал-полковник МВД или Бондарчук как генерал-лейтенант Советской Армии, отбывающий наказание за убийство жены?

Чурбанов, немного помедлив, ответил:

— Но он же не являлся заместителем министра обороны, это я был заместителем министра внутренних дел.

Удивляло и то, что Бровин совершенно не общался с Чурбановым, хотя они были хорошо знакомы на воле.

Конечно, чувства подавленности и не присущей свободному человеку отчуждённости придавливали к земле каждого заключённого, но доводить себя до крайнего уныния не хотелось. Вот и предпочитали мы шутить, подкалывать друг друга.

Как-то в воскресный день я направлялся на территорию спортивного городка. Меня встретил и остановил начальник колонии.

— Зазуля, я не могу понять, почему ты ходишь не с разбитым лицом?

— А в чём я виноват, Иван Данилович? — резко выпалил я.

— Те бывшие работники ОБХСС, уголовного розыска, прокуратуры, которые ранее вылавливали работников торговли, занимавшихся обменом, обвесом, обсчётом, здесь умалчивают, что ты в магазине их обсчитывал, как детей. Не удивляйся: именно таким способом образовывались излишки.

Для меня эти слова стали сильнейшим ударом. Что ответить, возразить или промолчать? Нет, спорить с Жарковым бесполезно, иначе можно загреметь, и я решил: пусть будет так, как говорит он. Я промолчал, а значит, вроде бы, согласился с его словами.

До полного освобождения оставалось три месяца. Отбыв почти шесть лет наказания, я вдруг почувствовал себя как мальчишка, обиженный «хозяином». Но терпел шесть лет. Думал: как-нибудь переживу и оставшиеся три месяца, внушал себе это, хотя в условиях тринадцатой колонии на счету был каждый день.

Мне трудно сравнивать мою тогдашнюю жизнь с жизнью осуждённых в других колониях, но понимаю: везде не сладко.

**Ю. ЧУРБАНОВ —
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖЕРТВА
ИЛИ УГОЛОВНЫЙ ПЕРСОНАЖ?**

Именно этот вопрос читателям газеты «АиФ» задали следователи Тельман Гдлян и Николай Иванов.

Уголовники всё громче заявляют о себе. Бывших казнокрадов, воров, взяточников встретишь сегодня и в исполнительных органах, и среди депутатов, и в креслах руководителей частных компаний, фирм, банков. Они уже чувствуют себя хозяевами положения и не только не стыдятся своего криминального прошлого, а, напротив, даже гордятся им. И все чаще объявляют себя жертвами прежнего политического режима. Наглядной иллюстрацией этого одиозного явления может служить ситуация вокруг печально известного Юрия Чурбанова.

Не успели высохнуть чернила под гуманным Указом Президента России о помиловании бывшего первого заместителя министра внутренних дел СССР, не успел он удобно расположиться в руководящем кресле богатой коммерческой фирмы, как вскоре на все обороты заработала пропагандистская машина.

Из телерадиопередач, газет и журналов общественность наконец-то узнала, что Чурбанов,

оказывается, чист перед законом, как слеза младенца, а посадили его только за то, что он являлся зятем Л. Брежнева. Причем с каждым новым выступлением Чурбанов твердит о своей невиновности громче и резче, всё чаще срываясь на привычный для бывшей элиты «кремлевский сленг» (смесь мата, уголовной «фени» и языка коммунальных кухонь). Это и есть его культурный уровень, выше которого он никогда не поднимался.

Впрочем, его можно понять. Не ссылаться же Чурбанову и его покровителям на документы уголовного дела, на бесспорные, общеизвестные факты. Например, как М. Горбачёв и его соратники выгораживали генерала-зятя, как Т. Гдлян был на полгода отстранён от руководства следственной группой только за то, что осмелился поставить в ЦК КПСС вопрос о привлечении Чурбанова к уголовной ответственности. Или о том, как год спустя Б. Ельцин по нашей просьбе настоял на рассмотрении этого вопроса на политбюро, которое неохотно выдавило-таки из себя согласие, и как в период этой длительной тяжбы Юрий Михайлович на брежневской даче предавал огню вещественные доказательства своей виновности в коррупции. Или как после ареста нам, руководителям следственной группы, в нарушение закона запрещали допрашивать бывшего генерал-полковника из-за опасений, что он начнёт болтать лишнее о московских соучастниках. Или о том, как полгода не разрешали проводить обыск в его квартире для обнаружения предме-

тов взяток. Не ссылается Чурбанов и на льготные условия, которые создали ему в Лефортово, где капитально отремонтировали персональную камеру, а сотрудники изолятора приобретали для него на рынке свежие овощи и фрукты. А какие высокие персоны из политбюро и руководства Прокуратуры СССР навещали его в тюрьме! Кто из подследственных удостоивался такой чести? Вот вам и «жертва» коммунистического режима!

А как неприкрыто выгораживали Чурбанова в Верховном Суде СССР, когда ему прямо давали понять, что нужно отказаться от признательных показаний и можно будет уйти домой либо отделаться лёгким испугом. Но Юрий Михайлович упрямо раскаивался в содеянном и спутал все карты. Четыре месяца процесса он настаивал на получении от ряда лиц 220 тыс. руб. И хотя судьи снизили и эту цифру (ошибается, дескать, товарищ, нам виднее, сколько он взял), пришлось-таки выносить приговор. «Неперестроившегося» Чурбанова осудили за получение взяток в 90 тыс. руб. (что по нынешнему курсу составляет около 200 млн.)¹, а также за то, что запуская руку в Государственное хранилище драгоценных металлов и обустроивал за счет МВД собственную дачу.

Для непосвящённых поясняем, что помилование не означает реабилитацию. По приговору высшей судебной инстанции Чурбанов был признан уголовником и поныне им остаётся. Вот почему он и его сторонники так не любят этот

¹ По курсу 1994 г.

судебный документ, подменяя его содержание байками о том, что осудили его, мол, за полученные в подарок халат да тюбетейку.

Так как же повлияло на судьбу Чурбанова его родство с Л. Брежневым? Как видим, лишь в выгодном для него аспекте. Не женись он на дочери генсека, разве бы состоялся акт его помилования? Десятки тысяч осужденных по значительно менее тяжким преступлениям тянут свой срок в колониях без надежды на такой подарок свыше, поскольку некому похлопотать за них в кабинетах власти. Тем кощунственнее выглядит поведение Чурбанова, когда по 1-му каналу «Останкино» на всю страну он позорил и втапывал в грязь свою несчастную больную жену, благодаря которой на него, как из рога изобилия, сыпались генеральские звёзды и должности, иностранные лимузины, дачи и ордена, которой он лицемерно посвятил написанную им в колонии книгу. Теперь же, после освобождения, он непорядочно, не по-мужски добивает её. Впрочем, чему удивляться? Так же неблагородно поступил он и с первой семьёй, которую бросил, женившись на Галине Брежневой. С тех пор Чурбанов ни разу не встречался с родным сыном, не интересовался его судьбой и, имея неограниченные возможности, ни в чём ему не помог.

Давайте представим, какая судьба будет нам всем уготована, если люди чурбановского типа с туго набитым кошельком и криминальной предрасположенностью начнут доминировать в экономике и политике страны? Ведь факт, что они

сегодня становятся реальными хозяевами жизни и все настойчивее рвутся к власти. Последние выборы в парламент и представительные органы в регионах наглядно это продемонстрировали.

Не секрет, что политико-криминальный монстр сегодня озабочен тем, чтобы через перераспределение государственной собственности окончательно утвердить своё господствующее положение в обществе. Поэтому эти силы объективно не заинтересованы в усилении борьбы с преступностью, утверждении законности и порядка в стране.

Если им удастся решить эту главную задачу и успешно завершить в своих интересах так называемую народную приватизацию, а процесс слияния мафии и власти будет осуществляться теми же темпами, страну ожидает незавидная участь.

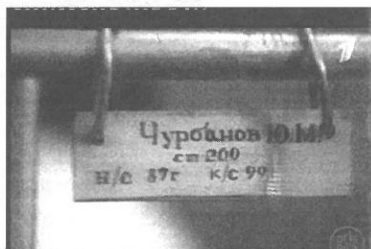
Нужна ли такая перспектива России? Пусть каждый для себя ответит на этот жгучий вопрос.

С Юрием Михайловичем Чурбановым общался только два месяца, пока не был условно-досрочно освобождён. В памяти осталась его походка. Бесконечное курение. И его измождённый вид. Серо-пепельное лицо. Он был осторожным, я бы подчеркнул, даже деликатным. В словах просматривалась обида без злости. И довольно обстоятельные были его рассуждения о своей судьбе из-за изменившейся политической ситуации.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЗЛЁТ, СТРЕМИТЕЛЬНОЕ...»

*Юрий Чурбанов
с Галиной
Брежневой*

*Кровать Ю. Чурбанова
с биркой*

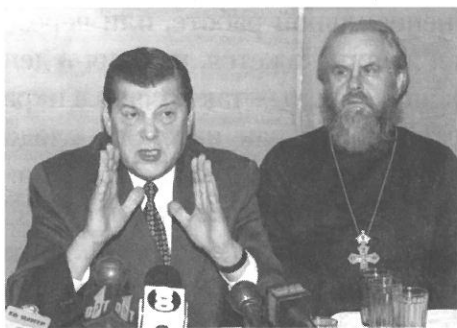

*Работа.
Ю. Чурбанов
посещает
зону*

Суд над Ю. Чурбановым

*Юрий
Чурбанов
с батюшкой
после осво-
бождения*

До ареста Юрий Чурбанов курировал ИТУ. Приказы и инструкции, которые подписывал, впоследствии опробовал на самом себе.

«...— Если бы я знал, то построил колонию № 13 не в Нижнем Тагиле, а в Сочи, на берегу моря»

«ДОВЕСКИ» И СЛОЖНОСТИ

Когда иной читатель только садится за стол, чтобы поужинать, осуждённый за это время на своей зоне вечернюю пайку уже проглотил. Именно проглотил, потому что ни о каких кулинарных изысках, ни о каком смаковании там речи быть не может.

Ты, дорогой читатель, возможно, устраиваешься за столом в роскошном ресторане с друзьями или в домашней уютной обстановке с женой и детьми. Тебе бывает в это время в общем-то неплохо, а человеку в лагерной робе, наскоро проглотившему пайку, вечер, что называется, боком выходит. Или, если не боком, так через спину, которую за день наломал на непосильной работе, или через ноги, куда лагерная жизнь, кажется, изо дня в день набивает дроблёное стекло — так больно в икрах!

С той самой поры, как началось следствие, и свобода этого человека была отобрана, чувствует он себя отверженным, живёт-существует в особом мире, порой кажущемся инопланетным. И в самом деле... Там, где этот человек указывает на белое, ему в ответ твердят: чёрное. И наоборот, естественно, как и положено в иных мирах.

Некоторое представление о существовании в инопланетном мире противоречий могут дать письменные свидетельства, в частности, жалобы и ответы на них.

21 07 4915 88

Гр. Сороко Л. Н.
фамилия, инициалы

Адрес: г. Нижний Тагил, ул. Вильямс у. 119/2, 1036

ИЗВЕЩЕНИЕ

Сообщается, что Ваш (а) лицо Сороко Л. Н.
степень родства, фамилия, инициалы
прибыл (а) «19» 07 1988 г. для отбы-
вания срока наказания в учреждение Уд. 349/13
условное наименование ИТУ
по адресу: 622013 г. Нижний Тагил Свердловской обл.
адрес ИТУ

В соответствии с законом осужденный (ая) Сороко
фамилия
имеет право в течение года получить две бандероли, 2
краткосрочных (ое) свиданий (е), 2 длительных (ое) сви-
даний (е), отправлять 3 писем в месяц, получать письма
без ограничения.

По отбытии половины срока наказания, а осужденным несовершенно-
летним с момента прибытия в исправительно-трудовое учреждение
также разрешается получать в течение года 2 посылки (у)
или передачи (у) весом не более 5 килограммов.

В посылках и иных почтовых отправлениях, а также в передачах
запрещается пересылать осужденным предметы, изделия и вещества,
перечисленные на обороте. Им может быть направлен также ограничен-
ный ассортимент продуктов питания.

Свидания осужденным разрешаются не более чем с двумя взрослы-
ми лицами. О времени прибытия на свидание осужденный (ая)

Сороко вас известит.
фамилия

Начальник учреждения УШ-349 - /13

И. Р. Жарков
подпись

21 07 1988 г.

ПЕРЕЧЕНЬ

предметов, изделий и веществ, направлять осужденным
которые запрещено

- Предметы, изделия и вещества, взятые из гражданского оборота.
Все виды огнестрельного и холодного оружия.
Деньги, ценные вещи и ценные бумаги.
Оптические приборы.
Наручные и карманные часы.
Все виды алкогольных напитков, духи, одеколоны и иные изделия из спиртовой основе.
Наркотические и лекарственные вещества, предметы медицинского назначения.
Любую радиоаппаратуру, пишущие машинки, множительные аппараты.
Ножи, бритвы (кроме механических) и другие острорежущие и колющие предметы, зажигалки.
Всевозможный слесарный, столярный и другой инструмент.
Игральные карты.
Фотоаппараты, фотоматериалы и химикаты.
Любые документы, кроме копий приговоров и определений судов.
Топографические карты, компасы.
Военную и другую форменную одежду, принадлежность к ней, а также верхнюю одежду, головные уборы и обувь (за исключением таночек).
Цветные карандаши, краски, копировальную бумагу.

ПЕРЕЧЕНЬ

продуктов питания, которые можно направлять осужденным
в посылках (передачах)

- Хлеб, хлебобулочные изделия.
Сельдь.
Консервы рыбные, мясо-растительные, сало-бобовые, овощи и фруктовые.
Жиры (масло растительное, масло сливочное, маргарин, комбижи сало шинк).
Сыр.
Конфеты, повидло, джем.
Лук репчатый, чеснок.
Табачные изделия (за исключением папирос и сигарет)

Примечание: В бандеролях из продуктов питания разрешается направлять только сухие кондитерские изделия, за исключением шоколада и изделий из

У меня есть возможность привести здесь жалобу жительницы Подмосковья Любове Рудометовой на условия содержания в учреждении УЖ 15/ИЗ-1 города Минска. Любовь Рудометова в своё время обобщила те сведения, которые были доступны непосредственно ей, а также письменные заявления почти трёх десятков минчан.

ЖАЛОБА

**Генеральному прокурору Республики Беларусь
В. С. Капитану**

Анализирую сведения, полученные от заключённых во время свиданий, а также от подследственных, которым заменена мера пресечения «заключение под стражу» на «подписку о невыезде». Вырисовывается крайне негативная картина содержания, быта и лечения заключённых, что грубо нарушает их право на нормальные, человеческие условия проживания согласно требованиям международной конвенции по заключённым, а также нормативным актам Республики Беларусь. Для подтверждения сказанного привожу основные недостатки содержания заключённых и лиц, находящихся под стражей, в учреждении УЖ 15/ИЗ-1 г. Минска.

Согласно законодательству администрация учреждения УЖ 15/ИЗ-1 обязана обеспечить дневную норму питания: мясо — 35 г, рыба — 75 г, сахар — 25 г, чай — 3 г, хлеб чёрный — 450 г, хлеб белый — 150 г и т. п.

Однако из этого перечня мясо и чай находящиеся под стражей вообще не видят, а остальные нормы не соблюдаются.

В санчасти учреждения нет требуемых медикаментов, больных и здоровых людей содержат в одной камере. Причём это зачастую туберкулёзные, сифилисные и желтушные больные. Нет медконтроля за санитарией: вши, клопы, различные кожно-вирусные заболевания. В душ водят здоровых после больных туберкулёзом. Нет стирки, прожарки белья, постельные принадлежности выдают грязные, мокрые, рваные и со вшами.

В душевой отсутствуют деревянные решётки на полу. Не работает 80% кранов с горячей водой, т. е. 22 человека заставляют вымыться за 15 минут под двумя лейками. Не стригут, не дают мыла. Не всем выдаются постельные принадлежности. В 172-й камере нет вешалок для одежды, полки для мыла, а стол и лавка требуют ремонта. Радио, жбан для воды и тазик с зеркалом приходится покупать за свои деньги с лицевого счёта.

Дежурными по камере назначают даже безногих инвалидов. Имеет место грубое отношение к заключённым со стороны младшего обслуживающего персонала, особенно контролёров, выводных дежурных по корпусам. Вентиляция не работает. Камеры, рассчитанные на 10 человек, загружают до 25, спят даже на цементном полу в три смены, а розетки (электро) после 22 часов отключают. Больные люди после отбоя не могут попить кипячёной воды.

Прогулка всего 30–40 минут. Обыск личных вещей проводится без обязательного оформления (протокол, расписка). За нарушение режи-

ма содержания администрация может поместить в карцер на срок свыше 60-ти суток без выхода. Причём в карцере нет вентиляции, отсутствуют санузел, кран и унитаз, а на оправку выводят один раз в сутки.

Свидание с сыном после неоднократных устных и письменных просьб к следователю и начальнику следственного отдела Советского РОВД г. Минска было получено только через 15 месяцев, хотя дело было давно закрыто и мой сын не имеет замечаний со стороны администрации. Я человек старый, приезжаю из России. Для того чтобы попасть на свидание или сделать передачу, родственникам приходится выстаивать сутки в очереди, а документ, выданный для получения свидания, действителен в течение трёх суток. Свидания с родственниками ограничены до 30 минут (большая часть времени уходит на установление личностей родственников).

В ларьке учреждения существуют ограничения на сигареты, сахар, масло, консервы и т. д. Можно отовариваться на сумму не выше 60-ти тысяч рублей. Кроме того, сигареты включены в вес пищевой передачи. А постельное бельё, аудио/видео-аппаратуру вообще не принимают. Не выдают иголку, нитки, бумагу для записей, ручки, карандаши. Любые жалобы на администрацию от обвиняемых не отправляются по инстанциям.

Учитывая вышеизложенное мнение заключённых и лиц, находящихся под стражей, а также то обстоятельство, что Республика Беларусь стремится стать правовым государством, прошу Вас

принять меры к наведению должного порядка и учесть при этом предложения, направленные на улучшение содержания жизни и быта заключённых и лиц, находящихся под стражей:

- 1) увеличить вес передачи продуктов питания до 20-ти кг;
- 2) разрешить отоваривание в ларьке на сумму свыше 60-ти тысяч без ограничения на продукты питания и сигареты;
- 3) увеличить время приёма передач с 9-ти до 18-ти часов ввиду огромной загруженности;
- 4) разрешить по желанию родственников или знакомых заключённых и лиц, находящихся под стражей, производить обработку постельного и нательного белья в домашних условиях;
- 5) выдавать средства личной гигиены, проводить банный день один раз в неделю, увеличить время пользования душем;
- 6) не отключать электророзетки после 22-х часов;
- 7) решить вопрос о выдаче БЕСПЛАТНЫХ жбанов, тазиков для мытья и радио, а также о приёме аудио/видеоаппаратуры. Наладить вентиляцию в камерах, а в карцерах поставить краны и унитазы;
- 8) производить изъятие личных вещей с дежурным по камере или их хозяином с последующим оформлением протокола или расписки об изъятии;
- 9) следить за соблюдением норм продуктов питания и санобработкой, наличием необходимых медикаментов и состоянием больных и стариков. Наладить медконтроль.

* * *

Ответ последовал от заместителя прокурора города Минска:

«На Вашу жалобу, направленную в Прокуратуру Республики Беларусь о ненадлежащем содержании заключённых в следственном изоляторе УВД Мингорисполкома и по другим вопросам, сообщая, что она проверена с участием специалистов санитарно-эпидемиологической службы и другими.

Следственный изолятор в настоящее время работает со значительным перелимитом. Все заключённые обеспечены трёхразовым питанием согласно существующим нормам довольствия. Регулярно исследуется суточный рацион на физиологическую полноценность.

В санитарной части учреждения имеются необходимые медикаменты для оказания бесплатной медицинской помощи заключённым с учётом их заболеваний. В случае потребности они предоставляются заключённым с учётом их заболеваний. В случае потребности для заключённого каких-либо других лекарств, не имеющих в наличии, администрация принимает их от родственников заключённого.

Больные туберкулёзом лёгких, сифилисом, кишечными инфекциями изолированы от здоровых в палатах медчасти. Требования санитарно-противоэпидемического режима в помещениях для содержания заключённых соблюдаются. Больные туберкулёзом лёгких моются в конце

дня, после чего проводится дезинфекция помещения. График помывки заключённых соблюдается 1 раз в 7 дней. Все заключённые обеспечены постельным бельём. Технология стирки и поточность поступления грязного и чистого соблюдается.

Отоваривание заключённых в ларьке учреждения производится в пределах одной минимальной зарплаты, ассортимент продуктов и товаров соответствует предъявленным требованиям.

Что же касается других вопросов, поставленных в жалобе, по гуманизации режима содержания, то они могут быть решены в законодательном порядке».

Как говорится, комментарии к ответу излишни.

IV

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ**

В зоне, отмечают ээки, хотя бы воздуха больше. А начальники всех рангов дополняют: «Однако приговор — это вам не путёвка в санаторий!»

...Сидит несчастный зэк на корточках, прислонившись лопатками к стене барака, и надеется, что здесь, с теневой стороны, никто его не заметит и удастся какое-то время побыть в одиночестве. Недолго, конечно, хотя бы те минуты, пока горит сигарета.

Затягивается осуждённый горячим табачным дымом и думает о своём. Прежде всего о доме: как там живут родные и близкие люди? Думает о чудовищных обстоятельствах, приведших его в зону. Вина за совершённое на воле чаще всего уже осмыслена, но кажется несчастному зэку, что наказание получилось жёстче и продолжительнее, чем он заслужил. Поэтому вспоминаются разные эпизоды, детали следствия, которые удлинители срок.

Например, если взять тех людей, чьи исповеди уже были приведены в этой книге... Захаров всегда знал, что набросился с кухонным ножом на любовника жены, когда ревность помутила разум. А ревнивцу вменили потом умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. Лукьяненко отлично помнил, что не похищал патроны, а ему именно за их похищение накинули срок. И Тарасов своего участия в преступной группе не отрицал, возражал только против роли, которую ему в ней приписали.

Всё это бывалые люди называют «довесками», либо особенными сложностями в ходе следствия. Осмысливается это зэкком в зоне по многу раз. И когда он сидит на корточках, прислонившись лопатками к стене, когда жадно курит сигарету, возможно, у него в голове складывается черновик жалобы, например, в адрес председателя Верховного Суда...

Чтобы не возвращаться к уже приведённым рассказам, обращусь к жалобе земляка бывшего юриста Кома Николая Александровича. Ему вменялось в вину неоднократное подстрекательство к даче взяток и получение незаконного вознаграждения от граждан.

Николай Александрович писал:

«Обвинительный приговор вынесен на основании опровержимых, спорных и противоречивых доказательств, в основу его положены лишь свидетельские показания лиц, имевших веские мотивы оговорить меня».

Как адвокат Николай Александрович Ком вступал в отношения с людьми, которым грозила посадка, с их родственниками. Те жизненные эпизоды, факты, разговоры, которые приводились им самим в жалобе, крайне запутаны, могут трактоваться по-разному. Естественно, что Николай Александрович хотел бы трактовать их в свою пользу.

Действительно, история складывалась сложнее сложного. Вот лишь один эпизод, описанный в жалобе:

«Каких-либо фактов о том, что Бочарников занимается хищением, в ходе проверок, прово-

димых оперуполномоченным отделения БХСС Харьковского РОВД Гайченко Е. В. не было, но были установлены факты выезда на реализацию продукции мастерской за пределы области без соответствующего разрешения облбытуправления, за что Бочарников руководством Харьковского РБК неоднократно наказывался, по представлениям Харьковского РОВД.

Кроме того, в ходе следствия и судебного разбирательства выяснилось, что свидетели обвинения Абросимов, Бочарников, Сухопар заявили о том, что работники отделения БХСС Харьковского РОВД в ходе проверок установить факты хищений, выпуска неучтённой продукции, пересортицы по мастерской Бочарникова не могли, так как документы оформлялись соответствующим образом. А установить какое-либо нарушение возможно было бы только лишь при инвентаризации и документальной ревизии одновременно:

— Харьковской фабрики индпошива и ремонта одежды № 4;

— ателье № 31 Ленинского (или Октябрьского) района города Харькова;

— мастерской Бочарникова пос. Хролы ХРБК.

Однако о связи Бочарникова с фабрикой № 4 и ателье № 31 г. Харькова работники милиции не знали, не могли они знать и о их преступной деятельности. Поэтому суд исключил из обвинения ч. 84 УК УССР (хищение).

В приговоре указано, что я вступил в преступную связь с Абросимовым и Бочарниковым

в октябре 1985 года и основанием послужила информация об изъятии накладной в г. Евпатории, которая поступила из Крымского УВД о том, что продукция мастерской реализовалась в августе 1985 года. Знакомство произошло якобы через бывшего работника УБХСС УВД И. В. Кураш и Давыдова — “компаньона” Абросимова.

Однако “свидетель” Бочарников на предварительном следствии и в суде показал, что знаком со мной с начала 1986 года, но слышал обо мне как о начальнике отделения с осени 1985 года. Эти противоречия судом не исследовались и во внимание не приняты.

Этот материал для проверки действительно в октябре 1985 года поступил в Харьковский РОВД. В ходе проверки проведена инвентаризация мастерской Бочарникова, опрошены Боев, Цуприк, сам Бочарников.

На момент проверки фактов хищения установлено не было, да и, по логике вещей, установить их было невозможно, так как проверка проводилась по истечении двух месяцев с момента реализации изделий в г. Евпатории и о предстоящей проверке мастерской заранее было известно материальноответственным лицам.

Эти противоречия и обстоятельства судом не проверялись и не учитывались в судебном разбирательстве».

Осуждённый считает, что на столь сложные отношения люди, стоящие на страже закона, могли бы взглянуть иначе. И это привело бы к пе-

решению дела и к освобождению осуждённого. Практически каждое слово в жалобе — это слово надежды. «Вникните, разберитесь, отпустите в нормальную жизнь!»

А вот ответы на жалобы зачастую одинаковые, как под копирку написаны. Ответы — это для осуждённого чаще всего слова отчаянья. «Вы осуждены правильно. Оснований для пересмотра дела нет».

И осуждённый, выкуривая очередную сигарету после очередной вечерней пайки, пряча от всех глаза, думает с печалью: «Да никто по-настоящему и не вникал в моё дело. Кому лишняя работа нужна? Ограничились отпиской».

Примерно в то же время, что и ты, читатель, осуждённый ложится на кровать, названную в зоне шконкой. Только засыпает он иначе. Или отрубается мигом, если день выдался чрезмерно тяжёлым, или лежит без сна долго-долго, поскольку опять крутятся-вертятся в голове слова надежды и отчаянья.

Вот ворочается беспокойно сотоварищ с Украины Николай Трофимович Хихля, бывший капитан милиции. Киевский городской суд признал его виновным по ряду статей, отмерил более чем десятилетний срок, конфисковал имущество, лишил медали «За безупречную службу», нагрудного знака «Отличник милиции».

Хихля служил в должности оперуполномоченного БХСС Харьковского РОВД, стал там начальником. Осуждён за получение взяток от Абросимова и Бочарникова, которые передавали

ему деньги и материальные ценности в счёт будущих хороших отношений.

«...с участниками преступной группы не знаком, за исключением подследственного Бочарникова, которого я знал в связи с тем, что он работал бригадиром мастерской в пос. Хроли Харьковского района».

«В марте 1986 года мне вменяется взятка воротника из меха лисы-чернобурки, стоимостью 369 рублей, от Абросимова».

Лжесвидетель Абросимов в ходе следствия даёт противоречивые показания, при этом ссылается на своего «компаньона» Сухопар, которая, якобы, покупала воротник. Сухопар, в свою очередь, согласно «сценарию» подтверждает показания Абросимова и утверждает, что воротник приобрела в ателье гр-ки Логвиновой.

Однако Логвинова в своих показаниях полностью оправдывает «версию» Абросимова и Сухопар.

Кроме того, в материалах дела имеется постановление от следователя по особо важным делам прокуратуры УССР А. И. Кузьмак о том, что изъятый при обыске воротник из меха лисы-чернобурки (стоимостью 450 руб.) не является предметом взятки и законность приобретения его доказана документально и свидетельскими показаниями.

Но до настоящего времени воротник жене не возвращён. На заявления её с просьбой вернуть воротник сослался на суд, а суд не принял соответствующего решения, в свою очередь, ссылаясь на следствие...

По мере того как уходит у осуждённых надежда и нарастает отчаянье, может осложниться обстановка и в целом в колонии. ИТК-13, где отбывают срок бывшие работники правоохранительных органов, преступившие закон, тому не исключение. Обстановка была более или менее нормальной. Исключая тот случай, когда в печати появился перевод интервью Ю. Чурбанова из итальянской газеты «Република». По содержанию вроде бы ничего из ряда вон выходящего, а вот заголовок кричащий: «Сварщик Чурбанов из зоны “петухов”». В зоне возмутились страшно, поскольку многочисленные осуждённые себя «петухами» не считали. Слово-то на зёковском сленге, иногда именуемом феней, ох какое!

Обстановка накалилась мгновенно, раздалась даже призывы к бунту. Напомню: администрация срочно вывезла Ю. Чурбанова и, наверное, тем самым бунт предотвратила. Ведь мало кого интересовало, виновен он в оскорблении или «так получилось» по недомыслию или вследствие происков журналистов.

Но неудачный заголовок, по-моему, — лишь повод. Настоящей причиной возможных разрушительных событий могло стать копящееся отчаянье. Нехватка у системы сил для неформального рассмотрения жалоб — вот та удушающая петля, которая затягивается на шее общества всё туже. Бунт в зоне, разумеется, можно подавить или предотвратить, а как повлиять на людей, которые завтра или через годы выйдут из колонии? Смогут ли они вернуться к нормаль-

ной жизни? Реально ли переплавить отчаянье в надежду?

Один мой знакомый, трижды побывавший в местах не столь отдалённых, рассказывал:

— Отсидел по первой ходке 12 лет. Вернулся из зоны, а вокруг всё изменилось. Ни жилья, ни работы, ни семьи, продукты не за что купить. Не мог приспособиться к новой жизни и пошёл на ограбление. Поймали, следовательно с иронией пообещал быстро вернуть в прежнюю привычную обстановку. Хотел разбогатеть одним махом, а получилось всё прахом.

V

**БОЛЬ МОЯ,
ТЫ ПОКИНЬ МЕНЯ...**

ТАК СИДЯТ В ЗАРУБЕЖНЫХ ТЮРЬМАХ

Герои моих документальных книг прошли все круги ада (читай — мест лишения свободы) Советского Союза: следственные камеры, столыпинские вагоны, БУРы, производственные цехи. Нахождение в них отнимало не только радость бытия и творения, но и последнее здоровье. Грязь, унижение, тюремные иерархические законы не способствовали воспитанию. Хотя по всем документам официально эти места неволи назывались исправительно-трудовыми колониями.

В книгах я постоянно подчёркивал, что всё зависит от самого человека, очутившегося в таких нечеловеческих условиях. Действительно, всё зависело от того, сумеет ли он мобилизовать свою волю против насилия и тем самым защитить своё я.

Система пенитенциарных учреждений была ориентирована, главным образом, на карательно-репрессивные методы, применяемые по отношению к заключённым. Не только мы с коллегами по неволе испытали её «прелести». За последние 40 лет в советских (впоследствии российских и белорусских) исправительно-трудовых учреждениях побывало 40 миллионов (!) человек. Происходила активная криминализация общества. Чтобы система пенитенциарных учрежде-

ний вышла из кризиса, нужно реформировать основы политики в этой области. Своеобразными «социальными клиниками» должны стать исправительно-трудовые учреждения. В них должен быть организован процесс настоящего перевоспитания. Зарубежный опыт пенитенциарных систем наглядно показывает, что в странах, где деятельность по перевоспитанию заключённых опирается на гуманистические принципы, процент рецидивов наиболее низок, как и общий уровень преступности. Можно привести в качестве примера такие государства, как Норвегия, Швеция, Дания, Швейцария и другие.

Невольно возникает вопрос: а как реально сидят за границей? Прежде чем ответить на него, сделаю небольшой исторический экскурс.

Впервые в истории каторжные тюрьмы появились в 1553 году в Англии и в 1595 году в Голландии, то есть в тех странах, в которых раньше других начали складываться капиталистические общественные отношения. Осуждённые представляли собой дешёвую бесправную и поэтому наиболее выгодную для эксплуатации рабочую силу, что находило отражение даже в терминологии тюремного заключения. Например, в Англии до недавнего времени один из видов лишения свободы называли уголовным рабством.

Великобританец Джон Товар приводит в изданной им в 1777 году книге «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» факты антигуманного отношения к заключённым, при этом искренне удивляется выдержке человеческого организ-

ма и силе воли в борьбе за жизнь. Именно этот исследователь впервые в истории предложил идею использования к осуждённым условно-досрочного освобождения от наказания. Впоследствии Д. Говард и И. Бентам разработали проект пенитенциарной системы, который предусматривал создание специальных мастерских, где осуждённые приобретали профессиональные навыки, основы образования. Здесь путём трудового и нравственного воздействия на конкретного преступившего закон человека искореняли его негативные привычки и склонности.

Стремление к совершенствованию пенитенциарной системы привело к созданию и других систем новых форм отбывания наказаний. Так, в 1816 году в городе Оборна была построена тюрьма, администрация которой имела целью добиться раскаяния заключённых и при этом использовала режим полного молчания, изолируя осуждённых в одиночных камерах только на ночь. Днём же они работали вместе со всеми остальными.

Стремление учёных и практиков к усилению роли воспитательного процесса наказания в виде лишения свободы привело к проведению различных экспериментов, в том числе и в виде так называемой прогрессивной системы. Так, например, начальник британской морской каторги капитан Меконочи, используя островное положение своей страны, применил в зависимости от поведения заключённых дифференциацию условий содержания каторжников, разделив их на классы и ис-

пользуя море как настоящий атрибут изоляции исправленных штрафников. Осуждённым, что встали на путь исправления, он улучшал условия, в результате чего каждый осуждённый получал перспективу оказаться на острове для исправленных. Здесь можно было построить дом, проживать вместе с семьёй, ухаживать за хозяйством и добиваться досрочного освобождения.

Прогрессивная система не стала панацеей, но, бесспорно, явилась шагом вперёд в развитии пенитенциарной системы. Она стимулировала изменение поведения осуждённых с предоставлением им дополнительных льгот за добросовестное выполнение установленных требований.

В 30-х годах XIX века в ходе проведения тюремной реформы в Западной Европе представители многих европейских стран отправляли своих делегатов в Северную Америку для ознакомления с пенсильванской и иными системами заключения. В дальнейшем во многих европейских странах были введены, хотя и с некоторыми изменениями и особенностями, тюремные системы, которые использовали одиночное заключение и молчание как основные элементы исправления.

Вскоре в туманном Альбионе ввели свою оригинальную тюремную систему, которая получила в дальнейшем название английской прогрессивной, или постепенной (восходящей), системы отбывания наказания. Произошли реформы в этой важной сфере и в других странах. И вот к чему в результате это привело.

Швейцарская «свободная зона»

Бассейн, спортзал, виноградники, прекрасная кухня и ненавязчивый сервис... Создаётся полная иллюзия, что вы находитесь в доме отдыха. На самом деле это тюрьма для несовершеннолетних в швейцарском кантоне Цюрих под названием Центр «Уитикон». Директор центра Михаэль Рубертус тем не менее видит свою главную задачу в том, чтобы его воспитанники всё-таки не забывали, где находятся.

20-летний швейцарец Йоханнес Ланц приговорён к четырём годам лишения свободы за особо тяжкое преступление — двойное убийство. Поэтому в «закрытом» отделении «Уитикона» он провёл два года — обычно молодые люди не задерживаются здесь более чем на четыре месяца. Потом Йоханнеса перевели в открытое отделение и он получил возможность уезжать домой на выходные.

— А потом пойдёт обратный отсчёт, — смущенно улыбается молодой человек, — получу диплом автомеханика, женюсь, начну работать.

В его комнате (слово «камера» никак не подходит к уютной однокомнатной квартире) на стене висит портрет симпатичной девушки. Она ждёт — Йоханнес знает об этом, потому что они регулярно общаются по Интернету.

«Уитикон» — аналог нашей колонии для несовершеннолетних. Правда, представления о взрослости здесь несколько иные: возраст местного контингента колеблется от 18 до 25 лет. Теоре-

тически постоялец «Уитикона» может отбывать наказание до наступления 30-летнего возраста. Колония расположена в одном из самых фешенебельных районов кантона Цюрих, вроде подмосковной Рублёвки. Позволить себе купить и даже арендовать дом в Уитиконе могут очень немногие. Здание, в котором сегодня содержатся 55 правонарушителей, — бывшее поместье одного богатого семейства.

Закрытое отделение — двухэтажное квадратное здание с просторным внутренним двором, в котором оборудована спортивная площадка. Пока заключённый сидит в «особняке», его свобода ограничена стенами, а на ночь его запирают в номере. С понедельника по пятницу у заключённых довольно плотный график: два часа в день — на общеобразовательное обучение в группах по 2–3 человека, ещё примерно столько же — на профобучение по одной из четырёх специальностей (столяр, слесарь, маляр или дизайнер интерьера). Остальное время заключённые на «особом режиме» могут проводить в спортзале, смотреть телевизор или общаться друг с другом.

Открытое отделение — это уже практически уровень наших «бесконвойных»: раз в две недели заключённых отпускают на выходные, не запирают на ночь, при желании они могут обучаться в профессиональных училищах за пределами «зоны», причём ездят туда без всякого сопровождения. К специальностям, которые они могут получить прямо в «Уитиконе», добавляются флорист и автомеханик. Кроме того, в колонии есть конюш-

ня, рядом раскинулись виноградники, на которых постояльцы «Уитикона» выращивают виноград. По внешнему периметру никаких ограждений нет. Побегии случаются очень редко, потому в них нет смысла. Здесь молодые люди получают специальность и одновременно зарабатывают деньги. Небольшую часть получают на руки, остальные откладывают на специальный счёт. Когда кто-то выходит после отбывания наказания, у него есть небольшая сумма наличными на первое время. Небольшая сумма — это не меньше 10 тысяч евро. Пока освободившийся заключённый не найдёт работу, он будет получать пособие по безработице — ещё около 2 тысяч в месяц.

— Самые частые нарушения здесь — употребление наркотиков, опоздания из отгулов, — рассказывает директор центра Михаэль Рубертус. — За это мы помещаем нарушителей в карцер.

Штрафной изолятор в «Уитиконе» — довольно просторное помещение с мягкой двухъярусной кроватью, санузлом и душем. На столе — пепельница и лампа. О том, что это — карцер, напоминает разве что тяжёлая дверь с электронным замком и стены стального цвета. Возле двери две кнопки: одна — чтобы включить приятную музыку, другая — для беседы с дежурным.

Что интересно: ни в «квартирах», ни в изоляторе нет видеокамер — в рамках своей комнаты у заключённого есть право на приватность. Зато вся остальная территория контролируется видеонаблюдением на каждом сантиметре. Персонал не носит формы, у него нет никаких спецсредств

для усмирения несовершеннолетних правонарушителей.

— Если я узнаю о том, что кто-то из моих сотрудников ударил заключённого, он будет моментально уволен, — очень серьёзным голосом озвучивает свои принципы Рубертус. И добавляет: к счастью, таких случаев пока не было. Подавление бунтов в Швейцарии — дело кантональной полиции: она, если что, прибывает в «Уитикон» через шесть минут после вызова.

Столовых в «Уитиконе» две: одна — для «закрытых» заключённых, другая — для «открытых» и персонала колонии. В выходные воспитанники готовят сами — эта обязанность закреплена в уставе учреждения. Столовые приборы самые обычные — ножи и вилки.

Нидерландским тюрьмам не хватает преступников

Министерство юстиции Нидерландов запланировало закрытие восьми тюрем и последующее сокращение 1200 рабочих мест в соответствующей отрасли. Причиной такого решения стало сокращение преступности и пустующие камеры.

Ещё в 90-х годах прошлого века Нидерланды стояли перед острой проблемой нехватки помещений для заключённых. В настоящее время страна имеет возможность содержать под стражей 14 тысяч узников, однако сейчас число задержанных едва дотягивает до 12 тысяч.

Поэтому правительство Нидерландов предоставило Бельгии в аренду тюрьму на 500 мест. Исправительное учреждение находится в Тилбурге, что на юге Нидерландов, близ бельгийской границы. За аренду на три года Бельгия платит 30 миллионов евро. Договор может быть расторгнут через два года или продлён на год в зависимости от интересов сторон. В тюрьме работают как бельгийские, так и голландские сотрудники, однако начальника выбрали из бельгийцев. Заключённых из тюрьмы в Тилбурге заблаговременно перевели в другие тюрьмы.

Как объяснил замминистра юстиции Нидерландов Небахат Албайрак, в стране образовался излишек мест в тюрьмах благодаря интенсивному строительству новых объектов и снижению уровня преступности. Между тем Бельгия испытывает серьёзный недостаток в исправительных учреждениях.

Перестройка в тюрьмах Англии

Заключённые лондонской тюрьмы Латчмир получают приличную зарплату, могут платить налоги, содержать свои семьи, платят за питание и проживание.

За 30 долларов в неделю заключённым здесь предоставляется небольшая комнатка с ключом. Днём они могут покидать тюрьму и ходить на работу, но должны возвращаться в номера на ночь.

Около 135 заключённых, приговорённых к пяти и более годам за различные преступления, от

ограбления до убийства, отбывают последние 12–18 месяцев своего срока в Латчмирской тюрьме. Эта тюрьма в юго-восточной части Лондона была основана с целью привести систему старых, мрачных мест лишения свободы Великобритании к новым стандартам. Многие тюрьмы в этой стране были переполнены, в одной камере в несколько квадратных метров, как правило, находились более трёх заключённых. Им позволяли покидать камеру только на один час в день, а общественным туалетом служит ведро, находящееся прямо в камере и выносимое один раз в день перед завтраком.

В 1990 году заключённые одной из манчестерских тюрем взобрались на крышу и подняли бунт. В течение 25 дней они выражали протест против плохих условий содержания. Это подтолкнуло власти к реформе и модернизации старых тюрем, большинство из которых построено ещё в прошлом веке.

В министерстве внутренних дел осознали, что хорошие условия содержания вызовут у заключённых желание работать. А работающие заключённые могут сэкономить деньги, которые правительство тратит на их содержание. Так, заключённые, имеющие свой доход, как и другие граждане, смогут оплатить не только свое питание и проживание, но и налоги, полисы по социальному страхованию. Кроме этого, реформа снимает с государства обязанность выплачивать пособие семьям, чей кормилец находится в тюрьме, так как работающие заключённые с достаточно высоким доходом должны сами содер-

жать свои семьи. В будущем из заработка заключённые будут выплачивать компенсацию своим жертвам за нанесённый ущерб.

В Латчмирской тюрьме заключённых заставляют искать высокооплачиваемую работу за стенами тюрьмы. «Большинство из них находят работу в течение двух недель», — заявляет начальник тюрьмы Джон Морган.

Для тех же, кому всё-таки не удалось найти работу в городе, подыскивают занятие в тюремной столовой, прачечной или в одной из трёх мастерских, где работникам платят по труду. Персонал столовой и прачечной зарабатывает примерно 60 долларов в неделю.

«Очень важно, что за каждую единицу продукции тебе заплатят», — свидетельствует Майк, собирающий вешалки в одной из мастерских Латчмирской тюрьмы. За время заключения он выполнял различные работы в других тюрьмах и при этом получал менее 6 долларов в неделю. Этого хватало только на сигареты. А здесь можно даже собрать небольшой капитал.

Администрация Латчмирской тюрьмы открывает на имя каждого заключённого счёт, куда можно регулярно переводить деньги. Ветер перемен всколыхнул и другие тюрьмы. В тюрьме Ист-Саттон-парк в южной части Лондона заключённые делают нежнейший сыр из молока, получаемого на тюремной ферме. Этот сыр продаётся в местном магазинчике деликатесов. В Дартмурской тюрьме, которая находится на юго-западе Великобритании, заключённые собирают высо-

кокачественные динамики, которые затем экспортируются в Японию. В Йоркширской тюрьме особого режима заключённые заняты пошивом модных джинсов.

В камерах Уондзуорта постоянно бывают проповедники разных церквей — англиканской, католической, буддистской, исламской, индуистской. Служители основных вероисповеданий — в штате тюрьмы, остальных специально приглашают. Для справки: тюрьма Уондзуорт — это полторы тысячи убийц, вооружённых грабителей, насильников, многие — в пожизненном заключении (после суда их по желанию оставляют на «привычном» месте).

Тюрьма Грендон, полтора часа езды от Лондона. Популярность среди заключённых — исключительная. Такой же интерес проявляют к ней и юристы всего мира. Это — тюрьма-коммуна, в которой объединены и работники «учреждения», и заключённые. Тридцатью-сорока камерами (крылом) управляет совместный комитет, состоящий из представителей обеих сторон, имеющих равные права. Сфера забот комитета — распорядок дня, ежедневное меню, досрочное освобождение, учебные занятия... Необходимо соблюдать четыре требования: не допускать насилия, не употреблять наркотики, не заниматься гомосексуализмом, не отлынивать от работы (кстати, подобранной по склонностям). Все вместе производят уборку, составляют одну спортивную команду. Различие в одном: у штатных работников на поясе ключи...

Ещё штрихи к портрету иностранной неволи

Шотландская тюрьма Барлинни в окрестностях Глазго. В крепком пятиэтажном здании расположились девятьсот шестьдесят заключённых. Рядом — двухэтажная крепость, в которой постоянно находятся восемьсот узников и одиннадцать человек охраны (четыре офицера и семь караульных). У всех (!) заключённых — пожизненные сроки: убийцы, насильники, вооружённые грабители. Этот необычный замок напоминает наше рабочее общежитие: общая кухня, общая прачечная (стиральная машина, сушильная установка, гладильня). Рядом — меблированная комната с цветным телевизором, видеомагнитофоном, графиком дежурств. У осуждённых, не нарушающих режим, — отдельные камеры, с утра до вечера открытые. Один из заключённых даже пишет пьесы. Постановка таковой осуществлена на сцене Эдинбурга. Премьера была приурочена к помолвке автора-заключённого, который вместе с невестой пригласил на торжество около сотни гостей.

И это происходит в тюрьме для особо опасных преступников! Даже взявшие на свою душу тяжкий грех люди могут требовать в суде, чтобы место их заключения находилось не далее двухсот-трёхсот километров от дома. В противном случае правительство Её Величества обязано оплачивать родственникам проезд к месту заключения. Эти узаконенные свидания обходятся ежегодно английской казне в два миллиона фун-

тов стерлингов. И самый старый, самый консервативный парламент в мире не видит в этом ничего предосудительного.

И ещё одна картина с натуры, на этот раз из Германии. Невысокий, чисто символический забор, охраняющий, скорее, от любопытных взглядов («у нас всё-таки не зоопарк»); миловидные молодые женщины с рациями вместо автоматов, которые не любят, чтобы их называли надзирателями — это слишком режет ухо. Великолепное футбольное поле, на котором проводятся встречи команд тюремной бундеслиги, три спортивных зала, бассейн — всё это в распоряжении заключённых. В довершение всего — небольшой супермаркет, где они за свои заработанные на зоне марки могут купить любую одежду и самые разнообразные продукты, вплоть до бананов и киви.

Заключённые разбиты на три категории в зависимости от тяжести совершённых преступлений. Получившие небольшой срок имеют целый ряд льгот. Например, в воскресенье могут на день уехать домой к семье и вернуться только к вечерней переключке, которая наряду с утренней является единственным обязательным мероприятием на зоне. В остальное время можно заниматься чем угодно: играть в футбол, накачивать мускулы на тренажёре, слушать музыку. Запрещается, правда, пить спиртное, даже пиво. И правильно — гораздо полезней для здоровья будет сходить к пастору, тюремному священнику, поговорить с ним о спасении души.

Предупреждение преступлений обойдётся обществу дешевле, чем их раскрытие, считают в Германии и стараются не жалеть средств на образование и воспитание подростков, снижая тем самым социальную напряжённость в молодёжной среде. Можно позавидовать здравомыслию, с которым немцы подходят к решению задач, над коими постсоветские страны ещё ломают копья.

КАКИХ ПЕРЕМЕН ДОЖДАЛИСЬ И ЖДУТ В БЕЛАРУСИ

Во второй половине XIX века в России, в составе которой была и наша Беларусь, назрела необходимость реформирования тюрем. Между местными органами управления и центральным постоянной связи не было. Правительство в 1877 году разработало Особую комиссию для подготовки проекта тюремной реформы. В 1882 году сложилась новая система мест заключения. Это тюремные замки в уездных и губернских городах, уголовные тюрьмы, смирительные дома, Московская и Петербургская исправительные тюрьмы, следственная тюрьма, дома предварительного заключения, пересыльные тюрьмы, временные каторжные тюрьмы, исправительные арестантские полуроты, роты и отделения, полицейские дома Петербурга, подследственные аресты. До Февральской революции сложным механизмом являлась система исполнения наказания. Тюремное заключение было обязательным дополнением к государственной власти. Оно ассоциировалось в сознании людей с произволом, насилием, беззаконием.

В советское время, 16 октября 1924 года, была в очередной раз реформирована пенитенциарная система. Был принят Исполнительно-трудовой кодекс, регулирующий исполнение наказаний.

В нём говорилось о том, что нужно развивать и улучшать вместо тюрем сеть ремесленных, сельскохозяйственных, фабричных, трудовых колоний и исправительно-трудовых домов. Количество заключённых после репрессий 1930-х годов превысило предыдущие показатели. Во время Великой Отечественной войны многие места лишения свободы находились в системе ГУЛАГ. Для решения проблем экономики использовался труд арестованных, которых направляли на строительство в самых тяжёлых условиях.

Советская пенитенциарная система в 1960–1970 годы была снова реформирована. Главную роль в ней стали играть исправительно-трудовые колонии. Она включала в себя учреждения особого, усиленного, строгого и общего режимов, колонии-поселения, следственные изоляторы, колонии воспитательно-трудовые общего и усиленного режимов, тюрьмы, специальные межобластные больницы.

В августе 2015 года исполнилось 95 лет со дня образования уголовно-исполнительной системы Беларуси. В 1920 году при Наркомате юстиции был создан карательный отдел, в ведении которого тогда находилось 15 исправительных домов (бывших тюрем) и три арестных. Но ныне в нашей стране учреждения пенитенциарной системы находятся в подчинении МВД. Пока что Беларусь не последовала примеру других стран постсоветского пространства и не перевела эти учреждения в подчинение Министерству юстиции.

— Не буду лукавить, люди до сих пор неоднозначно относятся к сотрудникам уголовно-

исполнительной системы, — признаёт начальник Департамента исполнения наказаний МВД полковник милиции Сергей Дорошко. — Наверное, память о пресловутом ГУЛАГе формирует в общественном сознании предвзятое мнение о том, что в нашей системе чуть ли не все поголовно — алчные злодеи, бесстрастно и беспрерывно терзающие невинных жертв. Конечно, обидно за своих коллег. Потому что практически каждого из них могу охарактеризовать как честного, самоотверженного, преданного службе и почитающего закон человека. Точно так же высоко оцениваю и профессиональный потенциал подавляющего большинства своих подчинённых. Именно поэтому руководство департамента старается делать всё возможное для максимальной социальной защищённости сотрудников — неважно, офицеров, прапорщиков или контрактников. Ещё одним немаловажным аспектом, стимулирующим к безупречной службе, является практика поощрения наиболее отличившихся сотрудников. В последние пять лет более 400 наших коллег за свой нелёгкий, небезопасный и кропотливый труд были отмечены высокими государственными наградами.

В советские времена заявления такого рода я, тогдашний заключённый, напрочь отвергал. А сейчас мне, до сих пор помнящему «прелести» неволи, хочется верить, что эти награды и поощрения сотрудников колоний и других мест лишения свободы вполне заслуженные. Я много внимания уделил недостаткам и тёмным сторонам уголовно-исполнительной системы, с которыми вместе

со своими коллегами столкнулся за колючкой. В то же время, стремясь сохранить объективность, не могу не отметить и некоторые позитивные процессы, происходящие ныне в неволе.

Руководители Департамента исполнения наказаний не без оснований отмечают, что очень плодотворно ведётся работа над концепцией развития уголовно-исполнительной системы в следующей пятилетке. Она будет предусматривать решение множества важных задач: совершенствование форм и методов работы с осуждёнными, развитие производственной базы, создание современной, отвечающей мировым стандартам инфраструктуры в местах лишения свободы, снижение уровня рецидивной преступности и т. д. Одним из первых практических шагов в этом направлении, в частности, можно считать принятое на днях постановление Совета Министров, которое прямо обязывает местные органы власти трудоустраивать лиц, находящихся в исправительных учреждениях открытого типа и ЛТП.

В соответствии с Государственной инвестиционной программой на 2015 год реконструируются и строятся 14 объектов в восьми учреждениях, подчинённых ДИН. Выполняя Указы Президента, в Беларуси ликвидировали воспитательную и две исправительные колонии, на базе которых в настоящее время созданы три лечебно-трудовых профилактория. Кроме того, проведена реорганизация исправительных учреждений открытого типа, в результате которой их количество сократилось с 54 до 29.

Количество осуждённых, находящихся сейчас в местах лишения свободы, по сравнению с 1998 годом, когда было зафиксировано максимальное наполнение колоний и следственных изоляторов, сократилось практически в два раза — с 61 до 31 тысячи человек. Если ещё несколько лет назад в арестных домах содержалось около полутора тысяч человек, то в настоящий момент — всего 620. Эта положительная тенденция — следствие как повышения эффективности работы правоохранительных органов по профилактике преступности, так и процесса гуманизации уголовного законодательства страны. Сегодня лимит на количество людей, отбывающих наказание в исправучреждениях, соблюдается.

С момента обретения Беларусью независимости проведено уже 14 амнистий. И всякий раз они являлись актом гуманизма со стороны государства. В том числе и нынешняя, инициированная лично Президентом в 2015 году и приуроченная к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. При этом, подчёркивают руководители Департамента исполнения наказаний, несмотря на досужие рассуждения некоторых обывателей, применение амнистий, как показывает практика, никогда не оказывало негативного влияния на состояние правопорядка в стране. В 2015 году под действие амнистии подпадало 7967 осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы. То есть на свободу вышла незначительная часть осуждённых, которые не могут создать дополнительную напряжённость в обществе.

Особо острая боль моя, которую я излил в предыдущих своих книгах, — несовершеннолетние правонарушители. Рад, что наше государство в последнее время целенаправленно движется по пути замены наказания в отношении несовершеннолетних преступников воспитательными мерами. Если в 1998 году в стране действовали три воспитательные колонии, в которых содержалось 1900 человек, то сегодня осталась всего одна колония, где из 187 осуждённых 88 человек являются несовершеннолетними, а 99 оставлены в ВК до достижения 21-летнего возраста. Это сделано для того, чтобы осуждённые могли завершить образование, а также с целью снижения криминального влияния обитателей взрослых колоний на молодёжь.

Представители ДИН МВД Беларуси изучали вопрос преобразования единственной в Беларуси воспитательной колонии для несовершеннолетних в воспитательный центр на примере эксперимента, проводимого в российском учреждении в Можайске. Безусловно, идея постепенной адаптации осуждённых к жизни на свободе, когда в зависимости от поведения подростка, его отношения к учёбе и труду он на каждом новом этапе получает всё большую свободу, заслуживает внимания. Переформатирование колонии в воспитательный центр — это не просто замена одной вывески на другую. Предварительно потребуется выстроить своеобразную логическую цепочку, каждое звено которой будет решать важные задачи — и собственно реабилитационный

центр, и психологическая служба, и различные государственные институты, и общественные объединения. Предстоит внести соответствующие изменения в действующее уголовно-исполнительное законодательство...

Во многих колониях в последнее время построены церкви, молитвенные комнаты, уголки. Поступает духовная литература. Человеку предоставляется возможность искренне осознать свою вину, раскаяться. Ибо священник в каждом старается видеть человека, а не спецконтингент. Словом человеческим и божьим он нащупывает тончайший живой нерв и пытается связать его с родными, с детьми. Озлобленность смягчается сочувствием.

Конечно, такая работа должна вестись и по эту сторону колючей проволоки. Ибо самое трудное — вымолить прощение и простить. В обществе не хватает искренней любви. У молодёжи сегодня совсем другие кумиры, в ходу упрощённые слова, в которых нет исторической памяти. Например, всюду используется слово БОМЖ и производное от него бомжевать... Прислушайтесь, нет сочувствия в слове. А до революции: «Доченька, дай арестантику копеечку»... Этот лейтмотив прослеживается по всей классической литературе.

Нужно учиться нам любить один одного. Только тогда мы будем светлым народом.

Хоть немного «поскреби» в душе современного человека и обнаружишь, что сознание его до краёв заполнено тюремными понятиями и атрибутами: пайка, штырь, конвой, шестёрка, бригада — и так до бесконечности. Современные се-

риалы на ТВ цепко закрепляют это в сознании. Много чего было утрачено за 70 лет советской власти. Миллионы заключённых сломанными судьбами доказывали, кричали, молили, что воспитать человека в условиях дефицита добра как за колючей проволокой, так и на другой стороне невозможно. Отсутствие любви порождает равнодушие. Поэтому нужно и во все школы приглашать священников. Они учат истинному добру, учат не фальшивить перед самим собой, перед людьми, а самое главное — учат прощать.

В этой связи не могу не отметить и позитивные результаты двадцатилетнего сотрудничества Православной Церкви и Департамента исполнения наказаний МВД. Мою, бывшего заключённого, душу тронуло приветственное слово Митрополита Павла к участникам конференции, которая была посвящена 20-летию этого сотрудничества.

«Подводя итоги этого многолетнего сотрудничества, — отмечал Митрополит, — будет вполне справедливым сказать, что необходимость подобного диалога была и есть в высшей степени актуальной, она продиктована самой жизнью, в которой каждый человек не свободен от ошибки, проступка и даже преступления. Таковой, к сожалению, является повреждённая грехом человеческая природа, но, по милости Божией, в Святой Церкви имеются все благодатные возможности для подлинного исправления человеческого пути, даже если этот путь очень далеко увёл человека от Бога...

В нашей жизни нередко случается так, что в мирской суете человек не может или не хочет осознать греховность своих поступков и их вреда своей душе и своим ближним. Зачастую это понимание приходит лишь тогда, когда человек оказывается на скамье обвиняемых, когда ему приходится кардинально изменить уклад своей прежней привычной жизни, но уже не добровольно, а в силу совершённых поступков. Безусловно, в этот момент, когда человек испытывает смятение, крайне важна возможность его встречи со священником и принесение покаяния, потому что только покаяние даст ему понимание того, что с ним действительно происходит, и спасёт от озлобления и отчаяния.

Отрадно отметить, что вот уже более двадцати лет эту миссию успешно исполняет Синодальный отдел по тюремному служению Белорусской Православной Церкви. Недавно состоялось подписание очередного Соглашения о взаимодействии, которое, я уверен, даст возможность более широкого и тесного сотрудничества в деле пастырского окормления лиц, находящихся в местах лишения свободы. Выражаю надежду на то, что и наши гости, прибывшие на конференцию, разделят с нами свой ценный опыт, посредством чего мы все взаимно обогатимся и сможем ещё более плодотворно совершать своё служение».

Следуя евангельской заповеди, более 80 священнослужителей Белорусского Экзархата не только посещают, но и оказывают самую активную духовную и, если это необходимо, материальную

поддержку тем людям, которые «заблудились» на своём жизненном пути и увязли в греховных проступках перед Богом и обществом. В настоящее время 86 священников несут своё тюремное послушание в 20 тюремных храмах, построенных как отдельное здание или оборудованных в виде специальных богослужебных помещений, в 18 молитвенных комнатах и в 33 временных молитвенных аудиториях. Все учреждения Департамента исполнения наказаний, где возможно несение тюремного послушания, обеспечены окормлением православных священнослужителей.

Активно ведётся работа по взаимодействию с республиканскими и международными общественными организациями по профилактике и борьбе с распространением СПИДа, туберкулеза и малярии, принимается участие в семинарах по обсуждению вопроса применения смертной казни. Курируются проекты по созданию рабочих мест для лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Привлекаются средства Европейского отдела Международной ассоциации тюремного служения для оказания гуманитарной помощи исправительным учреждениям и реабилитационным центрам, через которые уже прошли сотни нуждающихся в помощи лиц, освободившихся из мест лишения или ограничения свободы...

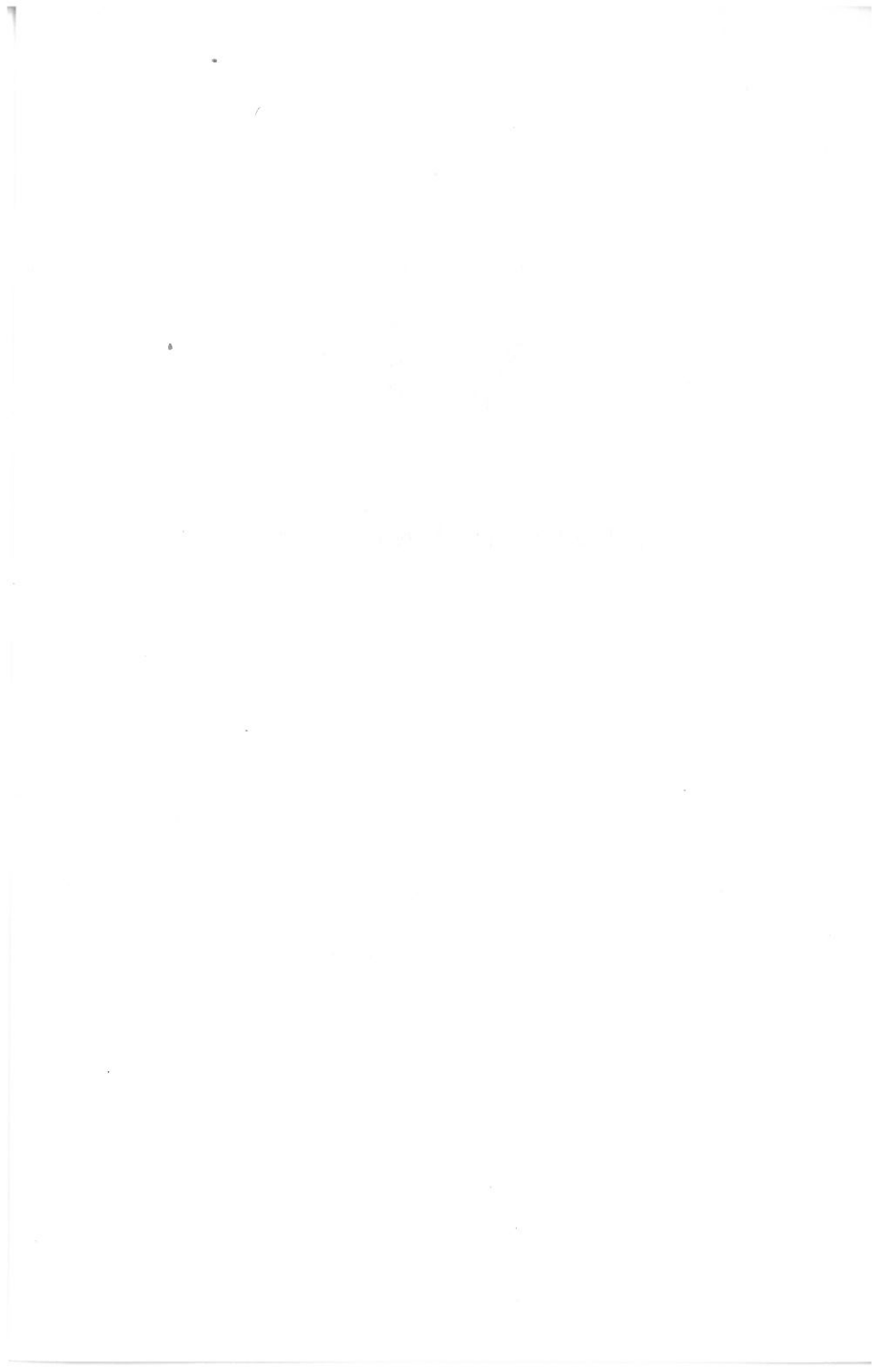
Сама жизнь требует от тюремных священнослужителей владения не только богословскими знаниями, но и фундаментальной информацией по уголовно-исполнительной системе, принципами психолого-педагогической пенитенциар-

ной подготовки. Назрела необходимость в самые кратчайшие сроки наладить специальную образовательную системную деятельность, которая бы способствовала подготовленности и компетентности тюремного священнослужителя. Предстоит решить проблемы создания в нашей стране института тюремных капелланов, возрождения дистанционного образования в местах лишения свободы, статуса храмов и иных подобных помещений на территории учреждений ДИН МВД, а также создания газеты Синодального отдела по тюремному служению БПЦ...

Это всё меры, который так не хватало в годы, когда отбывал наказание я вместе со своими коллегами по неволе. Уверен, если будут реализовываться жизнью продиктованные шаги, если государственные мужи, проводящие реформу пенитенциарной системы, будут постоянно держать в памяти болевые точки, которые обозначены в данной книге, то наши места лишения свободы станут более цивилизованными. И куда меньше будет звучать горьких, выстраданных исповедей как от бывших сотрудников правоохранительных и иных государственных органов, так и от обычных заключённых.

VI

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ

Фамилия «Сороко» мелькнула в газетах 1986 года, потом долгое время я не встречал её. Казалось, об этом человеке уже ничего нового не узнаю. Он был осуждён. Томился в камерах разных тюрем, выполнял тяжёлую работу в лагере и... писал.

Так часто случается: кто-то или что-то мелькнёт и канет навек. Тем более в такое время. 1986 год — Чернобыльская катастрофа, чёрный порыв в завершение века. Да и последующие годы...

Спустя семь лет стали выходить книги Валерия Сороко. Повести «Витебское дело или двуликая Фемида» (в двух книгах), «SOS: спасите наши души», «Оставь надежду...», «Бывшие сотрудники», «Тагильская бездна».

В камерах следственных изоляторов контролёры (так культурно называют ныне надзирателей) журналистский, писательский труд запрещали. Нельзя! Написанное слово способно проламывать самые толстые стены, а тюрьме никогда не были нужны свидетельства того, что делается в неволе. И сейчас не нужны. Падёт подозрение во время очередного обыска (шмона), что записи неразрешённые, — прощайся с ними. И потому узник писал вроде бы то, что не противоречило вкусам администрации, выводя вверху страницы неизменное «Генеральному прокурору...» и в двух-трёх первых строках пытаюсь излагать суть своего дела. Потом, ниже, его не очень-то разборчивый почерк становился совсем

не разборчивым — начинались записи для будущих книг. У надзирателей никогда не хватало усердия прочесть целую страницу, они считали, что человек без конца строчит жалобы Генеральному прокурору. Сие разрешается, жалуйся до посинения.

В книги вошло пережитое, передуманное за четыре года несвободы. И о людях, бывших с ним рядом или вершивших над ним власть свою, он, естественно, написал. Поэтому материал собрался, как иногда выражаются, малопоэтический: преступления, в том числе и кровавые, отсидки, этапы, расследования и суды, труды лагерные, жизнь бесправная, гримасы Фемиды, нравы уголовников и нравы чиновников от несвободы.

В центре повестей — судьба автора, такая, какой он себе её представляет. Понимаю, что полностью без фантазии, без творческой дорисовки образов в документальных повестях дело не обошлось, а всё же разделить биографии Валерия Сороко и главного героя повестей не могу, их «я» для меня совпадают.

Редактировавший книги журналист Сергей Аладьев рассказывает:

— Встретились случайно. Что я знал о «Витебском деле»? Только то, что всем нам преподносила официальная пропаганда. И вот начал читать дневники Валерия — это семь общих тетрадей... Мне открылось много боли в его душе, много сострадания к людям. Он предельно откровенен. И если кто-то говорил Валерию, что тот или иной факт в книгах может быть истолкован против

него, то слышал в ответ приблизительно такое: «Но это правда. Как правда может быть против меня?»

Итак, писатель и есть главный герой... Порой он признаёт за собой какую-то вину, чаще же резко, решительно её отрицает и борется, пытается выстоять. Нечто хемингуэевское, адаптированное к мраку наших узилищ.

Или, пожалуй, даже два главных героя в повестях: человек и Система. Причём с большой буквы надо писать пока второе слово. Система не то что совсем неколебима, но ещё достаточно сильна, жестока, немногочисленные демократы не перегрызли-таки пуповины, связывающей её с тоталитаризмом. Повести замешаны круто не благодаря пристрастию автора к игровому детективному началу, нет, он уязвлён собственной трагедией, здесь жизнь подана, как выразился кто-то из предшественников, прямо с живодёрни.

Читая повести, я не раз думал о том, насколько поспешно, опрометчиво называли мы XX век веком космическим, высоких технологий и тому подобного. Конечно, однако... Как раз отмечали очередную годовщину высадки людей на Луну, по радио прошло несколько передач об американской лунной программе, и в моём сознании вырисовалось противопоставление: космос и камера, необъятность, поправление страха и задавленность, жизненный низ, ущемление надежды страхом и несвободой.

Вспоминались молодёжные, молодые дискуссии 60-х годов о том, что именно стоило бы от-

править к далёким созвездиям, отыщись там братья по разуму. Да, а что именно послать с Земли? И как красиво сочетались те дискуссии с политической оттепелью, как удачно — для молодых — дополняли их угасающие, но, казалось, уже воистину свободные глаза «сталинских» зэков! Мы волновались, спорили, задирались, стараясь полнее, выше представить земную цивилизацию далёким воображаемым братьям по разуму. Из музыки, например, назывались соль-минорная симфония Моцарта, скрипичный концерт Мендельсона... Кто предвидел тогда строительство новых тюрем и лагерей?

О жизнь! Спустя десятилетия мне приходит в голову, что нашу цивилизацию неплохо представляют наручники или модель клетки с человеческой фигуркой внутри, которая означает заключённого в камере, в лагерьном бараке. Почему бы и нет? В космос летали немногие, к Моцарту и Мендельсону, как постепенно убеждаешься, обращаются далеко не все... Зато каждый время от времени суеверно повторяет: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Не наш век несвободу придумал, однако он, двадцатый, вместил гитлеризм и сталинские репрессии, его язвы породили преступность, не виданную прежде. И по масштабам, и по жестокости. Фигурку человека зарешёченного надо рассматривать как один из символов цивилизации.

Если коротко определять, о несвободе повести.

На одной презентации книги Валерия Сороко, где, естественно, немало говорили о преступле-

ниях, упрямый читатель, выступая и раз, и другой, настаивал: сострадание в первую очередь нужно испытывать к пострадавшим — к жертвам преступлений. И упрекал: у автора не хватает размышлений, переживаний о жертвах.

Размышления и переживания о них в книгах есть, но, приходится соглашаться, они подчас теряются среди материала иного рода. Тут уж — судьба! Валерий Сороко и в работе своей, и позже, в местах заключения, сталкивался больше с преступниками. Таков опыт, таковы материалы, лёгшие в основу документальных повестей.

И, думается, автор прав, когда на преступника тоже пытается посмотреть как на пострадавшего. Отчего — это, конечно, вопрос. На него разные люди ответят по-разному. Одни станут говорить о социальных язвах, другие — о проблемах воспитания, разгуле бездуховности в обществе. Нельзя же всерьёз считать, будто корни антиобщественных поступков заложены в человеке от рождения, что в них лишь проявляются биологические особенности личности преступника, как считал итальянский судебный психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо. Нет и нет. Если в постперестроечные годы у нас возросло количество убийств, корыстных преступлений, то не потому ведь, что двадцать-тридцать лет назад природа выбросила больше бракованной «массы»; мы знаем, какие иллюзии рухнули в конце восьмидесятых, какие язвы обнажились. За свободу тоже приходится платить.

С ростом преступности всё больше несовершеннолетних рискуют, выбирая быстрые способы добыть деньги, и попадают за решётку. Они вырастают в обществе, где власть предрержащие используют закон в своих целях, интерпретируя его в зависимости от обстоятельств, — неправо-вые основы нашей жизни молодёжь прекрасно улавливает. «Мои несовершеннолетние сокамерники, страшись наказания, раскаивались в содеянном, но в то же время возмущались (и завидовали), вспоминая сами или пересказывая чужие разговоры о крупных взятках, пьяных оргиях, “легальном” воровстве со складов, баз и т. п.», — пишет Валерий Сороко в повести «SOS: спасите наши души».

Он сидел как бывший прокурор «старшим», «инструктором» в камере с несовершеннолетними. Какое-то время, не худшее из проведённого в камерах.

Кто же был рядом? Это Юрка из деревни, где пятнадцать хат — одни бабки и деды. Юрка — совсем ещё пацан по развитию, приученный отцом с малых лет к выпивке и добывающий деньги на неё воровством. Это Сергей Лопухий из столичной и вроде бы благополучной семьи, фанат минского «Динамо», попавший в компанию, которая, кроме футбола, пьянок и девочек, ничем не интересуется. Это Дима Шустрый — родители его погибли в автомобильной катастрофе. Он был в спецучилище и бежал оттуда, предпочтя казёнщине и дисциплине скитания по подвалам и воровство. Ещё — Валерий Лис, участник

группового изнасилования. О подружках отзывается с осуждением: к десятому классу честных и с фонариком не найдёшь. Себя, по-видимому, считает честным и о матери говорит с глубочайшим уважением. Ещё один насильник Владимир Амбал, тоже познавший женщину, но не познавший любви...

Нет смысла перечислять все имена и клички. Да и судьбы не стану пересказывать. Подростки похожи между собой как раз тем, что воруют и насилуют, хотя и выросли в разных условиях. Многие — без отцов, а матери мало занимались их воспитанием, потому что горбились на колхозных полях и свинофермах, в заводских литейках или же спивались, водили домой пьяных хахалей. Другие подростки пользовались достаточными материальными благами, а души их тоже оставались пустыми, как у обездоленных с детства, лишь в спецучилищах узнавших, что спать надо на простынях...

В прошлом веке американский философ Ральф Уолдо Эмерсон утверждал: «Истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик Человека, воспитываемого страной». Как не согласиться? Показатели наши, правда, пока печальны.

Никто не призывает к всепрощенчеству. Преступник должен нести наказание за содеянное. Но нелишне сознавать, что так или иначе производит его самого, преступника. В особенности, когда речь идёт о несовершеннолетних.

Как действует на них камера? У большинства несовершеннолетних здесь явно угнетённая психика. Да и как ей быть неугнетённой, если ты в камере, если пища скудная, если господствует культ силы?

Один из героев повести «SOS: спасите наши души» испытал на себе уголовную «прописку», после чего шея так опухла и так болела, что неделю головой не ворочал. Били и по животу, пока не упал. А когда упал, заставили выпить с десятка кружек воды. Его вырвало. Дали тряпку. Отныне пол в камере должен был мыть он.

Такие вот блатные штучки. Молодые «паханы» занимаются поборами — забирают и пищу, и одежду, поработают слабых.

И это не самое страшное, ещё «петухи» есть — те, кого «опускают», вообще не считая за мужчин. Их используют как «девочек».

Печально, что здесь матёрые уголовники готовят себе смену. Сколько ни твердят работники правоохранительных органов об отдельном содержании заключённых, впервые совершивших противоправные поступки, выдержать установку не всегда удаётся. Из-за переполненности тюрем, из-за предэтапных камер, куда набивают всех подряд, просто из-за проницаемости тюремных стен для «паханов», «воров в законе», «первостольников». В ряде случаев администрация изоляторов негласно передаёт им власть или, по меньшей мере, не слишком мешает её осуществлять. Мне приходилось встречать в российских газетах сообщение о коммерческих камерах.

Администрация, испытывая материальные затруднения, позволяет богатому заключённому питаться за собственный счёт, если он берётся кормить и сокамерников. Ясно, кому в таких случаях принадлежит власть.

Так устанавливаются республики издевательств, империи кулаков, так идёт обучение их граждан. Валерий Сороко напоминает о показательной статистике: больше половины тех, кто признан судом рецидивистами, совершили первые преступления несовершеннолетними; две трети из них побывали в местах лишения свободы. То есть прошли «школу». И начинается она как раз с уже упомянутой «прописки» в камере, с «присяги»: «Я, имярек, обвиняемый по статье... свято клянусь, что не буду крысятничать (воровать) у эков, восьмерить (уходить от вопросов, которые будут задавать «первостольники»), шестерить (что-либо делать для кого-нибудь, кроме первого и второго стола), козлить (рассказывать что-либо администрации). Если я нарушу эту клятву, пусть каждый меня... («опустит»»).

И взрослые, и малолетки, пишет Валерий Сороко, находятся под следствием до девяти месяцев, потом ещё содержатся в тюрьме в ожидании суда и во время суда. Так что отсидка в камере может доходить до полутора лет. Нервное напряжение, иногда и побои не способствуют выработке ангельского характера, наоборот. Администрация жёстко контролирует переписку, воспитатель за дерзость или иную провинность перетягивает дубинкой, а главное — пишет пло-

хую характеристику, которая идёт в уголовное дело и за которую суд набрасывает срок. Действуют на психику собаки, помогающие нести службу контролёрам. Пока невольник на прогулке, они бегают по настилам над прогулочными двориками, оскалённые пасти овчарок, натасканных на специфический запах зэковской робы, сопровождают заключённых в коридорах.

Предложение Валерия Сороко простое и конкретное: сократить сроки следствия по делам несовершеннолетних. Это при эффективной работе следователей сэкономит немалые средства. Ну, а гуманность такой меры очевидна.

Я ещё продолжу разговор о камере, а сейчас хочу заметить, что у нас идёт настоящая война полов, точнее, война мужчин против представительниц прекрасной половины человечества. Большая часть зэков, которых встретил, находясь под стражей, Валерий Сороко, попала в неволю за изнасилования, расправы над женщинами из ревности, за кражи и грабежи, совершённые ради прямо-таки завтрашней «сладкой» жизни — её зэки не мыслят без женского тела, без своего рода конвейера женских тел.

Есть в тюрьме любые экземпляры. Отец семейства, который соседским девочкам, ещё ходившим в детский сад, тыкал пальцем в известные места. Зэк, зарубивший жену-изменщицу топором. И зэк, наказавший возлюбленную ударом наполовину разбитой остроконечной бутылки между ног. Это преступления, описанные в повести «Оставь надежду...». Омерзительные

примеры омерзительных жизней. Да и в повести о несовершеннолетних «SOS: спасите наши души» хватает того же. Масса подростков садится за групповые изнасилования.

У этой войны как раз женское лицо, искажённое мукой.

Мужчина по праву сильного берётся судить женщину и распоряжаться ею.

Среди причин войны полов, по-моему, существенное место занимает так называемая двойная мораль, господствующая в обществе: одни нормы — для мужчин, другие — для женщин. Двойная мораль насаждается мужчинами и означает своеобразное презрение, даже своеобразную ненависть к женщинам. Насильник в тюрьме возмущается тем, что развелось «этих проституток» без меры — на каждом углу. Он прямо-таки шипит от злости: душить их надо. Поборник целомудрия.

Нигде прямо Валерий Сороко не признаётся, но, похоже, и он исповедует именно двойную мораль. Вот как описывает вызванную на допрос (автор ещё вёл расследование): «Пригласили Валентину М... Та, улыбаясь отработанной, но напряжённой улыбкой, волнуяще, по её мнению, виляя округлыми бёдрами, вошла и села, не дожидаясь особого приглашения, на стул. Закинула ногу за ногу и начала ими покачивать, обнажив их почти до бёдер». Ужас, не так ли? Сразу легко догадаться (и что, безусловно, выяснится позже), какая у Валентины М. интимная жизнь.

Зрение мужчины искажено двойной моралью. Как и мысли его. Почему-то интимной жизнью коллег-следователей, милиционеров с различными лычками и звёздами он не интересуется, ну, хоть плачь. Впрочем... Если в милицию затесалась женщина... Вспоминаю то место из повести «Витебское дело или двуликая Фемида», где один из героев просто яростью исходит:

— Эта шлюха не может простить, что я выступил против неё на товарищеском суде чести. Так и сказал тогда: «Гнать надо таких блядей из милиции, чтобы не позорила мундир!» Сколько она пропустила через себя южных красавцев, одному чёрту известно...

Известно одному чёрту, а клеймит-то женщину рыцарь в том самом мундире, о чистоте которого... Ох, глубоко всё это сидит.

Зэк в повести «Бывшие сотрудники» не прочь переспать с проституткой, но при одной мысли о женитьбе на ней взрывается:

— Падаль.

Второй его поддерживает:

— И СПИД от таких пошёл. Шляются по гостиницам, по ресторанам с иностранцами, а они их награждают. Говорят, в Древнем Риме проституток на костре сжигали. И правильно делали. Зараза не распространялась...

Не слишком далеко ушёл от них автор. Не выдержав, он тоже кричит женщине:

— Ну и шкура ты!

Как-то в больнице мне пришлось выслушать признание мужчины, годами живущего за счёт

одиноких женщин. Он постоянно ходил на вечера «Кому за тридцать», знакомился с тем прицелом, чтобы квартировать и столоваться у очередной невесты месяц-другой. Его признание выслушали больные нескольких палат... И что же, у многих из них появилось презрение к собрату? Нет, почти все с энтузиазмом принялись выспрашивать интимные подробности походов.

Тема проституции в той или иной форме всегда направлена против женщин и питает войну полов.

Как только не называют в уголовном мире камеру: Бухенвальд, кильдим, мешок, решётка, торба, садиловка... Для Валерия Сороко она и главный образ несвободы, и отвратная — теперь уже прошедшая — реальность.

Голые стены, электролампочка в зарешёченном кожухе метрах в двух над головой, неподвижно закреплённая табуретка, нары, параша. Глазок, куда минут через пять заглядывает контролёр, окошко в двери, названное кормушкой... Вентиляция в камере часто почему-то заделана...

А начинается камера, наверное, с обыска, когда человека раздевают донага и принуждают, чтобы уж точно нигде ничего не спрятал, несколько раз присесть.

Начинается камера с питания: с хлеба особой, эковской, выпечки, который быстро черствеет, становясь твёрдым, как камень, с баланды, в которой плавает наполовину очищенная и наполовину сваренная картошина и расплзшийся, загнивший солёный огурец.

На жалобы в тюрьме ответ стандартный: «Тут вам не санаторий!» Те же слова, кстати, говорит государство и в армии, где гастриты наживаются тоже быстро — на комбижире, на аспирине, который обильно кладут в продукты ради их сохранности.

Но это — к слову, а тюрьма есть тюрьма. Посидев в следственных изоляторах Минска, Витебска, Риги, Воронежа и других городов, посидев, увы, не только с несовершеннолетними, автор понял, какое место занимает камера в Системе, какая роль ей отведена. В пространстве, ограниченном тюремными стенами, происходят подчас жуткие вещи, но знать о них надо. Речь снова о «петухе», писатель слушает его рассказ и расспросы сокамерников...

— Что, и в рот брал, и в задний проход совали?

— А куда денешься? Как вломят, падаю на постель. Сейчас ещё не могу повернуться. — Новичок сделал медленное движение туловищем, но сразу сморщился и взялся руками за бока. — Болит. Отбили, наверно, все почки, гады! Дубасили, как неживого.

— Так скольких ты обслуживал?

— Трех. Здоровые бугаи, не отвертеться. Совали члены во все дырки...

И дальше автор рассказывает, как жил-существовал в камере «петух»: ел на унитазах, никогда не подходил к столу, спал не на кровати, а в углу, как собака. «Из-за сильного истощения он был очень слаб и часто страдал расстройством желудка. Тогда он подолгу сидел на унитазах, прося про-

щения у сокамерников. В такие моменты дышать в камере было совершенно нечем. Все затыкали носы».

Некоторые «парашники», «петухи» не имеют права вставать в полный рост, ходят на четвереньках — чтобы не выше парашки.

Цитат о питании приводить не стану, достаточно заметить, что в ценах 1986 года на взрослого, сидящего в изоляторе, отпускалось в день 43 копейки, на несовершеннолетнего (утром специальная добавка: кусок белого хлеба, масло и сахар) — 56 копеек. Плюс, в виде приправы: «Не надо было совершать преступление». В таком отношении есть доля пусть немилосердной, но логики, если не учитывать, что преступником человека признаёт лишь суд. Он ещё впереди, он может оправдать, а условия пребывания в СИЗО способствуют появлению гастритов, язв, заболеваний печени, сердечно-сосудистой системы, психики. Несовершеннолетним, когда ещё не дожили до безработицы, давали примитивную работу (клейка пакетов, подчистка деревянных деталей), на часть заработанных денег шла раз в месяц отоварка в ларьке. Теперь с работой сложнее. Хотя и она не всё решает, ведь потом продукты нередко забирает сильнейший. И печально, что администрация СИЗО вправе отменить отоварку, запретить передачи — это воздействие через животные инстинкты не столько воспитывает человека, сколько ярит в нём зверя. То же — и карцер. Угроза им, конечно, сдерживает распоясавшихся, но пребывание в темноте и сырости,

когда не на чем спать и горячая пища положена не каждый день, вряд ли делает человека лучше.

Особый вопрос — медицина в застенках. Фельдшера в СИЗО, как пишет Валерий Сороко, похоже, забыли о клятве Гиппократа, не до милосердия им. Не однажды видел автор, как из одной и той же упаковки выдавались таблетки от простуды, головной боли и колик в животе. И это делали женщины!

От гнилых бураков и «шрапнели» без грамма жира прогрессировал гастрит, а терапевт отговаривалась тем, что и язвенникам помочь не в состоянии. В том мире автор встретился со случаем, когда не спешили класть на операцию подследственного, проглотившего... ложку. Врач считала, что ложка ещё может выйти сама, ни оперировать, ни наблюдать пока не надо. Начавшему протестовать ложкоглотателю вместо медицинской помощи трое дюжих работников СИЗО вломили по первое число дубинками.

Лекарства, которых не хватает в больницах и, тем более, в тюрьмах, приносят хороший навар «коммерсантам».

Как грязь на белом фоне всегда заметнее, так резче бросается в глаза и бессовестность, если она облачена в белый халат. Больной человек на воле ещё может искать помощь в другом месте, жаловаться (хоть тоже достаточно бесполезно), а больные в местах заключения и этого лишены. В повести «Бывшие сотрудники» главный герой, пытаясь перевестись с непосильной работы, симулирует заболевание почек — добавляет в мочу

кровь, довольно много крови, но результаты его анализов никого не пугают.

Известно, откуда идут такого рода медицинские «традиции». Работая над повестью «Утраченный рай», в которой попытался осмыслить сталинские репрессии, я разговаривал ещё с теми зэками, выпущенными только после смерти диктатора. В их лексиконе было такое словечко: сактироваться. То есть уйти из зоны по акту. Оказывается, кое-кому в послевоенные времена это удавалось. Главную роль в составлении актов играли медики. Но чтобы они её сыграли, заключённый должен был дойти до крайней степени дистрофии, для чего он, продолжая в лагере работать, переставал есть. Фактически, здесь мы имеем дело с одним из неописанных видов самоубийств в Советском Союзе. Сактировавшись, человек добирался на родную землю, успевал посмотреть на родителей, на жену и детей, если они были, и умирал.

Это — крайнее. Но те же «сталинские» зэки рассказывали о промежуточных вариантах, когда в связи с дистрофией в лагере переводили на более лёгкую работу. Кого переводить, медики определяли по... ягодицам. Если человек измождён, если живот его к позвоночнику присох, но на заднице ещё что-то телепается — не переводили.

Вдумаешься, что было на душе у того медика, и охватывает тебя мрак непроглядный, тоска смертная. Какая клятва Гиппократата! Однако помнишь: тогда и тюремный, и лагерный врач рисковал быстро оказаться в робе зэка. Легко су-

дить, если сам не был... Но ведь и сегодняшняя запроволочная, зарешёточная медицина отворачивается от несчастных. Между собой врачи те, наверное, много рассуждают об отсутствии возможностей... Опять! А время-то изменилось! Коль нет репрессий, а ты честный человек, то хотя бы не участвуй... Участвуют. И не помнится, чтобы хоть один из них выступил в печати с правдивой информацией: как лечит, чем лечит. Вот, например, уровень заболеваемости туберкулёзом в местах лишения свободы выше в 17 раз, чем в нормальных условиях. Объяснили бы медики причины в полный голос, попросили бы помощи в полный голос. Видно, подписка о неразглашении всё же сильнее клятвы Гиппократата.

Складывается мнение, что место и роль камеры в Системе связаны с выколачиванием признаний. В лагере по-своему трудно, иначе трудно, но там живут все не в каменном мешке, там есть небо над головой, есть возможность хоть что-то предпринять, там земляки, знакомые друг другу помогают, там бродят дензнаки, там дают свидания с женой аж на три дня, которые проживают в любви и... отдельном помещении. Да за одно это... Плюс мифы о том, насколько в лагере лучше, мифы, ежедневно, ежечасно рождаемые в придавленном камерой воображении.

О, как действует...

Рассказывает несовершеннолетний в повести «SOS: спасите наши души»:

— Сижу я в КПЗ, заходят двое в штатском. Говорят, что из уголовного розыска. И попёрли

на меня: «Признавайся, что угнал две машины!» Я говорю, что не знаю, как машину завести, а они своё: «Признавайся!» Ни хрена понять не могу, растерялся. Эти двое толкуют: «Машины найдены, они целые, ущерба нет. Надо только признание. Я опять не врубаюсь. Тогда один спрашивает: «Курить хочешь?» — «Хочу.» — «Признавайся.» Я опять не соглашаюсь. «Свидание с матерью хочешь?» — «Хочу.» — «Признавайся!»

А если парню посулят камеру «петухов», после которой он тоже будет числиться «опущенным»? С одной стороны, невероятные муки, с другой — всего лишь какие-то две машины.

Приведу дословно свидетельство автора, которое читатель найдёт в той же повести: «Из рассказов сокамерников да и работников изолятора знаю, что в СИЗО негласно существует камера “петухов”, куда могут за любую провинность определить подсудимого, чтобы получить необходимые показания. Пусть обойдёт стороной чаша сия любого человека»...

Для определения места и роли камеры в Системе важна цитата из повести «Витебское дело или двулика Фемида»: «Возникла дилемма — что лучше для меня: получить какой-то срок (желательно, естественно, минимальный) и вырваться из этих тюремных стен в лагерь или добиваться доследования, отказывая следствию в доверии, затягивать разбирательство, сознательно запирая себя в СИЗО? Я не сомневаюсь, что вся наша так называемая правоохранительная система и задумана так, чтобы попавший в её лапы упёрся

в этот риф. Ограничения в переписке с родными, в свиданиях, в еде и элементарном жизненном пространстве в изоляторах намного жёстче, чем в исправительно-трудовых колониях. И подследственного прямо-таки подталкивают к мысли: «на зоне лучше, чем в СИЗО, сознавайся, это же в твоих интересах, ты ведь себе не враг»...

И даже если суд человека оправдывает, он долгие-долгие месяцы уже отсидел... Так действует один из механизмов Системы. Заботясь о самосохранении, он должен заботиться и о том, чтобы поменьше людей выходило из зала суда оправданными. Презумпция невиновности, конечно, продекларирована, но... Так что не совсем точно называем мы третьей властью судебную власть: человек уже сидит, а до суда ещё ох как далеко. Это власть не судебная, а милицейская, прокуроров и следователей. Она охватывает сферы, где гласностью и не пахнет, сферы, вечно воюющие против участия адвоката с момента задержания человека... Там очень много казуистики. Одно лишь ясно: сам факт взятия под стражу не должен ставить человека в скотское положение.

Из беседы с Валерием Сороко я кое-что узнал о судах, которые состоялись уже после выхода его книг. Нашлись люди — вроде бы герои его прозы, вроде бы не самые главные, но уязвлённые и подали исковые заявления о защите чести и достоинства. Прочёл копию одного заявления, ещё ряд документов. Человек обиделся, что упомянут в книге как поклонник Бахуса, и приходится теперь разбираться, связано сие только с алкого-

лем, с тем, что античного бога угораздило покровительствовать виноградарству, или же важнее его, бога, родство с самим Зевсом. Я не склонен сводить дело к юмору: если написано неверно, то надо поправлять ошибки. Чтобы они не заслонили главного. Суды потому и не интересны для журналиста, что они главного не касаются. Если выплатит Валерий Сороко несколько миллионов, то от него, естественно, убудет, а от его книг — нисколько. Меня больше встревожили слова, прозвучавшие, хоть и не ставшие позицией суда: изъять книги, лишить фирму «Ранет» лицензии на издательскую деятельность.

Вот! Пусть уходят миллионы... Когда это за творческую работу платили? А за правдивую творческую работу? Расстреливали, сажали, из страны выбрасывали — было, а чтобы платили... Лишь бы осталась у Валерия Сороко возможность писать и публиковаться, лишь бы не придумали чего-нибудь. Во времена Брежнева то же МВД знаете как устраивалось? Упомянул в повести милиционера — журналистское начальство настаивает, чтобы нёс рукопись в МВД на заключение. Почитают с лупой. Вдруг ты секретные методы выдал, преступников просветил... Тогда бы в печать ничего не просочилось...

Пусть уходят миллионы, важна уникальность опыта автора. Его пример. Был человек, как говорится, по обе стороны, знает, что чем пахнет, и всё-таки решился. Давайте попросту: вы можете вообразить прокурора, следователя, которые разоблачали бы Систему? Да никогда такого

не было, люди системы, наоборот, склонны к изысканиям книг, судам над литературой, они сейчас экономическими приёмами пытаются ставить писателей и журналистов на колени — не прощают прорвавшейся критики прежней власти.

В белорусском городе Черикове живёт человек, который был осуждён за изнасилование и убийство женщины и отсидел почти весь свой огромный срок. Истинный же насильник и убийца за эти годы помутился рассудком, начал в больнице признаваться в некогда совершённом. Лишь тогда невиновный обрёл свободу.

Писатель Виктор Карамазов несколько раз пытался встретиться с бывшим узником. «Подхожу к дому — дверь открыта, ведро строит, с которым он собирался на огород, а самого нет, — поделился со мной Виктор Карамазов. — Соседи разводят руками. Ну вот же, вздыхают, только что его видели... И так раз за разом. Никогда мне его не застать. Тем более не разговорить, если даже застану».

Ненормально?

А я считаю, что вполне нормально. В отклонениях от нормы логичнее упрекать тех, кто ещё надеется изменить нашу жизнь к лучшему. Но если она когда-нибудь изменится, то и донкихотские усилия будут оправданы.

Вот только изменится ли? Кто сидел, вместо ответа на вопрос морщатся. Правда, многие оттуда пытаются писать властям, в редакции. Вопль один и тот же: мы совершили преступления, нас лишили свободы, но мы всё-таки люди...

Приведу фрагмент лишь одного письма в газету «Права человека», вышедшей в Беларуси. Пишут осуждённые камеры № 10 Григорьев, Тихонович, Комаров, Шерстень, Дубовский, Семенник, Батуревич, Ходунай, Пазгерт из колонии особого режима г. Глубокое.

«22 марта 1994 года умер осуждённый Барсков Михаил Михайлович. Он почувствовал боль в области сердца и пытался 21 марта днём попасть на приём к врачу. Но без предварительной записи к врачу его не пустили. 22 марта 1994 года М. М. Барсков записался у начальника отряда № 15 майора Шабана к врачу, но в течение дня его врач так и не принял. В этот же день в 19.00 М. М. Барскову стало плохо, мы, сокамерники, находящиеся рядом с ним, обратились к контролёрам, дежурившим на коридоре, чтобы вызвали врача. Они ответили, что врача вызвали, ждите. (Чего не было сделано. Это мы узнали потом в санчасти.) Прождав около получаса, мы стали требовать, чтобы нам разрешили отнести Барскова в санчасть, так как ему стало плохо и он уже сам не мог идти.

В санчасти находился из всего медперсонала фельдшер-осуждённый. Увидев, что мы принесли человека в бессознательном состоянии, пытался делать искусственное дыхание и массаж сердца, пока подойдёт врач. Но безрезультатно: Михаил Михайлович Барсков умер».

В письме есть фраза: «Закон отправил нас сюда, оставив право жить».

Конечно, и на свободе сердца не вечны, а медики, спасая нас, каждого когда-нибудь не спасут.

Конечно, покойный был осуждённым — наверное, зло зачернило его душу. Но мир стоит на добре. Добра в нём всё-таки больше, чем зла, иначе он рухнул бы. Мы умрём, но мы до последнего будем надеяться на помощь. Разве не потому и живём, разве не потому мир, собственно, есть? Создан, существует...

Сегодня нельзя не выступить за отмену или хотя бы значительное ограничение смертной казни. В повести «Бывшие сотрудники» Валерий Сороко не единожды и с огромной убедительностью показывает, насколько по-разному можно толковать то или иное дело, сколь много зависит от «философии»: обвинительный уклон закладывается в основу Системы или же презумпция невиновности. Нарушений, лжи в Системе слишком много. «Витебское дело» всеми сторонами своими — тому доказательство. И перемены слишком медленны... Я вчитывался в повести Валерия Сороко, а «Известия» (за 29 июля 1994 года) как раз напечатали статью «Едва не казнённые». Пока (через 12 лет) не был изобличён истинный преступник, вырезавший семью в Северной Осетии, Фемида едва не отправила на тот свет как минимум пятерых невиновных. Работали чины из Москвы, «чисто-сердечные признания», естественно, были...

У Валерия Сороко нет пиетета к следователям, присланным тогдашним Генеральным прокурором Союза. В том числе и к Прошкину, возглавлявшему группу, ведшему его дело. Всё зависит не от того, где служит человек — в Москве или в другом городе, а от самого человека.

В «Известиях» автор статьи И. Корольков свидетельствует, что в одном и том же ведомстве уживаются очень разные, в чём-то противоположные люди: «154 тома черменского дела — это история лжи и цинизма, проявленных сотрудниками милиции и прокуратуры. Но это и история удивительной порядочности и высокого чувства долга, проявленных сотрудниками тех же ведомств».

Привязывать к общей ситуации фамилии всегда трудно. Москвичи — особое «государство» даже в России. Но, оглядываясь сейчас на горбачёвскую перестройку, мы понимаем, какой крутой вираж тогда делался и насколько по-разному относились к нему в «верхах». Многие честные люди тайно выносили из архивов свидетельства о сталинских репрессиях, уцелевшие узники ГУЛАГа дописывали воспоминания, вытаскивали из схронов жёлтые листки той поры.

А люди в блестящих мундирах чувствовали вираж? Чувствовали. И некоторые спешили вписаться в него, вцепившись в кресла. И удержались. Один, другой... А рядовые люди, далёкие от власти, до сих пор оправдываются за то, что платили партийные взносы, за то, что у них же их и украли.

Отринуто многое из прошлого — правильно отринуто, но есть уже резоны спросить словами мудрого предшественника: «Какое утверждение стоит за этим отрицанием?»

У каждого — своё?

То, что произошло с Валерием Сороко на вираже, прибавило ему беспокойства о людях, о будущем.

Книги его внушают читателю это же беспокойство.

Прочтя их, я стал думать, что стоило бы создать попечительский совет, целый ряд попечительских советов при учреждениях, где люди содержатся под стражей. И даже, в известном смысле, над учреждениями должен стоять попечительский совет. Знаю, подобные — но формальные! — структуры уже создавались. Не перевосоздать ли их? Вдохнув новую жизнь. Не стоит считать, что ничего, кроме лишнего шума, не выйдет — гласность всё же способна останавливать тех держиморд, которые есть в учреждениях любого профиля. Она способна также привлекать внимание общества к переполненности тюрем, скудности отпускаемых средств, плохой организации труда заключённых, то есть к невозможности для них лучше обеспечивать себя самих.

Попечительские советы (если войдут в них люди не по должностям) могли бы искать те формы милосердной помощи заключённым, которые не расходятся с законом и для которых накоплен определённый потенциал в обществе, сколь бы тяжело оно ни болело. В царской России попечительские советы, если верить тогдашней информации, находили, как проявить милосердие к падшим.

Полнокровно идею попечительских советов дано воплотить лишь верхам прокуратуры, МВД, многочисленным администрациям. Общественность должна лишь участвовать, а не командовать, иначе у неё выйдет ещё одна правозащитная организация.

Моё беспокойство подсказывает мне также, что надо выступать не за изъятие книг Валерия Сороко, а за переиздание их массовыми тиражами. Я бы употребил на это, на рекламу по радио, телевидению всё влияние прокуратуры, МВД, сумев забыть или как-то сгладить противоречия в позициях. Потому что нельзя сегодня указать на другие книги, которые не просто стоило бы прочесть людям, в особенности молодым, «собирающимся» — по образу жизни, по характеру отдельных поступков, по рискованности целей — завтра-послезавтра отправиться в тюрьму и зону. Они должны реально представлять, что их ожидает. Такого материала «чистые» журналисты, писатели, киношники не добудут. У нас, в славянских пределах, это невозможно профессиональным путём. В Германии, например, — да. В Германии мастер «ролевых репортажей» Гюнтер Вольраф, изменяя внешность, внедрялся то в пресс-империю Шпрингера, то в среду иностранных рабочих и даже написал книгу «Взгляд в досье», зацепив спецслужбы. У нас приклеенные усы не проходят, в первом же участке маскировщику могут так вломить, что не только усы отклеятся...

Александр Солженицын, Франтишек Алехнович не в писательских командировках за колючей проволокой были, они там выжили. У нас много ненастоящего, но тюрьма и лагерь — более чем. Происшедшее с Валерием Сороко потрясло всё существо его, потому что он был и прокурором, и ээком. Я не стопроцентную правоту его защи-

щаю, а его настоящесть. Уникально потрясение, создавшее из бывшего прокурора и бывшего зэка писателя. Он пишет о сегодняшней тюрьме, о сегодняшнем лагере. «Читайте!» — такой призыв логичен от прокуратуры и МВД.

В сущности, не оценить эти книги должны лишь те, чья власть уменьшится со спадом преступности. Я имею в виду власть матёрых уголовников и прислуживающих им «шестёрок». Вне зависимости от того, где они — за решёткой и колючей проволокой или на свободе.

Николай СЕРДЮКОВ,
член Союза писателей Беларуси

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
I. СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЛЛО И АЛЕКО	17
Вместо командировки уехал срок отбывать	21
И снова ревность	34
Их бы отцовским ремнём припугнуть.....	39
Грешен, но не в том, в чём обвиняют	43
Судьба подставляет подножку	50
И опять это роковая женская роль.....	56
II. РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО	59
III. ЛАГЕРНЫЕ ИСТОРИИ	
МИХАИЛА ЗАЗУЛИ	87
Ошибки правосудия и «праздники» осуждённых.....	98
«И обязательно улыбайтесь!»	108
Скрытые пружины жизни в неволе	126
«Святое кумовство»	136
«Довески» и сложности	186
IV. РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ	195
V. БОЛЬ МОЯ, ТЫ ПОКИНЬ МЕНЯ...	205
Так сидят в зарубежных тюрьмах.....	207
Каких перемен дождались и ждут в Беларуси.....	222
VI. ДОЛГИЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ	233

Литературно-художественное издание

Сороко Валерий Илларионович

И ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ

Исповеди бывших сотрудников

Ответственный за выпуск *В. И. Сороко*

Редактор *Е. Е. Крицкий*

Компьютерный дизайн, верстка *И. И. Галицкого*

Дизайн обложки *И. И. Галицкого*

Корректор *Ю. А. Ирхина*

Подписано в печать 10.12.2015. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 9,1.
Тираж 1 000 экз. Заказ 2378.

Издатель и полиграфическое исполнение:
общество с ограниченной ответственностью «Медисонт».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/142 от 09.01.2014. № 2/34 от 23.12.2013.
Ул. Тимирязева, 9, 220004, Минск.

*В этой жизни на каждом шагу западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
В небесах без меня принимают решения.
А потом бунтарём объявляют меня.*

Омар Хайям

**СОРОКО
ВАЛЕРИЙ
ИЛЛАРИОНОВИЧ**

АВТОР КНИГ:

- «ВИТЕБСКОЕ ДЕЛО» ИЛИ
ДВУЛИКАЯ ФЕМИДА (2 части)
- БЫВШИЕ СОТРУДНИКИ
- ОСТАВЬ НАДЕЖДУ...
- ТАГИЛЬСКАЯ БЕЗДНА
- SOS СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

ISBN 978-985-7136-03-2

9 789857 136032